

НА ГРАНИ ВЫЖИВАНИЯ

СЕРИЯ «НА ГРАНИ КРАХА #6»

КАЙЛА СТОУН

Государство рушится. Мир разваливается на части. ЭМИ — это только начало...

Через три месяца после того, как ЭМИ-атака разрушила энергосистему США, голод, болезни и жестокий холод убили миллионы людей. К наступлению весны Фолл-Крик, небольшой город в штате Мичиган пережил многое и продолжает балансировать на грани краха.

Горожане страдали и жертвовали собой. Но чтобы построить достойное будущее, им придется встретиться с тьмой внутри себя. Каждый житель Фолл-Крика должен решить для себя — сохранит ли он свою человечность или выберет выживание любой ценой?

Перевод: MonaBurumba

Вычитка: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексаны

«Чтобы исцелить страдание, нужно пережить его полностью».

Марсель Пруст

Глава 1

Лиам

День восемьдесят пятый

Лиам Коулман изучал человека через прицел своей винтовки «Ремингтон 700».

На первый взгляд, мужчина не представлял угрозы. Но Лиам никогда ничего не принимал просто так на веру.

Мужчине было около семидесяти лет, его обветренное лицо покрывала сеть морщин, голубые глаза болезненно воспалились, лысина блестела на солнце. Под плотной коричневой курткой он носил поношенные джинсы и потертые рабочие ботинки.

А еще он оказался вандалом. Старик держал полупустую бутылку виски за горлышко в одной руке, покрытой пигментными пятнами; в другой сжимал баллончик с красной аэрозольной краской.

Он старательно выводил слова на стене двухэтажного серого колониального дома с железным флюгером в виде индейки на крыше. Рядом с ним стояло прислоненное к стене двуствольное ружье.

Стекла из разбитых окон дома усыпали крыльцо и блестели в пожухлой траве. Мусор и обломки валялись на заросшей лужайке перед домом. Граффити украшали обшарпанный и облупившийся сайдинг.

Весь дом казался покосившимся, разбитым и заброшенным.

Этот дом представлял собой своеобразный символ остального города. Возле зданий громоздились кучи мусорных пакетов. Некоторые пакеты разорвались, и мусор катался по улицам и тротуарам и скапливался в ливневых стоках.

Витрины магазинов и предприятий на главной улице пестрели разбитыми окнами и выбитыми дверями. Некоторые сгорели дотла.

Нигде никакого движения. Никаких признаков жизни, кроме нескольких крыс, шныряющих туда-сюда по бензоколонке, разбитые окна которой напоминали пустые черные

глазницы.

Город обезлюдел. Совсем опустел.

Этот старик стал первым, кого Лиам увидел сегодня.

Лиам пошевелился, разминая ноющие плечи, камешки и ветки кололи ему живот. Он лежал на твердой земле на вершине холма, с которого открывался вид на город Таскола, штат Иллинойс.

Вечернее солнце висело над линией деревьев, небо окрасилось в золотые, оранжевые и красные цвета. Лиам наблюдал за городом с рассвета, несколько раз меняя позиции, изучая главную улицу, несколько кварталов, а теперь и северную окраину.

Таскола — небольшой сельский городок в самом сердце Иллинойса, в округе Дугласс, где живут амиши и фермеры, недалеко от шоссе 57. Он находился примерно в ста шестидесяти милях к югу от Чикаго и в двухстах двадцати милях от Фолл-Крика, штат Мичиган.

Лиам установил винтовку на плоском камне перед собой, а М4 перекинул через спину. Он взял с собой «Ремингтон» для снайперской стрельбы, поскольку у нее большая дальность и мощный удар.

Поверх бронежилета он надел импровизированный костюм «гилли» из джутовой сетки, заплетенной травой, кустарником и ветками. Камуфляжная сетка обвивала корпус и ствол винтовки, чтобы его замаскировать.

Маскировка размыла человеческий облик и идеально вписала Лиамп в окружающую обстановку. Любой житель города, взглянув на холм, увидел бы только деревья, кусты и камни.

Мертвые листья устилали бурую траву. Снег покрывал землю. Воздух был резким и зябким; заходящее солнце ничего не делало, чтобы его согреть.

Пока Лиам наблюдал в оптический прицел, старик отпил виски и вытер рот тыльной стороной ладони, а затем вернулся к работе, рассыпая новые оскорбления в красочных выражениях.

Лиаму требовалась информация. Поэтому он решил поговорить со стариком.

Беспокойство за людей, о которых он заботился в Фолл-Крике, разъедало его душу, мешая сосредоточиться. Ханна Шеридан и ее дети, Майло и маленькая Шарлотта. Квинн и Молли. Бишоп. Рейносо и Перес.

Он покинул Фолл-Крик пять дней назад, тщательно расходуя топливо в автомобиле «Додж D150» 1978 года выпуска, который одолжил у фермера, и спрятал его в заброшенном сарае в полумиле к югу от своего нынешнего местоположения.

По дороге на него дважды нападали грабители, и он избежал по меньшей мере двух засад. Термин «ограбление на дороге» снова стал буквальным.

Прежде чем покинуть город, он провел неделю, обучая горожан, и помог полицейскому управлению Фолл-Крика и различным добровольцам установить блокпосты и дозоры, создав защитный периметр вокруг окраины маленького городка.

Этого конечно недостаточно.

Ему еще многое предстояло сделать, и он ненавидел оставлять Ханну, но эта миссия необходима. Для него самого. Ради Джессы и Линкольна. И ради его племянника.

Однажды Лиам уже бросил ребенка своего брата. Он не сделает этого снова.

Лиам просканировал возможные позиции снайперов. Верхушки зданий выглядели пустыми. Никакого движения, ничего необычного, никаких световых бликов от прицелов.

Он уже выбрал маршрут, который обеспечивал ему наилучшее укрытие и маскировку. Как только стемнеет, он войдет в город.

Лиам попятился назад, передвигаясь на животе с винтовкой в руках, пока не сполз достаточно далеко вниз по склону, встав так, чтобы его не заметили за деревьями.

Откуда-то донеслось карканье ворона. Ледяной ветер шелестел ветвями окружавших его дубов, кленов и сосен, а в нескольких ярдах к юго-западу по снегу пробирался бурундук.

Лиам впитывал все. Все видел. Слышал. Все его чувства находились начеку.

Он привык к отсутствию механических звуков. Над головой почти не летали самолеты, только военные. Машин на дорогах теперь тоже не слишком часто встретишь.

Большинство автомобилей, построенных после 1980 года, заглохло в день Краха. У остальных бензин закончился в последующие недели. Те, у кого оставалось топливо, старались его экономить.

Лиам незаметно подошел к дереву в пяти ярдах от холма, снял и положил свой комбинезон в рюкзак, спрятанный под несколькими сосновыми ветками.

Он надел рюкзак, в котором хранился запас еды и воды на несколько дней, фильтр для воды, аптечка, патроны и другие средства для выживания, и быстро проверил оружие.

На этом этапе миссии он перешел на свой М4. На бедре у него висел тактический нож «Гербер МК II» и пистолет «Глок» 19 калибра с магазином на семнадцать патронов. Постоянно снаряженный магазин содержал еще восемнадцать патронов.

Лиам носил пластинчатый бронежилет и нагрудное снаряжение с двумя заряженными магазинами для пистолета и тремя для карабина, а также очки ночного видения, несколько взрывпакетов и осколочных гранат, конфискованных со склада оружия ополчения.

Надев очки ночного видения, он поправил рукоятку карабина, держа его в боевой готовности, и начал спуск с холма. Его позвоночник неприятно ныл.

Он продолжал идти, не позволяя боли его замедлить.

Лиам восемь лет прослужил в спецназе «Дельта», после чего был уволен по состоянию здоровья из-за травмы спины — пять раздробленных дисков, полученных в результате слишком частых прыжков с вертолетов и самолетов, выполняя сверхсекретные операции по всему миру.

Боль в позвоночнике беспокоила его постоянно, если только он не усугублял ее — тогда спину простреливал сильнейший разряд, вызывая изнурительные и мучительные ощущения.

Постепенно наступила темнота. Ночные звуки наполнили воздух — ночные существа, пробирающиеся сквозь заросли, крик совы. Ночь принадлежала ему.

Его сердцебиение участилось. В состоянии повышенной готовности, напрягая все чувства в поисках любой угрозы, Лиам вышел из-за деревьев у подножия леса.

Он использовал местность в своих интересах, перебираясь от дерева к дереву, пока не достиг длинной глубокой канавы, стараясь избегать пятен грязного снега. Лиам шел по канаве, пока она не скрылась за рядом домов. Оттуда он обогнул задний двор и вышел на дорогу.

«Шевроле Импала» стояла у обочины, усыпанная мертвыми листьями и увядшими сосновыми иглами. Присев на колени позади нее, он замедлил пульс, дыша ровно, и прислушался.

Ничего необычного. Никаких признаков угрозы.

С большой осторожностью Лиам двинулся по дороге, перебегая от машины к машине, от здания к зданию, и пересек улицу. Он осматривал окна и крыши, ища движение.

Срезая углы, он держал оружие наготове, пока не достиг обшарпанного серого дома с флюгером в виде индейки.

Прижавшись спиной к обшивке, он проверил заднее и противоположные боковые окна на наличие посторонних в доме. Затемненная гостиная, пустая спальня, кухня. Плита на стойке, несколько чистых тарелок сложены рядом. Внутри оказалось чище, чем снаружи.

Никакого движения. Ни одной тени не на месте.

Он присел у восточного угла дома, прислушиваясь. Никаких звуков, кроме тяжелого дыхания, потряхивания и брызг из баллончика с краской. Старик сосредоточенно работал.

Судя по звукам, он перебрался к передней части дома, рядом с крыльцом. Свет от керосинового фонаря светился мягко.

Лиам выдохнул, успокоился и начал действовать. Он обогнул крыльцо и прицелился из М4.

— Руки вверх! Быстро!

Глава 2

Лиам

День восемьдесят пятый

Старик повернулся и несколько раз моргнул своими воспаленными глазами, удивленный, но, похоже, не шокированный.

Он поднял обе руки и уронил баллончик, но не выпустил бутылку, виски забулькало.

— Я сделаю все, что ты попросишь, — сказал он скрипучим голосом. — Только не заставляй меня терять выпивку. Она — все, что у меня осталось в этом мире.

Лиам обошел вокруг крыльца, не сводя глаз со старика. Подойдя вплотную, отбросил ружье с дороги, чуть не сбив керосиновый фонарь, стоявший у ног старика.

— Держи свои руки так чтобы я мог их видеть, — скомандовал Лиам

Старик дрожал, скорее от возраста, чем от страха. Однако глаза его оставались спокойными.

— Не нужно убивать меня за выпивку. Я отдам ее тебе, хотя это разобьет мне сердце.

— Оставь себе виски. — Лиам похлопал его по плечу и извлек пистолет «Зиг Зауэр Р365» из кобуры на бедре и сложенный тактический нож в правом кармане.

Лиам конфисковал и то, и другое. Пистолет он засунул за пояс, а нож — в карман.

— Чей это дом?

— Мой.

Лиам приподнял бровь.

— Ты размалевал свой собственный дом?

Старик жестом указал на дома на противоположной стороне улицы.

— Это маскировка. В наши дни приходится сливаться с толпой. Если бы мой дом выглядел чистым и ухоженным, то привлекал бы внимание. А это последнее, к чему я стремлюсь. — Он поморщился. — А еще это отличная терапия.

В этом имелся смысл. Старик оказался хитрым и умным. Лиам не стал бы его недооценивать.

Он указал ему карабином на дом.

— Внутри.

Старик сузил глаза.

— Зачем? Я же сказал, у меня ничего нет.

— Я не собираюсь причинять вам вред, но и ждать, пока снайпер снимет меня, тоже не буду. Внутрь, сейчас же.

— Логично. Если бы здесь водились снайперы. — Старик хмыкнул. — За тобой кто-то охотится?

— Вопросы буду задавать я.

— Полагаю, твой карабин не даст мне поспорить. Ладно пошли.

Старик поднял фонарь, но бросил баллончик, проходя через двор.

Лиам подобрал дробовик, поднялся по ступенькам крыльца и вошел в дом, направив оружие ему в спину.

Он осмотрел гостиную — два дивана с цветочным рисунком, дубовый журнальный столик, заваленный книгами по фотографии. На стене висели пыльные фотографии взрослых детей и нескольких внуков.

Старик заметил его взгляд.

— Их больше нет. Всех.

Лиам закрыл за ними дверь. Поставил ружье в дальний угол в недоступном месте и, подтолкнув старика в кухню, усадил его на кухонный стул и велел поставить на стол бутылку.

Он закрепил руки хозяина дома за спиной стяжками из своего рюкзака.

Старик пошевелил руками, но не сопротивлялся.

— Ты не должен этого делать.

— Я осмотрю дом.

— Я не против. Но кроме призраков ты никого не найдешь.

Лиам осмотрел дом, комнату за комнатой. Дом казался холодным и неудобным. Пыль лежала на каждой поверхности, в углах скопилась паутина.

Убедившись, что внутри никого нет, даже призраков, он вернулся на кухню.

Старик настороженно наблюдал за ним.

— Нельзя ли освободить меня сейчас? Мои старые скрюченные руки уже онемели.

Лиам проверил под столом и внутри шкафов спрятанное оружие. Ничего не найдя, он решил, что пряник лучше кнута.

Он перерезал стяжки своим «Гербером».

— Держите руки на столе.

Старик застонал, потянулся и потер запястья. Он уперся локтями в стол и сжал бутылку виски морщинистыми руками.

— Меня зовут Роб Макферсон. Поскольку вы гость в моем доме и все такое, думаю, стоит познакомиться.

— Лиам Коулман. — Лиам наклонился так, чтобы видеть из окна кухни, не выдавая себя, и одновременно следить за стариком.

Он пожалел, что его очки не оснащены инфракрасной подсветкой. Задний двор светился зеленым матовым светом, заросшая бурая трава пробивалась под струпами грязного снега, покосившийся забор и мебель для патио, занесло мертвыми листьями и снегом.

Несколько домов возвышались за забором, их окна напоминали выбитые зубы.

Макферсон уставился на него. Не возмущенно и не испуганно. Скорее с любопытством.

— Ты солдат? Настоящий?

— Здесь есть ненастоящие солдаты?

— Можно и так сказать. А ты какой? Ты похож на солдата, это все, что я хочу сказать, — заявил старик. — Настоящего.

Лиам был солдатом. Не имело значения, служил он еще или нет. Годы обучения ввелись в его кости, в каждое его движение, в каждую мысль, в то, как он смотрел на все как на потенциальную угрозу, всегда оценивая возможности отступления и контрходов.

Для него это казалось естественным, как дыхание.

— Я служил своей стране. И всегда буду служить, если вы об этом.

Старик кивнул, удовлетворенный.

— Да.

— Я хочу задать вам несколько вопросов.

Макферсон сделал глоток и вытер рот.

— Спрашивай, и тогда ты сможешь отправиться в путь, а я смогу вернуться к выпивке. — Он сузил глаза. — В одиночестве.

— Где все? Что случилось с этим городом?

— То же, что случилось с каждым городом в округе.

— И что это?

— Ищешь кого-то конкретного? — спросил Макферсон вместо ответа.

Лиам колебался, но не видел особого риска в том, чтобы поделиться информацией.

— Семейю Брукс. Эвелин и Тревис Брукс. С ними младенец, маленький мальчик. Они поселились у Жасмин Брукс, тети Тревиса.

Макферсон потер свою заросшую челюсть и кивнул.

— Я знаю их. Прибыли несколько месяцев назад. Хорошие люди.

Теснота в груди Лиам ослабла.

— Они добрались.

— Да. — Рот Макферсона растянулся. — На ферме побывал?

— В первую очередь.

В тот ужасный день в Чикаго Лиам попросил родственников своего покойного брата дать ему адрес их места назначения. Он хотел знать, где находится его племянник — даже если никогда его больше не увидит. Ему важно было знать.

Приехав в Гусколу вчера утром, Лиам сразу же отправился на ферму.

Расположенный на десяти акрах земли в нескольких милях к югу от городской черты, большой ветхий фермерский дом когда-то имел желто-белый цвет и большое крыльцо.

Когда-то он радовал теплом, уютom и гостеприимством. Теперь ничего этого не осталось.

Дом сгорел дотла. Сгорели амбар, несколько сараев и курятник.

Большая часть забора все еще стояла вертикально, ярко-белая на фоне почерневших от огня останков. Какие бы животные ни паслись в этом загоне — лошади, коровы, свиньи — они давно исчезли.

Лиам целый час ходил по участку. Обугленные обломки строения больше не тлели. Он пробирался через обгоревшие останки дома, обломки жизни.

Стены наполовину обвалились. Обгоревший диван с подушками, приплавленными к каркасу. Мебель — витрины, книжные шкафы, обеденный стол, журнальный столик — превратилась в почерневший уголь. Все покрылось толстым слоем копоти.

Следов не осталось. Никаких следов автомобилей. Никаких улик, кроме разрушений.

Грудь Лиам сжалась, гнев пульсировал в нем, яркий осколок ярости засел в его сердце.

Если кто-то причинил им боль... если кто-то посмел тронуть его племянника...

Он найдет их и убьет.

То, что он не нашел ни одного обгоревшего скелета, служило ему единственным утешением. Значит, они не умерли здесь. Но это не доказывало, что они не умерли где-то еще.

Лиам направился в Тусколу в поисках информации. Целый день разведки привел его к изуродованному серому дому с флюгером. К Робу Макферсону, его склонности к вандализму и быстро иссякающей бутылке виски.

— Вы знаете, что с ними случилось? — спросил Лиам. — Кто сжег дом?

— Не скажу конкретно, — ответил Макферсон. — Но в целом — вероятно, с ними случилось то же самое, что и со всеми остальными.

— Вы имеете в виду ЭМИ?

Три месяца назад, в канун Рождества, серия одновременных ядерных взрывов на большой высоте вызвала мощный электромагнитный импульс, который разрушил энергосистему на большей части континентальной части США.

Он вывел из строя электронные системы автомобилей, самолетов, ноутбуков и телефонов, включая многие генераторы новых моделей — все, что имеет компьютерный чип размером больше, чем часы «Эппл».

В одно мгновение Соединенные Штаты вернулись в восемнадцатый век. Но в отличие от восемнадцатого века, у большинства оставшихся в живых людей не имелось ни знаний, ни инструментов для выживания.

Макферсон бросил на него тяжелый взгляд.

— Хуже.

Лиам проверил окна, ища угрозы. Ничего. Там никого не было. Вообще никого. Весь город опустел, в нем жили только тени и призраки, пыль и пепел.

Жуткое, тревожное чувство пронзило его. Он подавил дрожь.

В его воображении возник Фолл-Крик. Подобная участь могла постигнуть и их.

Лиам находился здесь, а не там, не защищал город, не обеспечивал безопасность Ханны.

Чувство вины пронзило Лиам. Он почувствовал, что внимание ослабевает, когда беспокойство переполнило его, а мысли раздвоились.

Он жаждал вернуться к ним. К Ханне, ее сыну Майло и Шарлотте, малышке, которую он обожал с первого мгновения, когда взял ее на руки: ее крошечная ладошка морской звездой, обхватившая его палец, ее розовые губы, ее молочно-сладкий запах.

Но сначала он должен сделать одну вещь. Должен выполнить, ибо знал, что без этого не сможет обрести покой.

Лиам заставил себя полностью сосредоточиться на задаче. Чем быстрее он спасет племянника, тем быстрее сможет вернуться в Фолл-Крик — и к Ханне.

— Расскажите мне все.

Глава 3

Лиам

День восемьдесят пятый

Старик сделал большой глоток виски. Он поставил бутылку перед собой и с минуту смотрел на нее, а затем медленно выдохнул, словно ему нужно собраться, чтобы рассказать эту историю.

— Поначалу, когда это случилось, через пару недель приехали представители правительства. Они сказали, что делают большое убежище для всех близлежащих городов к югу от Пеории и к востоку от Спрингфилда. Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям построили огромный лагерь недалеко от Шампейна.

— Я полагаю, чтобы большие шишки могли легко получить доступ к аэропорту Уиллард и любым ресурсам, которые еще мог предложить Иллинойский университет. Кроме того, там находится исследовательская лаборатория инженерных войск. Во всяком случае, правительство называет это лагерем, но, по мне, это больше похоже на город. Не знаю, сколько там людей, но много.

— Они обещали электричество, еду и воду, а также лекарства для тех, кто в них нуждался. Всем тогда было холодно и голодно, и многие люди к тому времени уже умерли. Автомобильные аварии, замерзание в своих домах, сердечные приступы и тому подобное.

— Большинство людей пошли добровольно. Никого не заставляли идти, но агентство не организовывало пункты приема пищи или что-то в этом роде. Если требовалась еда, идешь в лагерь. Вот и все.

— Потом, через месяц, агентство забрало кучу наших парней из Национальной гвардии, которые поддерживали порядок здесь и в лагере. Они понадобились в другом месте, я думаю. Наверное, чтобы сдержать волну хаоса в Чикаго. Проигрышная битва, как по мне. В любом случае, через несколько недель после этого лагерь захватили.

— Захватили? Кто?

— Они называют себя Синдикатом. Думаю, это отсылка к Национальному преступному синдикату, печально известной конфедерации боссов организованной преступности и мафии 1930-40-х годов.

Лиам склонил голову.

— Значит, банда?

Макферсон покачал головой.

— Не такая, как те банды, о которых ты, вероятно, думаешь. Эти новые группировки из Чикаго организованные, мощные и жестокие. Представьте себе картели в Мексике или русскую мафию старого образца. У них тоже есть деньги и связи. Корпорации, политические чиновники и полицейские работают на них. Здесь у нас никогда не случалось проблем с ними, но я слышал разные истории.

— Понятно.

— Они думают, что стали солдатами или что-то в этом роде. Наверное, ограбили арсенал Национальной гвардии, потому что оружие у них военного образца, а маршируют они в форме.

Лиам напрягся. Ополченцы тоже носили форму, считая себя лучше, чем они были на самом деле.

Но эти парни, похоже, еще хуже.

— Их главарь, Александр По, создал себе репутацию безжалостного командира. Он жестокий. Они все такие.

— Что случилось?

— Эти парни ворвались сюда, как вражеское вторжение — несколько сотен. У них бронированные грузовики и автоматическое оружие. Мы не могли сравниться с ними ни числом, ни огневой мощью. Они захватили лагерь, убили всех, кто сопротивлялся, и окружили город, чтобы мы не могли выбраться или обратиться за помощью. Всех, кто не

успел вовремя спрятаться, они согноли в лагерь. Они сжигали дома и предприятия. Убили хороших людей, включая двух моих сыновей.

Гнев захлестнул Лиама. Так много ненужных смертей, так много бессмысленного зла, и некому это остановить.

— Они налетели, как саранча, и конфисковали все — еду, припасы, коров и лошадей — и собрали их на близлежащих фермах амишей, поскольку те полностью функционируют без электричества.

Макферсон вытер воспаленные глаза тыльной стороной ладони и прочистил горло.

— У нас самое большое поселение амишей в Иллинойсе прямо здесь, в Артуре. Мы приставили к амишам несколько своих людей, чтобы они их охраняли. Они берут все, что хотят и когда хотят.

Тень пересекла его лицо.

— И не только животных и припасы, если понимаешь, о чем я.

Гнев Лиама вспыхнул ярче, сильнее. Он понимал.

— Они используют граждан в лагере в качестве рабского труда на местных фермах. Предположительно, они захватили несколько лагерей по всему Иллинойсу. Мы используем их как центры снабжения для поддержки своей растущей армии.

Логично, что По и его Синдикат нацелились на лагеря агентства, и в частности на этот, потому что это легкие цели, богатые ресурсами.

Потребности сотен миллионов перемещенных лиц и беженцев, разбросанных по всей стране, полностью перегрузили Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям и остальные органы власти.

Из-за отсутствия связи, ограниченного транспорта и сокращения ресурсов многие сельские общины остались незамеченными, недоукомплектованными и забытыми.

Это сделало их легкой добычей для банд, ополченцев или тех, у кого имелось больше оружия.

— Для чего он использует свою армию? Какова его цель?

Макферсон пожал плечами.

— Не знаю. Но слышал, что он превратил лагерь в базу для торговли людьми, продавая женщин и мужчин в качестве рабов. Он торгует едой, боеприпасами, оружием, топливом.

Лиам сжал челюсти. Это его не удивило. Такие люди, как этот Александр По, жаждали власти и контроля и готовы подчинить себе любого, чтобы их получить.

Такие люди существовали и до коллапса, но теперь мало что останавливало этих демонов-социопатов от уничтожения всего, к чему они прикасались.

— Теперь все просто... исчезли, — сказал старик. — Синдикат не знает, что я здесь. Я слежу за тем, чтобы снаружи дом выглядел таким же запущенным и брошенным, как и все остальные. В первую неделю они посылали патрули, чтобы забрать всех, кто скрывается. Теперь они не приходят. Может быть, им уже все равно. Что я могу с ними сделать? Ничего. Он покачал головой.

— Никогда не видел здесь ничего подобного. И никогда не думал, что увижу. Я люблю свою страну, мистер Коулман. Я воевал во Вьетнаме. Неужели теперь везде так?

— Нет, — отозвался Лиам. — Не везде. Все не очень хорошо. Много зла процветает, но не так. Национальная гвардия никогда бы этого не допустила.

— Не осталось сторожевых псов. Некому защитить стадо.

— Еще есть немного, — хрипло возразил Лиам.

Макферсон выпил последний глоток виски, опрокинув бутылку назад, чтобы убедиться, что ему досталась каждая капля. Он облизал свои тонкие сухие губы и вздохнул.

— Если твои люди еще живы, они в том лагере. Будешь их оттуда вытаскивать?

— Да.

Взгляд старика стал отрешенным, словно он наблюдал за сценой, разыгрывающейся далеко от этой темной пустой кухни.

— Они убили моих сыновей. Убили моих соседей, моих друзей. Любой ущерб, который тебе придется нанести, чтобы выполнить работу, не чувствуй себя виноватым.

— Я приму это во внимание.

— И будь осторожен. Они из тех, кто сначала стреляет, а потом задает вопросы.

— Я справлюсь.

— Я в этом не сомневаюсь.

Лиам снял с пояса пистолет «Зиг Зауэр» и положил его на стойку. Он положил складной нож рядом с ним и двинулся к задней двери, сканируя задний двор через окно в двери, прежде чем снова повернуться к Макферсону.

Что-то кольнуло его. Чувство, которое Лиам не думал, что сможет почувствовать снова — сострадание.

Он пожалел старика, распознав боль и одиночество в этих мутных, но умных глазах. Он знал, что одиночество живет глубоко в его душе.

Лиам прочистил горло.

— После этого я могу вернуться сюда. Я знаю одно место в Мичигане, где все идет хорошо, несмотря ни на что. У меня есть свободное место в грузовике.

Макферсон тоскливо уставился на свою пустую бутылку из-под виски.

— Нет. Это мой дом. Я считаю, что кто-то должен остаться, чтобы присматривать за всем. Не дать этим отморозкам окончательно победить, понимаешь? Это могу быть и я.

Лиам не мог не уважать старика и его доблестную борьбу с охватившим все вокруг злом. В таком маленьком, незначительном поступке было что-то достойное восхищения.

Когда простое выживание становится актом храбрости.

— Вам что-нибудь нужно?

Макферсон поджал губы.

— У тебя случайно нет сухпайка? Никогда не думал, что скажу это через миллион лет, но я бы не отказался от одного. С любым вкусом.

Лиам криво улыбнулся.

— Есть.

Глава 4

Саттер

День восемьдесят шестой

Маттиас Саттер навел прицел и снял АК-47 с предохранителя, переключив рычаг переключения огня на полуавтоматический режим. Он потянулся к спусковому крючку, предвкушая выстрел.

Мужчина и женщина лет пятидесяти стояли на широких каменных ступенях в двадцати футах перед ним. Предположительно муж и жена, оба с оружием: седовласая, одетая в жемчуг жена — с жалкой «пукалкой», муж — с дробовиком, нацеленным в грудь Саттера.

Саттер не беспокоился о нем. У него все равно не будет случая нажать на курок.

— Это моя собственность! — сказал мужчина дрожащим голосом.

— Больше нет, — возразил Саттер. — Уходи сейчас — оставь свои вещи, свой дом, все — и убирайся.

Они уставились на него, ничего не понимая. Худые и немые, в болтающейся на них дизайнерской одежде они все равно выглядели удивительно ухоженными через три месяца после апокалипсиса.

Их дом представлял собой многомиллионный дворец площадью двенадцать тысяч квадратных футов с видом на реку Сент-Джо. Саттер пускал слюни при виде огромного замка — трехэтажного дома с изящными линиями и элегантными башенками, построенного из полевого камня, с огромной дубовой дверью и окнами от пола до потолка.

Он мог бы привыкнуть к такому декадансу. Жаль, что сегодня этого не случится — ни для него, ни для них.

— Это наш дом, — заявила женщина с расширенными от страха и ненависти глазами. — Вы не имеете на него права!

Саттер пожал плечами. Именно такой реакции он и ожидал. Он бы предпочел пристрелить их без лишних разговоров, но эти нелепые вопросы и ответы составляли часть шутки Ксандера Торна.

— Не моя проблема, леди.

Такой мир был уродлив, но Саттер признавал его, даже приветствовал.

Для правильного игрока этот мир таил в себе множество возможностей. То, что он упустил одну, не означало, что сотни других не ждут своего часа.

Включая вот эту.

У него не возникало никаких моральных сомнений по поводу устранения двух незнакомцев, на которых ему было наплевать.

Сделать это так же просто, как вынести мусор. Для него, во всяком случае.

Когда он двинулся, все произошло молниеносно, АК-47 в его руках выплевывал патроны быстрее, чем мозги пары успели среагировать.

Они не привыкли стрелять в людей, они колебались. Саттер не колебался. Два выстрела в грудь каждому из них. Они упали, ни разу не нажав на спусковые крючки.

— Стреляй первым, — поучал он их трупы, испытывая ностальгию по тем охотим до оружия мужчинам и женщинам, которых он тренировал в ополчении. Он заботился о них, как о своей собственной семье. — Всегда стреляй первым.

Саттера пронзила боль. Его людей больше нет. Погибли. Убиты.

Его домом был Аллеган, штат Мичиган, пятитысячный город, где он набирал и обучал членов добровольческой бригады ополчения юго-западного Мичигана, которые сейчас все в могиле.

Когда его ополченцев перебили, в Аллегане для него ничего не осталось.

Выбравшись из Фолл-Крика на квадроцикле 1982 года, который он украл у Розамонд, он направился на север по шоссе 131.

У его знакомого имелся тайник за озером Торч на севере Мичигана, примерно в двухстах шестидесяти милях от Фолл-Крика. Хороший домик для отдыха с тремя спальнями на кристально чистом озере, в котором хранились запасы еды и провизии на несколько месяцев.

Маттиас планировал присоединиться к своему приятелю или устранить его, в зависимости от ситуации по прибытии, но планы резко изменились, когда он наткнулся на

Ксандера Торна и его банду голодных дьяволят.

Саттер решил все-таки пока не бежать.

Все, что он имел, у него отняли, работа всей его жизни рухнула за одну ночь. Его планы пошли прахом.

Люди, на вербовку которых он потратил годы, мертвы. Община, над защитой которой он так усердно работал, потеряна.

Он потерял все из-за Лиама Коулмана.

План Саттера потерпел фиаско. Он слишком долго ждал, позволив Розамонд Синклер действовать свободно. Ее надуманное желание быть восхваляемой и обожаемой своими подданными погубило их всех.

Саттер видел, что происходит вокруг. Слепленная гордыней, Розамонд отказалась признать свой роковой недостаток и поплатилась за это.

Его кухня теперь мертва. Убита руками Коулмана, Маттиас не сомневался в этом. Горькая ошибка, которую он больше не совершит.

Хватит ждать. Никаких колебаний. Решать, потом действовать. Оставлять после себя только трупы.

Саттер не тратил время на жалость к себе. Он мог проиграть, но не пал духом.

Позади него кто-то кашлянул.

Саттер не двигался, не отрывая взгляда от двух тел. Он представил себе Лиама Коулмана мертвым у своих ног.

Ксандер Торн появился рядом с ним, несколько десятков крепких, тяжеловооруженных молодых людей материализовались между деревьями и направились к дому.

Ксандер усмехнулся.

— Молодец.

— Я прошел твой тест? — спросил Саттер, не в силах скрыть нотки угрюмого недовольства, прокравшегося в его голос.

Он мог ускользнуть дюжину раз за ночь. Две причины заставляли его есть, спать и жить с сотней полусумасшедших подражателей гангстерам.

Во-первых, Ксандер конфисковал его рюкзак. Они обыскали его на предмет оружия, но упустили из виду один важный элемент. Спутниковый телефон, который Саттер украл из «Винтер Хейвена», станет его спасением и мстью — если только он сможет до него добраться.

Во-вторых, банда Ксандера могла пригодиться. Они были жестокими, злобными, разрушительными, как агрессивные псы, которых нужно направить в нужную сторону и выпустить на волю.

Саттер должен возглавить эту разношерстную группу головорезов, а не служить в качестве рядового бойца. Они растрчивали его навыки, его потенциал. Тем не менее, он сдержал свой язык. Потребуется время, чтобы завоевать их доверие и начать манипулировать ими в роли лидера.

Ксандер подтолкнул тела носком ботинка и недовольно скривился.

— Эти двое — стружья на заднице человечества. Сидят в своем замке и смотрят, как горит весь остальной мир.

Саттер с удовольствием заперся бы в такой роскоши и экстравагантном комфорте, но он знал, что лучше не говорить об этом. Как и в любом культе или корпорации, вы придерживались линии партии и повторяли все, что от вас хотели услышать.

— Проклятые паразиты.

Ксандер повернулся к тем, кто ждал позади него. Толпа зашевелилась от нетерпения, ухмыляясь в предвкушении, ощетинившись этим странным и тревожным оружием — мечами и ножами, копьями и клинками, большими тяжелыми булавами и топорами, секирами и кувалдами.

Ксандер обнажил свой меч и поднял его в воздух.

— Смерть власти!

Его приспешники подхватили этот клич, с криками и воплями вваливаясь в дом, как тараканы, рвущиеся к уничтожению.

Саттер остался снаружи, бесстрастно наблюдая, как они оскверняют роскошный дом граффити, разбивают окна и срывают с петель входную дверь.

Внутри они произвели еще больше разрушений, разбивая фарфоровую посуду о стены, ломая рояль, переворачивая книжные шкафы и сундуки из красного дерева, мочась на пышные белые ковры.

Тирель и Далия, две самые преданные и безумные последовательницы Ксандера, оставались рядом с ним.

Ксандер указал на два трупа и кивнул Тирель.

— Вздерни их. Ты знаешь, что делать.

Когда его люди принялись за работу, Ксандер повернулся к Саттеру.

— Где топливо, которое ты нам обещал?

— Скоро, — отозвался Саттер. — Я только должен проверить последнюю вещь.

Ему все еще требовался доступ к спутниковому телефону.

Конечно, он знал о секретном спутниковом телефоне, который Розамонд контрабандой пронесла под носом у Саттера. Как будто он не знал обо всем, что происходит с его людьми.

И Маттиас точно знал, кому она позвонит. Чтобы завладеть телефоном и узнать номер, не потребовалось особых ухищрений.

Достаточно одного звонка.

Саттер мог подождать. В конце концов, месть — это блюдо, которое лучше подавать холодным.

Глава 5

Ханна

День восемьдесят седьмой

Ханна Шеридан стояла в стороне и любовалась своим творением.

Результаты ее проекта стояли на кухонном столе. Используя книги по выживанию на электронной читалке Молли, она самостоятельно соорудила высокоэффективную солнечную печь, используя скотч и отражающую поверхность солнцезащитного экрана для лобового стекла автомобиля.

Придав экрану форму воронки, она поставила его на перевернутое пятигаллонное ведро, а на дно воронки установила подставку для торта. Затем завернула черный горшок в пакет для запекания, поставила горшок на решетку, чтобы солнечные лучи попадали под горшок и отражались от него со всех сторон, привлекая солнечное тепло.

Благодаря тому, что пакет для духовки удерживал тепло внутри горшка, печь могла готовить ужин при температуре до 170 градусов. Вуаля!

Больше солнцезащитных экранов найти несложно. Как и подставки для тортов или

пакеты для запекания. Они с Майло могли бы обшарить пекарню и брошенные автомобили, построить больше солнечных печей и обменять их на необходимые товары в День торговли.

Скоро наступит весна, и солнце снова засияет.

— Неплохо для послеобеденной работы, правда? — Она пощекотала Шарлотту, и та заливисто захихикала, как колокольчики в церкви. Малышка смотрела на нее своими большими голубыми глазами — с розовой бархатистой кожей и пушистыми каштановыми волосами, торчащими из-под серо-зеленой вязаной шапочки работы Лиама.

Каждый раз, когда Ханна смотрела на милое кривоватое вязание, в ее груди что-то сжималось, сдавливая живот. Где он сейчас? В безопасности ли?

Раздался стук в дверь.

Ее сердце слегка дрогнуло. Неужели это Лиам? Она положила Шарлотту на левое бедро, воркующую и хватающуюся за все, что попадалось под руку, и направилась к двери.

Фолл-Крик охранялся вооруженными блокпостами на каждой из шести дорог, ведущих в город, включая дополнительную баррикаду в верхней части Тэнглвуд-Драйв. И все же она потянулась здоровой рукой к «Ругеру» 45-го калибра на бедре.

Ханна все еще носила свою серебряную пряжку большого размера в западном стиле, чтобы при необходимости передернуть затвор одной рукой. «Ругер» достался ей в подарок от доброй и сильной женщины по имени Сиси, которую она поклялась никогда не забывать.

Ханна открыла дверь и увидела на крыльце Дейва Фарриса.

— Привет, Ханна. Я просто хотел проверить, все ли у тебя в порядке.

Он стоял в зимней шапке и свитере под расстегнутой курткой, его обветренное лицо расплылось в широкой улыбке. Позади него стоял прислоненный к почтовому ящику велосипед. Теперь, когда у людей заканчивалось драгоценное топливо, велосипеды снова вошли в моду.

Она тепло улыбнулась.

— У нас все в порядке, спасибо.

Дейв всегда ей нравился. В свои шестьдесят с небольшим он был общительным, добродушным и надежным. Дейв охотно помогал всем, кому это необходимо, и предоставлял свой отель с работающим генератором для людей с ослабленным здоровьем и пожилых людей.

Кроме того, он держал всех в курсе новостей и слухов через свою сеть радиосвязи.

Она посмотрела на пустую улицу. День выдался серым и прохладным, сугробы таяли, но недостаточно быстро. Дома сгорбились от холода, из всех труб валил дым.

Ханна вернулась в свой старый дом. Майло отправился к Молли и Квинн, чтобы взять один из научно-фантастических романов Квинн о конце света, которые уже давно перестали быть фантастикой. Призрак пошел с ним.

Несколько недель назад Аттикус Бишоп, пастор церкви Кроссвей, переехал в дом напротив. Вместе с ним переехали Майк Дункан и его сын Джамал, а также Аннет Кинг директор средней школы, и Хосе Рейносо, новый начальник полиции после смерти Ноа.

Лиам занял один из пустующих домов вниз по улице.

Ханна чувствовала себя в большей безопасности, когда все находились рядом — особенно Лиам.

Соседи постоянно дежурили у баррикады, которую они установили в верхней части дороги. По указанию Лиама городские власти организовали круглосуточное дежурство на блокпостах на въезде и выезде из города, а также патрули для обеспечения безопасности

вокруг Фолл-Крика.

— Просто проверяю. После того, что случилось... — Дейв неопределенно махнул рукой. — Для всех нас это была тяжелая пара недель, но особенно для тебя и Майло. Мы рядом и поможем вам, если что-то понадобится.

— Я ценю это. Планирование Дня торговли отвлекло меня от забот.

Они с Молли работали с несколькими местными фермерами над созданием торгового дня Молли в более широком масштабе, а Дейв помог распространить информацию в близлежащих населенных пунктах. Они назначили дату на пятницу на молодежной ярмарке округа Берриен, расположенной за городом на Старом 31-м шоссе.

Дейв поправил куртку, возясь с молнией.

— О, хорошо, хорошо. С тобой и Молли у руля День торговли должен пройти с большим успехом. Я не сомневаюсь.

— Мы сделаем все возможное. — Ханна сузила глаза. — Есть кое-что еще.

Он одарил ее виноватой ухмылкой.

— Ладно, ты меня раскусила. Речь идет о городском совете. Поскольку мы не выбираем нового суперинтенданта, совет будет управлять делами, пока мы не получим дальнейшие инструкции из надежного правительственного источника. Мы проведем выборы через шесть месяцев, когда ситуация немного стабилизируется. Но пока совет проголосовал за то, чтобы выбрать замену на наши вакантные места. Большинство посчитало, что ты будешь полезным голосом для совета. Поэтому мы проголосовали за тебя вчера вечером.

Ханна подняла брови.

— Значит, у меня нет выбора?

Дейв подмигнул.

— Мы уверены, что ты скажешь «да».

— Но у меня нет опыта.

— Тебе небезразличен этот город. Ты личность. То, как ты выступила на последнем собрании мэрии. Все быстро катилось вниз, но ты и Бишоп вернули все назад. Вы помогли найти решение, и почти все его поддержали.

Ханна покраснела. Встреча две недели назад сопровождалась разногласиями. Несколько раз чуть не вспыхнули кулачные бои.

Никто в Фолл-Крике не мог договориться о том, что делать с семьями ополченцев.

Их поселили в трех домах «Винтер Хейвена» под постоянной охраной. Каждый день восемьдесят семь женщин, детей и пожилых незнакомцев нуждались в пище, крове и туалетных принадлежностях. Они отнимали драгоценные ресурсы.

Сложившееся положение разделило город. Гнев, обида и горе кипели, готовые вот-вот выплеснуться наружу. Люди кричали и размахивали руками, одни плакали, другие угрожали насилием.

Она все еще слышала какофонию разноголосых голосов, которые становились все громче и громче:

— Почему мы все еще тратим ресурсы на чужаков?

— Они едят нашу пищу! Мы на грани голода, а они живут в роскоши!

— Мы должны изгнать их! Пусть они сами за себя постоят и посмотрят, как им это понравится!

— Повесить их всех, я говорю!

— Это бесчеловечно! Это женщины и дети. Мы станем убийцами!

— Лучше мы, чем они! Если мы позволим им остаться среди нас, они будут резать нас во сне!

— Мы должны позволить им остаться. В том, что случилось, нет их вины. Они невиновны!

— Через мой труп! Мы должны сами пойти туда и разобраться с проблемой. Коробка патронов калибра 9 мм будет кстати!

Пораженная, Ханна наблюдала за происходящим, пока ситуация превращалась в хаос. Это не тот Фолл Крик, который она знала и любила. Они держались вместе так долго. Они пережили коррумпированного тирана и садистское ополчение.

Если они не объединятся сейчас, они обречены.

Этого нельзя допустить.

Не успев додумать эту мысль, Ханна резко встала, отодвинув стул и засвистела. Бишоп громко приказал всем замолчать.

Возможно, дело в том, что она все еще оставалась диковинкой в обществе, интересным источником слухов и сплетен, но когда она заговорила, люди затихли. Они ее слушали.

Инстинктивно она понимала, что горожане не смогут принять группу враждебных чужаков, большинство из которых возмущались и презирали жителей Фолл-Крика за то, что те убили их мужей и отцов, жен и матерей.

Фолл-Крик тоже понес свои собственные потери от рук ополченцев. Город страдал от горя, был искалечен и нуждался в пространстве и времени, чтобы исцелиться.

Разрешение семьям ополченцев остаться не только опасно, но и расколет город на части враждой, подозрениями и горечью.

Они должны уйти.

Когда она предложила городу использовать один из старых дизельных автобусов для перевозки семей в зону размещения приютов Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям, это предложение сочли лучшим из нескольких посредственных вариантов.

Поездка потребовала бы критически важных топливных ресурсов, но зато это позволило бы перевезти семьи в безопасное и отдаленное место, гарантируя, что они не смогут легко вернуться, чтобы отомстить. И о тех, кто действительно невиновен, о детях, позаботятся и не оставят голодать.

Иногда наименее плохой вариант оказывался единственным.

Некоторые недовольно ворчали, но голосование состоялось.

Пока Рейносо и его охранники несли вахту в Фолл-Крике, Лиам и Бишоп сопровождали транспорт до пункта сбора беженцев к северу от Сент-Джозефа на Старом шоссе 31, где волонтеры Красного Креста переправляли семьи в ближайший региональный центр агентства в Портедже, к югу от Каламазу.

Поездка выдалась тяжелой, но успешной. Семьи ополченцев покинули город, и только Джеймс Лютер остался в плену.

Дейв прочистил горло, возвращая ее в настоящее.

— Это все благодаря тебе, — сказал он, словно твердо решив убедить Ханну, независимо от того, что она думает по этому поводу. — Ты противостояла Розамонд и уничтожила ее правление раз и навсегда.

— Квинн тоже участвовала в этом. По правде говоря, именно Квинн положил ей конец, а не я.

Дейв усмехнулся.

— Она умница, с этим не поспоришь, но Квинн еще слишком молода для места в городском совете. — Он наклонился и пощекотал Шарлотте ноги, вызвав радостный вскрик и порцию хихиканья, после чего вернул свой внимательный взгляд на Ханну. — Ты заслужила свое место. И еще, ты нам нужна.

Щеки Ханны запылали. Она провела пять лет, запертая в бетонной комнате, изолированная и отрезанная от общества — от друзей, соседей и семьи.

Она жаждала обретения общности, как потерпевший кораблекрушение моряк жаждет куска хлеба.

Ханна нашла это здесь, в Фолл-Крике. Она хотела участвовать, помогать. Хотя никогда не считала себя лидером, это не означало, что она не может войти в роль и учиться по ходу дела.

— Я готова помочь, если город считает нужным.

Ухмылка Дейва стала шире, его щеки зарумянились под щетинистой седой бородой, которую он отрастил за последние несколько месяцев.

— Тогда решено.

Шарлотта извивалась на ее бедре, и она перехватила дочь поудобнее.

— Спасибо.

— Не благодари меня. Это ужасная работа, но кто-то же должен ее делать, верно? По крайней мере, тебе не будет одиноко. Бишоп тоже только что принял место в совете.

— Отличный выбор.

— Мы и Лиама просили. Он отказался. Хотя, наверняка, ты это уже знала.

Уголки ее рта дернулись.

— Лиам Коулман не очень-то любит комитеты.

Дейв закатил глаза.

— Он сказал то же самое, только не так красиво. Очень жаль. Горожане боятся его ровно настолько, чтобы прислушиваться к нему. Рейносо — наш новый начальник полиции, поэтому мы назначили его главой службы безопасности.

— Он согласился?

— Мы не оставили ему выбора. Он уже исполняет свои обязанности, мы просто сделали это официально. — Дейв нахмурился и посмотрел назад на улицу. — Конечно, хотелось бы, чтобы Лиам уже вернулся. Без него здесь как-то не по себе.

Отсутствие Лиама оставило в ее груди дыру, которая увеличивалась с каждым днем.

Отчасти в этом есть и ее вина. Именно она подтолкнула его к отъезду.

Ханна считала, что ему не за что оправдываться, но его собственное мнение — это совсем другое дело. Она достаточно хорошо знала Лиама Коулмана, чтобы понять, что самообвинения разрушат его, если их не контролировать.

Многие вещи в жизни нельзя изменить. Нельзя вернуться назад и спасти кого-то, нельзя подчинить себе время или людей.

Но спасти племянника еще возможно.

И вот Лиам отправился в мир, охваченный хаосом и анархией, — одинокий, но воин.

— Неделя выдалась долгой, — призналась она.

— Это был долгий год! — Дейв снял шапку и повертел ее в руках. Он стряхнул снег со своих ботинок и уставился на деревянные доски крыльца, прежде чем неловко прочистить горло. — У меня есть еще новости. И мне жаль, Ханна, но они не очень хорошие.

Ее сердце пропустило удар.

— Что?

— Это касается твоей семьи.

Ханна очень любила своих родителей. И своего старшего брата, Оливера.

За годы своего плена она часто думала о них, гадая, чем они занимаются, ездят ли по-прежнему на снегоходах, в зимние походы и на охоту в горы Верхнего полуострова, сидят ли вокруг обеденного стола, смотрят ли на ее пустой стул и скучают ли по ней так же сильно, как Ханна по ним.

Когда она выбралась из подвала, у нее хватало сил только на две вещи — остаться в живых и вернуться домой к Майло.

После возвращения в Фолл-Крик она попросила Дейва попробовать с помощью его радиосвязи разыскать ее семью.

Выражение лица Дейва смягчилось.

— Мне очень жаль, Ханна. Твоя мать попала в смертельную автокатастрофу в день ЭМИ, а твой отец проходил курс химиотерапии от рака костей. Твой сосед сказал, что прогноз был отличным, но без химиотерапии... он скончался месяц назад.

Ханна застыла. Ее родители умерли? Они никогда не узнают, что она выжила. Они никогда не увидят свою внучку.

Шарлотта счастливо гулила, перебирая пряди волос Ханны в своих толстых кулачках. Для ее маленькой дочери все оставалось нормальным, ее мир не вертелся, в очередной раз перевернув все с ног на голову.

Онемев, Ханна покачала ее на руках и погладила по спине. Она проглотила комок в горле.

— А Оливер?

— Сосед сказал, что твой брат жив, но он не видел его уже несколько недель. Мы найдем его для тебя, я обещаю.

Она кивнула, не в силах говорить.

Дейв снова прочистил горло.

— Прости, что принес плохие новости.

Она моргнула, стирая слезы с глаз.

— Вы смогли найти моего брата. Спасибо вам за это.

Дейв покраснел, его обветренные щеки стали румяными. Он снова пощекотал пальцы Шарлотты и мягко сжал ее ногу через носки.

— Мы заботимся друг о друге в Фолл-Крик. Если тебе что-нибудь понадобится, только скажи.

— Спасибо, Дейв.

Когда он уехал на велосипеде, Ханна закрыла дверь и привалилась к ней, ноги подвели ее. Она прижала Шарлотту к себе и погладила ее по маленькой, мягкой головке. От дочери пахло детской присыпкой и молоком.

Глаза Ханны наполнились слезами, в груди не хватало воздуха. Мир казался далеким и одновременно слишком близким. Еще больше смерти. Больше боли. Больше печали

Когда это закончится?

Глава 6

Ханна

День восемьдесят седьмой

В доме стало тихо. Слишком тихо.

Ханна моргнула и посмотрела на свои механические часы. Она не осознавала, как долго простояла здесь, потерявшись в море воспоминаний и горя. Оказывается, прошло полчаса.

Майло еще не вернулся от Квинн и Молли. Призрак был с ним, поэтому она не волновалась, но Шарлотта извивалась в ее руках и издавала недовольные вопли, а до ее ноздрей доносился отчетливый запах мочи.

Мир требовал ее внимания.

Отгоняя печаль, Ханна заставила себя придать голосу веселые нотки.

— Я знаю, что тебе пора спать, но сначала нам нужно проведать твоего брата. Сразу после того, как мы тебя переоденем. Как же ты воняешь, малышка.

Напевая песню Принца «*When Doves Cry*», Ханна передела Шарлотту в свежий тканевый подгузник, а использованный выбросила в стоящее рядом ведро, чтобы потом им заняться. Стирать тканевые подгузники вручную довольно мучительно, но это лучше, чем альтернатива.

Переодев Шарлотту в свежий голубой комбинезон с изображением танцующих щенков, она откинулась на спинку кресла и стала рассматривать шоколадно-коричневые волосы дочери, ее бархатистую кожу, маленькие пальчики на руках и ногах с розовыми ногтями.

Она пощекотала животик дочери и подула ей на шею. Шарлотта пискнула от восторга. Как она прелестна, как совершенна, живая и энергичная.

Как только дочка стала чистой, Ханна закутала ее в синюю куртку и второй слой носков. В середине марта в Мичигане погода может сильно колебаться. Температура держалась на уровне минус одного градуса, было пасмурно и прохладно, сугробы слякотного снега все еще покрывали землю.

С Шарлоттой на буксире она вышла из дома, надев куртку, с «Ругером» в кармане. Независимо от того, насколько безопасно она себя чувствовала, пистолет сопровождал Ханну повсюду.

Прохладный воздух жалил ее щеки. На улице затишье — кроме часовых на баррикаде, все занимались делами: готовились к Дню торговли, дежурили добровольцами в различных охранных патрулях или работали в общественном саду, который они разбили на бейсбольном поле средней школы.

У нее хранился ключ от дома Молли, как и у Майло, так как он постоянно перемещался между двумя домами.

Войдя в дом, Ханна прошла по коридору в комнату Квинн. Валькирия, гладкая черная кошка, которая обычно охотилась на улице, обвилась вокруг ее ног и замурлыкала.

Майло лежал на неубранной, неряшливой кровати, наушники от айпода торчали у него в ушах. Типичная комната подростка — одежда, книги и разбросанные повсюду принадлежности для рисования.

Не так типичны заточенные флешетты на комодe и коробка патронов на тумбочке.

Призрак дремал в центре деревянного пола, несколько кошек навалились на него сверху, словно он афганский ковер.

— Кто умер? — спросил Майло.

Ханна бросила на него встревоженный взгляд.

— Почему ты так говоришь?

Он слегка пожал плечами.

— Все умирают.

Ее грудь сжалась. Ханна положила Шарлотту рядом с Призраком, который захрапел во сне и инстинктивно изогнул лапы вокруг ее маленького тела. Она сопела и тянулась к нему, сжимая и разжимая свои маленькие кулачки в шерсти на его шее и груди.

Поскольку Шарлотта с удовольствием занималась своими делами, Ханна села на край кровати рядом с Майло.

— Похоже, иногда так и есть.

Он смотрел на нее из-под копны непокорных черных кудрей, его темные глаза покраснели. Она поняла, что сын спрятался здесь, чтобы поплакать в уединении.

Ханна не хотела рассказывать Майло о его бабушке и дедушке. Ему пока не стоит этого знать, иначе станет только хуже.

Он потерял отца три недели назад. После смерти Ноа Майло замкнулся в себе и затих. Чаще всего он просыпался в слезах или от кошмаров. Чтобы успокоить его, требовались часы, если он вообще успокаивался.

— Не беспокойся. Со всеми здесь все в порядке. Все отлично.

Он моргнул, напряжение ослабло на его лице.

— Что ты слушаешь?

— Элвиса. «*Can't Help Falling in Love*». Квинн притворяется, что ей не нравится, потому что там сплошная романтика, но это ее любимая песня.

Вздохнув, Ханна окинула взглядом комнату Квинн, рассматривая монстров, инопланетян и мифических существ, которых та так старательно рисовала.

У нее невероятный талант. Картины получились детальными, реалистичными и ужасающими.

— Где Квинн?

Снова это болезненное пожатие плечами. Оно говорило так мало и так много.

— Ее никогда больше нет рядом.

— Мне жаль, дорогой. Каждый справляется с горем по-своему.

— Она не хочет играть со мной.

— Она не пытается причинить тебе боль, поверь. Ей просто нужно немного времени.

Ханна мысленно отметила, что нужно еще раз поговорить с Квинн. Она провела пять лет, не имея возможности воспитывать своего ребенка. Теперь Ханна чувствовала себя ответственной за троих.

И Майло не ошибся. Она почти не видела Квинн несколько недель. Там, где Майло потерянно плакал, Квинн становилась жесткой и злой, с каждым днем все больше замыкаясь в себе.

Ноа оставил после себя волны опустошения. Они все еще пытались прийти в себя.

Майло тяжело моргнул и уставился в потолок.

— Хорошо.

Ему всего восемь лет, и он такой маленький, такой худенький и хрупкий, но Майло пришлось через многое пройти. Его прекрасная оливковая кожа, подчеркивающая его венесуэльское происхождение, до сих пор оставалась бледной из-за адреналового криза и пятидневной комы.

У них оставалось в запасе еще на пару месяцев гидрокортизона, который контролировал болезнь Аддисона, но они уже использовали последнюю экстренную инъекцию.

Поиск новых препаратов занимал одно из первых мест в списке необходимых дел.

Ханна наклонилась и потрепала его по плечу. Майло терпеть не мог, когда его

спрашивали, хорошо ли он себя чувствует, поэтому она пыталась выяснить об его самочувствии другими способами.

— Ты голоден? Молли помогает с новым общественным садом, но когда она закончит, то обещала помочь нам приготовить картофельные шкурки в солнечной печи.

— Мама?

— Да, милый?

— Папа был плохим человеком?

Ханна застыла на месте.

— Почему ты так думаешь?

Майло повернул голову и уставился на стену. Над рамой кровати возвышалась картина с изображением прекрасного белого единорога, его хвост и грива развевались на ветру. В комнате с чудовищами единорог оказался единственным «хорошим» существом.

— Я спросил Квинн, и она сказала, что да. Квинн не лжет.

Она подавила горе. Не за себя, а за сына, за бремя, которое ему пришлось нести.

Как она могла объяснить это, когда ее собственные чувства представляли собой сложный клубок из гнева, боли в сердце, горя, горького разочарования и потери?

Ноа мертв. Его роль в этой жизни закончена, но не наследие, которое он оставил после себя.

Он любил Майло, любил ее. Он был хорошим полицейским, верным другом, любящим отцом. Она оплакивала того, кем он был, но больше того, кем он мог бы быть.

Каждый неверный шаг, совершенный им, он мог бы предотвратить. Вместо этого каждый шаг уводил его все дальше и дальше от того человека, которым он хотел быть.

Ханна понимала, что он делал все это ради Майло. Он верил, что конечная цель оправдывает любые средства, какими бы уродливыми и жестокими они ни казались. Он променял справедливость и мораль на фальшивый мир, ложную безопасность, которой никогда не существовало.

Ханна сглотнула и облизала губы, думая, что сказать, и молясь, чтобы не усугубить ситуацию.

— Твой отец очень любил тебя, Майло. Он любил тебя больше всех на свете. Ты ведь знаешь это?

Сын кивнул.

— Он пытался защитить тебя. Он пытался защитить всех нас, но боялся, и этот страх заставил его наделать ошибок.

Нельзя узнать другого человека, нельзя влезть в его кожу и почувствовать его мысли, увидеть его самые темные страхи или потребности. Все, что вы могли сделать, это пробираться сквозь осадок и пытаться понять, почему любимый человек сделал такой выбор.

— Он не пытался остановить ополченцев, — проговорил Майло. — Ополченцы причиняли боль людям. Нана — то есть, миссис Синклер — стала причиной того, что произошло в церкви. Она тоже причинила боль людям.

— Да, — согласилась Ханна, преодолевая комок в горле, — они сделали это. И она.

— Папа их поддерживал.

— Страх может заставить людей делать ужасные вещи. Некоторые люди готовы отказаться от многого ради того, во что они верят. Мир — это хорошо. Безопасность — это хорошо. Но люди могут отдать немного здесь и там, пока однажды не отдадут так много во имя этой вещи, что не узнают себя. Они переступают черту, о которой вначале и не думали.

И в конце концов то, чего они так сильно хотели, оказывается тем, что они потеряли.

С болью она подумала о том, как отчаянно Ноа хотел, чтобы они стали семьей. Чем он пожертвовал ради безопасности города.

И все же, в конце концов, он сам впустил волков.

Майло уставился в потолок, ничего не говоря, по его щекам катились беззвучные слезы. Она не знала, как много он понимает, но важно продолжать говорить, смотреть правде в глаза, а не хоронить ее, принять процесс скорби и смириться с болью.

— Разве это неправильно — чувствовать грусть? Разве я плохой, что хочу, чтобы он вернулся?

Ханна перебралась на кровать, легла рядом с сыном и взяла его маленькое жесткое тело на руки. Через мгновение он расслабился, его узкие плечи вздрагивали.

— В тебе и твоих чувствах нет ничего плохого или неправильного, — сказала она ему в волосы. От него пахло землей, сосновыми шишками и шампунем с пищевой содой. Она чувствовала биение его сердца, его тепло, каждый драгоценный вздох, когда его грудь сжималась. — Ноа был твоим отцом. Ты любил его, а он любил тебя. И точка. Ты поймешь больше, когда станешь старше, но сейчас это все, что имеет значение. Когда речь идет о тебе и твоём отце, это все, что когда-либо имело значение. Это нормально — любить его. Чувствовать злость или разочарование — тоже нормально. Это нормально.

Тогда они заплакали, оба, вместе. Тело Майло, как запятая, прижалось к ней, а его кулачок прижался к щеке, как в детстве.

А потом она запела для него, наполняя комнату своим чистым голосом, окружая его музыкой, чем-то хорошим, прекрасным и светлым, чтобы прогнать тьму.

Ханна пела их любимые песни, Guns N Roses «*Sweet Child of Mine*», Элтона Джона «*Your Song*», U2 «*One*» и, конечно же, «*Blackbird*» Битлз.

Майло потерял отца. Она потеряла мужа, а теперь и родителей. Хотя она была взрослой женщиной и не видела их много лет, Ханна ощущала их уход, как постоянно отсутствующую часть себя.

Однажды она прочитала о математике горя: то, что отняли, всегда весит больше, чем то, что осталось.

Даже если это правда, она не могла допустить, чтобы это так и оставалось.

Шарлотта и Майло были здесь, сейчас, в настоящем. Они нуждались в ней. Она не могла оставить своих детей без матери и без поддержки.

Ханна будет сильной для них, настолько сильной, насколько это будет необходимо.

Глава 7

Квинн

День восемьдесят седьмой

Шестнадцатилетняя Квинн Райли указала поверх воды на противоположный обрыв.

— Что это?

Джонас Маршалл стоял, прикрыв глаза, с удочкой в одной руке.

— Ты имеешь в виду особняки?

— Нет. Это что-то другое.

Квинн смахнула с глаз синюю челку и взяла бинокль со скамейки рыбацкой лодки, которую они одолжили у матери Джонаса, — двенадцатифутовой ржавой консервной банки, которая едва держалась на плаву.

Крошечные волны омывали лодку, мягко покачиваясь под ними. Куски льда ударялись о борта. Дизельный мотор тарыхтел, работая достаточно тихо, чтобы слышать карканье ворон на деревьях.

Квинн, Джонас и Уитни Блэр рыбачили на реке Сент-Джо к северу от города, где-то между Фолл-Крик и прибрежным городом Сент-Джо. Большая часть реки уже растаяла, хотя тут и там плавали небольшие льдины, а берега разбухли от таяния снега.

Утром они потратили несколько часов на расчистку бейсбольного поля средней школы, чтобы создать общественный огород для овощей, пригодных к выращиванию в прохладную погоду, таких как картофель, лук и морковь. В недавно построенных теплицах они сажали кабачки, огурцы, помидоры и шпинат, пока их ногти не стали черными от грязи.

По указанию Молли они также посадили в стаканчики семена болгарского перца, брокколи и цветной капусты, которые в мае и июне пересадят в открытый грунт.

Что касается унылой рыбалки, то все, что они поймали, это два мерзких сома и одного скудного окуня.

Квинн подняла бинокль к глазам и осмотрела обрыв над ними. Высокие коричневые деревья царапали серое небо. Необычные причалы усеивали берег реки, крутые деревянные лестницы вели к экстравагантным домам с террасами во всю длину и окнами в пол.

Многие из этих особняков служили вторыми или третьими домами для отдыха богачей из Чикаго и Детройта, которые приезжали сюда летом и по выходным, а зимой дома пустовали.

Теперь большинство окон были разбиты, на стенах красовались граффити. Причудливая мебель захламляла задние лужайки, мебель для патио валялась погнутая и сломанная.

На некогда ухоженных газонах разбросана одежда — блузки и майки зацепились за перила террасы, наволочки валялись на лестнице, брюки, шорты и полотенца зацепились за ветки деревьев и ухоженные кусты.

Женский белый бюстгальтер развевался на ветру, как флаг.

По позвоночнику Квинн поползли ледяные мурашки, поднимая волосы на шее. Одно дело — рыться в вещах по необходимости, но тут совсем другое.

Казалось, что это осквернение — разрушение ради разрушения.

— Кто мог сделать что-то подобное? — спросила Уитни после того, как Квинн передала ей бинокль. На ней сегодня свободные джинсы, высокие ботинки и ярко-фиолетовая куртка, которая контрастировала с бледной кожей и впалыми глазами.

Три месяца назад Уитни была жизнерадостной болельщицей, королевой бала в школе Фолл-Крик, всегда одетой по высшему разряду. Той девушки уже давно не осталось.

Теперь она замкнулась в себе, переживала горе и страх — стала тенью себя прежней.

Да и Квинн тоже.

Они все изменились.

Некоторые не в лучшую сторону.

Джонас пожал плечами.

— Кто знает? Лишь бы они не посмели прийти в Фолл-Крик.

— Нам пора возвращаться, — с тревогой сказала Уитни. — Мне не по себе. Мы не должны забираться так далеко.

Джонас натянул свою пустую леску и вздохнул.

— Все равно ничего не клюет.

Они еще не успели развернуться, когда до них донесся звук голосов. Запах дыма от

костра разносился по ветру.

Квинн напряглась, когда они с Джонасом обменялись настороженными взглядами.

У Джонаса при себе было охотничье ружье, у нее — пистолет и рогатка. Они могли защитить себя.

Рыбацкая лодка обогнула изгиб реки, и между тонкими безлистными деревьями появилась группа из дюжины человек, сгрудившихся вокруг костра у кромки воды.

Несколько срубленных бревен, покрытых одеялами, обеспечивали сидячие места, вместе с несколькими потрепанными походными стульями. Мусор, пустые бутылки и банки из-под пива захламляли грязную, утоптанную поляну.

Укромное место активно использовалось.

Несколько парней повернулись лицом к ним, когда лодка подплыла ближе. Они стояли у кромки воды, метая камни. Она узнала их бордовые с золотом куртки «росомах». Старшеклассники из Фолл-Крик.

Один из них бросил камень, слишком большой для метания. Булыжник пролетел по воздуху, едва не задев Уитни. Вода забрызгала корпус лодки, когда камень опустился на дно реки.

— Осторожно! — воскликнул Джонас.

Подростки засмеялись и подняли свои кружки и стаканы. Несколько человек улюлюкали и помахали Джонасу.

— Возьмите нас!

— Покатайте на лодке!

— Куда пропал, приятель?

— Ты больше не хочешь с нами тусоваться?

Две девушки поднялись со своих бревенчатых сидений и уставились на маленькую лодку, устремив взгляды на Уитни и Квинн. Их скулы заострились как стекло, глаза стали огромными на исхудавших лицах, дизайнерские джинсы испачкались и болтались на бедрах.

Популярные девочки в школе всегда соревновались в том, кто из них самая худая, как будто достижение худобы с бобовый стебель считалось воплощением человеческих достижений.

Ну, теперь они исполнили свое желание. Довольны ли они наконец? Или хотели есть, как Квинн, и их желудки походили на сморщенные ямы, грызущие сами себя?

Наверное, голоднее, решила она. Благодаря бабушкиной предусмотрительности Квинн по-прежнему ела два раза в день. Хотя еда служила источником энергии, а не удовольствия.

При мысли о чизбургерах, картофельных чипсах и мятном мороженом с шоколадной крошкой у нее пересохло во рту.

— Вам не следует уходить так далеко! — Уитни крикнула над водой. — Это опасно!

Одна девушка усмехнулась.

— Очень опасно. Берегись этих черепах. О нет! Вдруг на нас упадет ветка дерева!

Квинн показала им средний палец.

Несколько парней засмеялись и ответили тем же. Парочка других бросила еще камней, и один с глухим лязгом ударился о корму.

Джонас выругался, направляя лодку дальше от берега и с линии огня.

— Какого черта, чувак!

— Никчемные люди. — Уитни откинула свои длинные рыжие волосы с лица и выдохнула. — Все, что они делают, это сидят вокруг своих костров и ноют о том, как

голодны, что выпивка и трава закончились, и жизнь бессмысленна и слишком тяжела. Забудь о них.

В отличие от большинства жителей города, эти бездельники, насколько могла судить Квинн, проводили свои дни, ничего не делая. Видимо, родители все же немного подкармливали их. Впрочем, это больше, чем они заслуживали.

Директор Кинг пристроила большинство старшекласников работать курьерами, разносящими сообщения по городу, или «менеджерами ресурсов». В основном эта работа состояла в выгребании из пустых домов всего полезного, что могло пригодиться другим жителям, например, детские вещи для Ханны и Шарлотты или батареек, провода и материнские платы для Джамала и Тины, чтобы возиться с ними.

Рыбацкая лодка проплыла мимо празднующихся подростков. Их слишком громкие голоса и звонкий смех разносились по воде. Они вели себя беспечно и глупо. Любой мог подкрасться к ним, и они бы ничего не услышали. И Квинн не заметила в их руках никакого оружия.

— Неужели ты думаешь, что это не они разгромили дома на обрыве? — спросил Джонас, как только их лодка отдалилась от группы.

— Да. Они ленивые и страдают от скуки, а не от злобы. Для этого нужно слишком много смелости. — Ее пронзила новая волна ужаса. Она не могла определить, что это, но не могла отрицать подкрадывающееся чувство тревоги. — Это сделал кто-то другой.

Глава 8

Квинн

День восемьдесят седьмой

Джонас посмотрел в ту сторону, откуда они приплыли, и с отвращением покачал головой.

— Я не могу вот так просто сидеть, ничего не делая, жалуясь и ожидая, пока другие люди все исправят. Я должен что-то делать.

Джонас осмелился противостоять ополченцам перед хозяйственным магазином своих родителей. За свою дерзость он получил удар кулаком и мог получить пулю — если бы Лиам не вмешался.

Квинн хотелось думать, что она помогла, но Лиам Коулман способен справиться с любой задачей, он — сам по себе целая армия.

После того дня она увидела Джонаса в другом свете. Он оказался не просто идиотом-футболистом, как все остальные. У него действительно имелись мозги. Пусть вспыльчивый, импульсивный, но все же.

Она уважала его за это. Он ей даже нравился.

Они с Уитни участвовали в тушении пожара в общественном распределительном центре, снова и снова бегали в горящую, наполненную дымом среднюю школу за припасами, доводя себя до изнеможения вместе с Квинн.

У Квинн, Джонаса и Уитни вообще было мало общего, кроме одного — ополченцы убили одного из их родителей.

На несколько минут они погрузились в молчание, Квинн неловко поправляла кольцо в брови, глядя на воду. Только лодка нарушала отражение деревьев и неба, дробя и преломляя картинку на тысячи кусочков.

Воздух был свежим, но безветренным. Безмолвные деревья стояли неподвижно.

— Моя мама сейчас такая же. — Уитни смотрела на дальний берег, где несколько гусей скользили вдоль береговой линии. Она не смотрела ни на Джонаса, ни на Квинн. — Она слишком подавлена, чтобы встать, и просто лежит в постели весь день. Наш дом... он грязный. Повсюду жуки. Пауки и мухи. Вонь. Я ненавижу это.

Люди хотели, чтобы мир стал прежним. Они хотели, чтобы их отвлекали «Нетфликс» и социальные сети, удобство фастфуда, ресторанов и Старбакса, комфорт музыки и продуктовых магазинов, служб доставки и Амазона по запросу. Работа, церковь и бары, кинотеатры и боулинг.

Черт, все хотели работающие машины и горячий душ. Дом, в котором не холодно. Электричество оказалось удивительным изобретением; жизнь без него превратилась в полный отстой.

Но некоторые люди хотели того, что они потеряли, так сильно, что не могли приспособиться к сегодняшнему дню. Они не могли приспособиться к новой реальности, и это мешало их разуму.

Без психиатров, готовых выписать лекарства от тревоги и антидепрессанты, дела шли все хуже.

Квинн понимала это. Она понимала это даже лучше, чем хотела. Искушение забраться в постель в пижаме и зарыться под гору одеял, отключиться от разрушенного мира и проспать остаток своей несчастной жизни.

Чтобы заглушить боль.

— Это паршиво, — проговорил Джонас. — Моя мама тоже страдает. Мой отец... смерть отца очень сильно ударила по ней. — Его голос сорвался, когда он вяло закинул удочку. — Она такая злая. Она ненавидела ополченцев, и теперь ненавидит их еще больше, но теперь уже ничего не может изменить. Ничто не вернет его обратно. Без него в доме так тихо.

За те недели, что ополченцы контролировали Фолл-Крик, они убили девятнадцать жителей города, включая полицейского, Оуэна Труитта и Уэйна Маршалла, отца Джонаса.

Десото застрелил отца Уитни, когда тот пытался отобрать дом в «Винтер Хейвене». Так же, как Саттер застрелил мать Квинн.

Ноа тоже умер, прямо у нее на глазах. Квинн пыталась предупредить его, спасти, но не смогла.

Она моргнула, борясь с внезапным потоком влаги в глазах.

Как раз сейчас она могла открыться, поделиться своими самыми сокровенными чувствами, но не получалось. Слишком тяжело, слишком реально, слишком больно.

Ее желудок сдавило, внезапно возникла тошнота. Квинн согласилась приехать сюда, чтобы забыться, убежать от себя на несколько часов. Но ничего не вышло.

Она хваталась за край пропасти, цепляясь кончиками пальцев, и не знала, как удержаться от падения.

— По крайней мере, они все мертвы, — заявила Уитни. — Я рада, что они мертвы. Иногда мне хочется самой убить кого-нибудь из них.

— Осторожнее с желаниями, — пробормотала Квинн.

Джонас бросил на нее растерянный взгляд.

Квинн ничего не сказала. Да и что тут говорить? Они не знали, что это она убила Розамонд Синклер. Не знали, что она опоздала на несколько секунд, чтобы спасти Ноа.

Уитни фыркнула.

— Я рада, что миссис Синклер мертва. И шеф Шеридан тоже. Если бы они не впустили ополченцев, наши отцы не погибли бы. И твоя мама тоже, Квинн.

Мозг Квинн сразу же подкинул ей калейдоскоп ужасных воспоминаний. Ноа, мертвый на полу. Розамонд опускается на колени, хватаясь за окровавленное горло. Руки суперинтенданта беспомощно трепетали, как белые мотыльки на фоне ярко-красной крови.

Как мрачно она выглядела, разбрызганная по полированным доскам из бразильского дерева, темная, как масло. Такая скользкая и влажная, почти как краска, которую покупал ей дедушка. Как она поскользнулась на ней, когда упала рядом с Ноа, умоляя его жить, вернуться, заслужить еще один шанс все исправить.

В ее животе разверзлась черная пропасть. Стало трудно дышать. Все казалось близким, слишком близким. Вода со всех сторон билась о борта лодки, заманивая ее в ловушку.

Внезапно Квинн поднялась, лодка покачнулась.

— Мне нужно уйти.

Джонас отложил удочку.

— Ты в порядке?

Она не в порядке. Она настолько далека от нормального состояния, будто находится на другой планете.

— Я хочу уйти. Отвези меня обратно.

На красивом, слишком тонком лице Уитни появилось выражение раскаяния, хотя она не сделала ничего плохого. Неправильность скрывалась внутри Квинн.

— Я что-то не то сказала? Я не хотела...

— Отвези меня обратно! — Квинн дрожала. Лодка неуверенно покачивалась под ее ногами. — Сейчас же!

Если Джонас не начнет управлять этой чертовой лодкой, она прыгнет в воду и поплывет к берегу. Плевать, что вода все еще ледяная и она получит переохлаждение.

Джонас видел это по ее лицу — она сделает это.

— Хорошо, хорошо! Мы вернемся.

— Гребите к берегу. Я пойду пешком.

Уитни отмахнулась.

— Зачем тебе идти пешком? Мы можем отвезти тебя домой на лодке.

Квинн пришлось бы пройти по меньшей мере пять миль по лесу в холод, но это лучше, чем еще на секунду застрять в этой консервной банке с другими людьми. У нее с собой пистолет, а также верная рогатка и три флешетты, каждая из которых заточена до бритвенной остроты.

Она сжала руки в кулаки, чтобы они не дрожали. Чтобы не ударить что-нибудь или кого-нибудь.

— Просто сделай это!

Джонас посмотрел на нее так, словно она какое-то инопланетное существо, которое он никогда раньше не видел. Как будто Квинн его разочаровала.

— Остынь. Мы уже...

Уитни задохнулась.

— Квинн.

Что-то в ее голосе остановило их обоих.

Уитни указала за спины, ее бледное лицо стало костяно-белым, рыжие веснушки выделялись, как капельки крови.

— Там тело.

Квинн обернулась и подняла бинокль. Обрыв здесь был не таким крутым, дома теснились ближе к реке. Над ними возвышался огромный каменный трехэтажный особняк с многоярусной террасой и замысловатой открытой кухней.

Только за последние четыре недели Квинн довелось увидеть целую череду трупов.

Но это тело...

Тучный мужчина средних лет висел без движения, подвешенный к стропилам террасы, желтый нейлоновый шнур сдавливал его шею. Его руки тоже связывал желтый нейлон. На его пестрой, фиолетовой коже невозможно было разглядеть характерные черты.

Что-то привязали к его груди — залитый водой картонный квадрат с буквами, нацарапанными черной краской из баллончика.

— Я не могу разобрать слова. — Голос Уитни сорвался на панический визг. — Что там написано?

— «Смерть власти». — Грудь Квинн заледенела. От произнесения этих слов вслух ее пронзил холод. — Нам нужно уходить. Немедленно.

Они могли победить ополченцев, но это не означало, что они в безопасности.

Что-то еще вышло на волю. Что-то плохое.

Глава 9

Лиам

День восемьдесят восьмой

Лиаму не потребовалось много времени, чтобы найти центр Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям № 109, наспех построенный лагерь рядом с территорией аэропорта Уиллард в Шампейне, университетском городе среднего размера в центральном Иллинойсе.

На то, чтобы найти интересующих его людей, ушло гораздо больше времени.

Облачившись в маскировочный костюм, он провел последние два дня, осматривая лагерь, забираясь на деревья перед рассветом, чтобы иметь достаточную высоту для обзора, и меняя позиции каждые несколько часов, чтобы видеть разные участки лагеря.

Агентство построило объекты на широких открытых полях; лишь несколько позиций позволяли Лиаму подобраться к лагерю под прикрытием деревьев достаточно близко.

Он отслеживал патрули, смены охраны и стационарные посты караула, изучал передвижения и распорядок дня гражданских лиц.

Старик не ошибся. Центр агентства по чрезвычайным ситуациям № 109 напоминал город. Десятки огромных белых палаток и сотни-тысячи модульных зданий, похожих на одноэтажные трейлеры, располагались в виде сетки и были окружены высоким забором из проволочной сетки.

Головорезы Синдиката носили длинноствольные пистолеты и военную форму, без именных лент и нашивок. Они выглядели как солдаты, намеренно используя естественную склонность гражданских лиц уважать и подчиняться американским вооруженным силам.

Охранники патрулировали периметр каждый час. Через каждые пятьсот ярдов на стационарных постах стояли по два дозорных. Еще десятки человек поддерживали порядок внутри ограждения.

Они были хорошо вооружены и организованы, но им не хватало строгой дисциплины военных. Они все-таки не солдаты. Лиам воспользуется этим.

Гражданские выглядели усталыми, слабыми и измученными. Они уходили с дороги, когда мимо проходил охранник, многие вздрагивали. Люди боялись Синдиката.

Он видел, как несколько охранников избивали и мучили гражданских. Один ударил человека, который медленно отреагировал на приказ. Двое других выбили поднос из рук женщины и смеялись, когда она встала на колени, чтобы поднять еду с земли.

Развратные охранники домогались женщин и девочек-подростков. Однажды охранник затащил женщину в соседнее складское помещение. По ее ссутуленным плечам, синякам на лице и руках и по тому, как она отшатнулась от него, Лиам понял, что это произошло не в первый и не в последний раз.

С каждым часом, пока он наблюдал за происходящим, гнев Лиама нарастал, ярость грозила вырваться наружу несмотря на его обычный жесткий контроль. Если бы его команда спецназа находилась здесь, Лиам бы уже штурмовал лагерь, положив конец этой жестокости. Или сжег бы все это место дотла.

Но он не мог сделать ничего из этого. Он всего лишь один человек, и поэтому заставил себя сосредоточиться на своей миссии, на спасении тех, кого он мог спасти.

Он делал перерывы только для того, чтобы ответить на зов природы или открыть банку фасоли и проглотить ее содержимое. Он восполнил запасы воды в доме Макферсона с помощью ручного насоса, подключенного к его колодцу.

Лиам оставил старику четыре пайка. Остальные нужны ему самому. Хорошо, что он взял с собой припасы на несколько дней. Он будет ждать столько, сколько потребуется.

На третий день в полдень он их нашел.

Примостившись в развилке толстого дуба на высоте двадцати пяти футов от земли, Лиам рассматривал очередной участок бесконечной решетки. Он переделал свой костюм «гилли», добавив в него листья и ветки.

Он замер во время осмотра ряда между палатками, который вел к секции душевых и ванн комнат. По дорожке двигалась женщина. Стройное телосложение, смуглая кожа, короткие черные волосы с сединой.

Пульс застучал быстрее, он следил за ней в бинокль, пока не убедился.

В последний раз Лиам видел миссис Брукс в день ЭМИ, когда принимал ее внука. Тогда она была элегантно одета, сидящие волосы уложены в прическу, макияж безупречен. Более того, она держалась прямо и уверенно.

Теперь она брела в своих безразмерных спортивных штанах и помятой куртке цвета хаки, со сгорбленными от отчаяния плечами. Волосы взъерошены и растрепаны, под глазами темные тени, лицо измождено усталостью и стрессом.

На руках она держала младенца, одетого в маленькое голубое пальто и комбинезон с длинными рукавами, украшенный футбольными мячами и шлемами. Его племянник.

Сердце Лиама сдавило. Воспоминания о том ужасном дне пронзили его разум. Падающий самолет, летящие обломки, трупы повсюду.

Его брат-близнец лежит на улице, не шевелясь. Джесса на кровати, кровь залила ноги, грудь, простыни под ней.

«Спаси его, Лиам. Спаси моего ребенка...»

Отвезти младенца к бабушке и дедушке — правильное решение, но Лиам должен был сам сопроводить их в Тасколу и обеспечить безопасность.

Отказ от племянника воспринимался Лиамом тяжело, словно огромная рука пробила дыру в его сердце. Разбитый горем, потерей и сожалением, он принял глупое решение,

позволив им покинуть Чикаго в одиночку.

Его мужество никогда не подводило его в момент боя. Ни разу. Но когда дело касалось людей, отношений и их запутанной сложности, он терял храбрость. Он позволил своему горю, своему страху разорвать связь с племянником.

Лиам не мог ничего сделать, чтобы изменить прошлое. Он потерял то, что потерял. Линкольн и Джесса не вернутся.

Голос Джессы больше не обращался к нему из могилы; Лиам больше не нуждался в ней, как раньше. Но он чувствовал ее, чувствовал любовь, которую она питала к этому ребенку.

С помощью бинокля Лиам следовал за миссис Брукс и запомнил расположение модульного здания, в которое она вошла. Сориентироваться ему помог столб с надписью: «Квадрант 4: Зона С: Ряд 15». Трейлер Бруксов находился в пяти зданиях прямо к югу от столба.

Он ждал и наблюдал еще некоторое время. В 19:00 мистер и миссис Брукс вышли из своего трейлера. Мистер Брукс нес ребенка в слинге, лицом внутрь. Лиам не успел разглядеть его лицо, как они скрылись между зданиями.

Он видел достаточно. Теперь ему нужно несколько часов отдыха. Отбой в 22:00.

Лиам отступил на полмили от лагеря, затем снова расстегнул рюкзак, достал брезент и расстелил его на земле под деревом. Рюкзак он использовал как подушку, положив М4 на грудь.

Ожидание самое тяжелое. Бой, битва, наполненная адреналином — это не то, чего он боялся. Он был создан для этого.

Тишина. Безымянный ужас, неизвестность. Именно эти вещи не давали Лиаму покоя. Его пульс гулко отдавался в ушах.

Мысли снова обратились к Ханне. С ней кошмары не исчезли, но стали слабее. Без ее присутствия призраки преследовали его с новой и неумолимой яростью. Она стала его спасательным кругом, вернувшем его в мир живых.

Лиам не спал, но позволил себе погрузиться в состояние полусна, почти как при медитации. Он представлял себе ее улыбку, как свет озаряет ее зеленые глаза, а затем заставил себя отбросить все мысли.

Он расслабил свое тело, осознавая только свои физические чувства, бдительно следя лишь за потенциальной угрозой.

Время шло. Он отдыхал.

В 22:45 он встал. Выпил воды. Собрал вещи, поправил бронежилет и проверил снаряжение.

Сегодня ночью он вытащит Бруксов из этой дыры. Пробрется внутрь, заберет их и улизнет.

Он всего лишь один человек. Один человек на три души, которые нужно защищать и оберегать.

На этот раз Лиам не подведет.

Глава 10

Ханна

День восемьдесят восьмой

Вторая встреча в мэрии прошла хуже первой.

Ханна не думала, что такое возможно, но она ошибалась. Определенно.

Вновь назначенный городской совет объявил историческое здание суда в стиле греческого возрождения, расположенное в центре города, фактическим местом расположения мэрии, как и прежде, до того, как Розамонд закрыла общественные собрания и перенесла совет в свой дом.

Дневной свет проникал через высокие окна вдоль задней стены, обеспечивая достаточное освещение без электричества в большом помещении высотой в два этажа с позолоченными арками, белыми колоннами и деревянными дощатыми полами.

Воздух был прохладным, но не морозным, хотя люди собрались вместе и надели верхнюю одежду. Исторические памятные вещи и музейные экспонаты переместили в одну из боковых комнат, чтобы освободить место.

Ранее Дейв организовал добровольцев, чтобы расставить несколько сотен металлических складных стульев. Все места оказались заняты, несколько десятков человек втиснулись на задние ряды, еще больше теснились в проходах.

Члены совета сидели за двумя прямоугольными столами, стоящими бок о бок на деревянном помосте в передней части зала.

Дейв Фаррис, Аннет Кинг, Хосе Рейносо, Майк Дункан, офицер Хейс и Дэррил Виггин изначально входили в совет.

После смерти суперинтенданта и ее сына Джулиана, а также потери шефа Бриггса и Ноа, совет проголосовал за добавление Ханны, Бишопа и Саманты Перес, также офицера полиции Фолл Крик.

Ханна сидела на одном конце между Дейвом и Бишопом. Дейв принес мегафон на батарейках, но в историческом здании звук разносился хорошо, поэтому, пока люди вели себя тихо и уважительно относились к оратору, он им не требовался.

Однако мало кто вел себя уважительно. Или тихо. В обширном зале эхом разносился гневный ропот, бормотание и жалобы. Горожане волновались, их голодные лица оставались напряженными и хмурыми.

Они уже провели более двух часов, решая судьбу пятидесяти одного дома в «Винтер Хейвене», недавно освобожденного от ополчения — пятидесяти после того, как дом Ноа сгорел дотла.

Небольшой, самодостаточный район работал на солнечных батареях, защищенных от ЭМИ-атаки, и располагал отдельными общими системами колодезной воды и септиков.

Насколько все знали, это единственная община в юго-западном Мичигане, в которой все еще работало электричество. Возможно, во всем Мичигане. Что делало ее весьма привлекательной и одновременно потенциальной мишенью.

Все в Фолл-Крик хотели туда попасть. Люди хотели иметь работающие стиральные машины, горячий душ, смывные туалеты, плиты и духовки, чтобы готовить то немногое, что у них осталось, и свет, который включался по щелчку выключателя.

Все то, что общество десятилетиями считало само собой разумеющимся, внезапно исчезло. Какие бы негативные последствия ни принесло с собой электричество — токсичные социальные сети и вездесущие технологии, вызывающие привыкание, — жизнь без него стала очень тяжелой.

В конце концов, после долгих разногласий и обсуждений, они выработали непростое решение. Тем семьям, которые владели домами в «Винтер Хейвене» до захвата Розамонд, разрешили вернуться в свои жилища.

Оставалось двадцать три свободных дома. Старых, больных и немощных, а также семьи

с младенцами и детьми младше пяти лет распределили по семнадцати домам — по три-четыре семьи на дом. Каждый дом имел площадь от шести до восьми тысяч квадратных футов, пять или шесть спален и столько же ванных комнат, в большинстве случаев с готовыми подвалами.

Оставшиеся пять домов жители Фолл-Крик будут использовать по очереди для приема душа, использования стиральных и сушильных машин, хранения продуктов в холодильнике, подзарядки аккумуляторов, штаба связи и т. д.

Расписание все еще прорабатывалось, и Ханна уже могла предвидеть, что оно станет источником напряженности и ссор, но, похоже, это наиболее справедливый вариант. Пока что.

Не идеально, но выжить можно.

Хотя Ханна имела право на один из домов в «Винтер Хейвене», исходя из возраста Шарлотты, она отказалась. Жизнь на Тэнглвуд-Драйв означала лишения и невероятно тяжелую работу, но зато она ежедневно могла встречаться с Квинн и Молли, а также с Бишопом, Рейносо и, конечно же, Лиамом.

Тепло и связь в мини-сообществе, которое они создали, очень дороги для нее, и Ханна не отказалась бы от них даже ради горячего душа.

В конце концов, обсуждение перешло к вопросу, который занимал всех в последние несколько недель — судьбе Джеймса Лютера.

— Выведите его к нам! — крикнул старый фермер Альберт Эдлин. Толпа зашумела в знак согласия. — Мы знаем, как поступить с предателем!

Дейв и Рейносо пытались умиротворить толпу, а Бишоп наблюдал за происходящим с потрясенным выражением лица. Аннет Кинг выглядела покорной, словно она слишком устала, чтобы беспокоиться, а Саманта Перес сидела прямо, крепко сжав челюсти.

Хейс и Дункан почти ничего не сказали, вероятно, слишком трусили, чтобы выступить против. Дэррил Виггинс, прижимистый, с кислым лицом менеджер ныне несуществующего банка «Community Trust», тоже вел себя необычно тихо.

Взгляд Ханны блуждал по толпе. Молли сидела в первом ряду, ее трость и ружье «Моссберг» стояли прислоненными к стулу рядом с ногами. Место рядом с ней, занятое для Квинн, оставалось пустым.

Молли не расставалась с ружьем, когда выходила из дома. Она представляла собой забавное зрелище — сутулая, седая бабуля, таскающая с собой оружие и трость.

Тем не менее, она могла удивить любого, кто не воспринимал ее всерьез. Ханна видела, как она стреляет.

Молли одарила Ханну язвительной ухмылкой «не могу жить с ними, не могу жить без них» и подмигнула, ее обветренное лицо избородила сеть морщин. Голубые глаза Молли оставались такими же острыми и ясными, как всегда.

Ханна натянуто улыбнулась в ответ и стала осматривать зал в поисках Квинн, наконец заметив ее, прислонившуюся к задней стене рядом с Джонасом Маршаллом и Уитни Блэр.

У всех троих подростков вид был угрюмый. Они тоже жаждали крови Лютера, и Ханна их не винила.

Невольно ее взгляд упал на мать Джонаса — Коринну Маршалл, владелицу скобяной лавки и женщину, которая принесла Лиаму имена горожан, готовых сражаться с ополчением.

Она помогла им победить. Но потеряла мужа во время сражения.

Коринна Маршалл уверенно смотрела на нее, ее глаза пылали за стеклами очков в фиолетовой оправе. Она скрестила руки на груди, ее плечи напряглись, каждая клеточка тела телеграфировала о ее ярости.

Ханна почувствовала укол вины. Она узнала боль, скрытую под гневом Коринны.

Она понимала ее, потому что сама чувствовала тоже.

Лютер не просто состоял в ополчении. Он поджег дом Ноа и чуть не убил Майло, который спал внутри. Он утверждал, что не знал о присутствии Майло, но в результате Майло чуть не погиб, случайно или нет.

Ханна имела такое же право презирать его, как и все остальные, но личные чувства не меняли того, что им нужно сделать.

— Лютер убил наших людей — он должен умереть! — кричал Дуэйн Лоусон.

Гул недовольства толпы становился все громче, все беспощаднее.

— Почему он все еще здесь, его кормят и дают ему кров, в то время как я не могу получить вторую банку зеленых бобов? Разве это справедливо?

— Расстрелять его!

— Зачем тратить пули? Повесить его!

— Повесить его!

— Если вы этого не сделаете, то мы сами займемся!

Дейв и Аннет обменялись тревожными взглядами. Рейносо отодвинул стул, готовясь вызвать свою команду охраны, чтобы вступить в драку и физически утихомирить людей.

Это только усугубит ситуацию.

Ее руки стали липкими, во рту пересохло. Кто-то должен вмешаться. Кто-то должен что-то сделать. Как и в прошлый раз, это могла быть Ханна.

Она громко свистнула, встала и хлопнула в ладоши.

— Прошу вашего внимания!

Пораженные, люди затихли, хотя и ненадолго. Их внимание будет приковано к ней лишь на несколько мгновений; действовать придется быстро.

Она заговорила громко и четко.

— Мы не будем убивать Джеймса Лютера.

— Какого черта? — воскликнула Коринна, возмущенно поднимаясь на ноги. — Почему нет?

— Мы дали ему слово. Лиам Коулман и я будем его выполнять.

По залу прокатился ропот отвращения. Несколько человек выругались.

— Это бред! — крикнула Сандра Перкинс.

— Мы заключили сделку, — заявила Ханна. — Жизнь Лютера за склад оружия. Мы победили с этим оружием. И победили, не потеряв еще больше жизней.

Лицо Коринны исказилось.

— Сделка с дьяволом не считается.

— Мы не будем вытаскивать этого человека на улицу и убивать его, — повторила Ханна, ее пульс громко стучал в ушах. — Этого не случится.

— Я сожалею о вашей потере, — вступила Аннет. — Воистину, мы все соболезуем.

Коринна перевела свой язвительный взгляд на Аннет, в нем кипело столько горя и ярости, что директор вздрогнула.

— Жаль? Вы сожалеете? Разве сожаление вернет моего мужа? Сожаление не даст мне и моему сыну справедливости!

— Коринна... — начал Дейв. — Мы понимаем...

— Очевидно, что вы ничего не понимаете! — Коринна вскочила на ноги. — Мы охотно сражались против Розамонд, Саттера и ополченцев. Мы были готовы сражаться и умереть. Мы отдали все! А теперь вы собираетесь пощадить это чудовище? Он убил наших людей. Теперь мы убьем его. Это справедливость!

— Я не могу не согласиться, — проговорила Перес. — Как только эти психопаты открыли огонь по мирным жителям, они потеряли право быть людьми. Мы должны избавиться от него, как от мусора.

В зале начался хаос.

— ХВАТИТ! — Бишопу не требовался мегафон. Его глубокий баритон пробился сквозь шум, шокируя людей и заставляя их замолчать.

— Коринна и Джонас, — продолжил он все еще громко, но мягко, — я понимаю вашу боль и ваш гнев. Каждого члена семьи, потерявшего близкого человека из-за ополченцев, мы понимаем. Мы скорбим вместе с вами. Мы страдаем вместе с вами. Но большее кровопролитие — это невыход.

Постепенно толпа успокоилась, выражения лиц по-прежнему оставались мрачными и сердитыми, но сдержанными. Никто не мог спорить с Бишопом. Каждый из присутствующих знал, как много он потерял, его жена и дочери пострадали в результате уловки Розамонд, чтобы ввести ополчение и завладеть городом.

Горожане могли не соглашаться с ним или не верить в его веру, но они его уважали. Каждый из них. Ханна видела это в их глазах.

— Факт остается фактом: Лютер — военнопленный, — отметил Бишоп. — Он добровольно отдал себя под нашу опеку, предоставив бесценную информацию в обмен на свою жизнь. Убить его теперь будет просто неэтично. Он останется в плену, пока совет не придет к соглашению об альтернативном варианте.

— Этика нынче не слишком актуальна! — воскликнула Тина Ганди.

— Этика и мораль всегда имеют значение, — ровно ответил Бишоп. — До тех пор, пока у меня есть хоть какое-то право голоса. Пусть мы пока сами по себе, но Америка остается Америкой. Я буду следовать ее законам и конституции, насколько смогу. Бог мне свидетель, я буду стараться поступать правильно и нравственно.

— Как и я, на посту начальника полиции, буду делать то же самое, — подчеркнул Рейносо.

— Как и совет, — поддержал Дейв.

На лице Перес промелькнула досада, разочарование и гнев. Она откинула свои короткие черные волосы за уши, стиснула челюсти, но ничего не сказала. Саманта не согласилась, но сохранила достаточный самоконтроль, чтобы не спорить на публике.

Раздосадованная, Коринна покачала головой, разочарованная, побежденная, все еще в ярости, но и она не стала выступать против Бишопы.

Вместо этого она повернулась, протиснулась мимо нескольких человек к среднему проходу и направилась в заднюю часть зала. Несколько десятков голов повернулись, чтобы посмотреть, как она уходит.

Коринна махнула рукой сыну, и Джонас последовал за ней, не говоря ни слова. У двери она остановилась и повернулась к ним лицом.

— Попомните мои слова, вы пожалеете об этом решении.

Дверь закрылась за ними со звонким щелчком.

Глава 11

Ханна

День восемьдесят восьмой

— Если между нами будет раскол, мы пропадем, — сказала Ханна.

— Я согласен, — поддержал Бишоп. — Мы должны работать вместе.

Аннет устало покачала головой.

— Звучит хорошо, но толку от этого нет. Вы сами все видели — абсолютный хаос. Все озлоблены, раздражены, напуганы. Это чудо, если кто-то из них хоть о чем-то договорится.

После шумного собрания горожане наконец разошлись по домам, вернувшись к повседневной тяжелой работе. Людям приходилось готовить еду с нуля, сажать сады, заготавливать дрова, стерилизовать воду, устанавливать блокпосты и патрулировать территорию вокруг города.

Совет остался, чтобы обсудить еще несколько деталей.

Они проголосовали за изгнание Лютера из города под угрозой смерти, если он когда-нибудь вернется, но еще не назначили дату или конкретные детали.

Перес хрустнула костяшками пальцев, выражение ее лица оставалось грозным.

— Вы знаете, как я отношусь к Лютеру, но голосование есть голосование. Я буду поддерживать Совет. Что касается жалобщиков, то все, кто не согласен с планом, могут паковать чемоданы и маршировать отсюда. Или, может быть, мы применим высшую меру наказания к их жалким задницам. Посмотрим, как им это понравится.

— Мы не можем вешать людей за плохое отношение, — язвительно сказал Дейв.

Перес ссутулилась в своем кресле.

— Ты уверен?

— После той катастрофы, которая здесь произошла, я начинаю склоняться на сторону Саманты, — призналась Аннет.

— Дайте людям еще один шанс, — возразила Ханна.

— Мы дали им много шансов. Но они все равно не понимают.

— Предоставим еще один.

Перес закатила глаза, но в конце концов сдалась. Полнотелая латиноамериканка, Саманта Перес была немногословной и яростной, и могла постоять за себя в кулачном бою, в драке с оружием — в любой драке. Такую женщину хотелось иметь на своей стороне.

— По крайней мере, они беспокоятся достаточно, чтобы прийти на собрание. — Аннет потерла лицо. Она выглядела более расстроенной, чем Ханна видела ее раньше, глаза налились кровью, короткие серебристые волосы растрепались.

— Аннет, ты в порядке? — спросила Ханна.

— Честно? Нет. Я устала. Управлять приютом — это хуже, чем возиться с кошками или руководить классом с непокорными подростками. Люди апатичны. Большую часть дня они проводят, развалившись на койках или сидя у стен, ни на что, не глядя. Некоторые из них как будто пустые. Не все, но достаточно.

Ханна вспомнила оцепенение, которое испытывала в первые месяцы пребывания в подвале Пайка, ее мозг восставал против новой реальности, тело окаменело от шока, ужаса и неверия.

Останься она в таком состоянии, то поддалась бы отчаянию, и подавленный разум оставил бы ее тело умирать на заплесневелом матрасе.

Она почти потеряла себя.

Вместо этого Ханна заставила себя встать, ежедневно делать зарядку, оттачивать свой ум, сочиняя песни и тексты, отмечать дни мелом на бетонной стене, и, что самое главное, сосредоточиться на единственном, что имело значение — выжить, чтобы вернуться домой к Майло.

В ней проснулось сострадание, но также и новая решимость.

Она откинула волосы за уши и подалась вперед, поставив локти на стол.

— Они все еще в шоке. Люди чувствуют себя бесполезными. Хуже того, они теряют надежду. Мы должны заставить их подняться и двигаться, работать ради чего-то, взять ответственность за себя.

— Как? — спросил Бишоп.

— Мы закроем приют.

— Что? — Виггинс зашипел. — Вы не можете этого сделать!

Бишоп посмотрел на нее тяжелым взглядом, нахмурившись.

— Это не кажется хорошей идеей.

— Через несколько недель наступит конец апреля, и температура воздуха повысится. Люди смогут вернуться в свои дома. Они почувствуют себя лучше, если будут спать в своих кроватях, а не в этих койках, сдвинутых вплотную друг к другу, как сардины в банке. Трудоспособные горожане должны работать за еду. Мы не можем позволить себе раздавать продукты бесплатно.

— И им это тоже нужно. Им нужно чувствовать, что они часть чего-то, что у них снова есть контроль, даже если он совсем небольшой. Это поможет.

Аннет тяжело вздохнула.

— Я полагаю, мы можем попробовать. В любом случае, я уже собиралась уволиться.

— Ты нужна нам, Аннет! — ахнул Дейв.

— Я все равно буду помогать. Мне просто нужен перерыв.

— Мы слишком много потребовали от одного человека, — заметил Бишоп. — Аннет нужно позаботиться о себе. Если мы все будем работать вместе, вносить свой вклад и брать на себя ответственность за этот город, то справимся.

Дейв потянулся, чтобы сжать руку Аннет. Она немного опешила, но затем неуверенно улыбнулась ему в ответ.

— Мы сможем даже процветать.

Ханна некоторое время наблюдала за ними, надежда билась в такт ее сердцу. Несмотря на трудности, несмотря на стресс и ссоры, люди могли общаться. Они могут найти друг друга. Друзей, семью, любовников.

Сейчас люди нуждались друг в друге больше, чем когда-либо.

— Мне все равно, что вы решите делать с этими горожанами, — мрачно сказал Виггинс. — По крайней мере, у нас есть припасы. Их хватит на всех.

— Не так уж и много, — отозвался Рейносо в своей типичной спокойной манере. Бывший морской пехотинец в возрасте сорока лет, Хосе Рейносо был сдержанным человеком, лояльным и прагматичным. И сложен как танк. — Особенно после того, как мы передадим часть запасов Общественному альянсу.

Виггинс покраснел.

— Что? Мы до сих пор обсуждаем этот вопрос?

— Да. — Бишоп провел рукой по своему афро. На нем была его любимая черная

кожаная куртка поверх мандариново-оранжевой гавайской рубашки, усеянной желтыми ананасами. — Мы не можем оставить себе украденную провизию. Она не наша.

Виггинс посмотрел на него.

— Черта с два. Наши люди сражались и погибли в той битве, которой вы так восхищались, пастор. Где был так называемый «Общественный альянс»? Нигде. Мы сражались за эти запасы, и мы выиграли их, честно и справедливо. Они отказались от своих прав на все, когда отказались участвовать в битве.

Перес бросила на него пристальный взгляд.

— Я что-то не припомню вашего участия в сражении.

Лицо Виггинса приобрело яркий оттенок пурпура. Его рот открылся, как у рыбы, но из него не вырвалось ни звука.

Он бросил взгляд на Бишопа, затем на Ханну, после чего практически выплюнул:

— Я бы с радостью взялся за оружие. К сожалению, меня не пустили.

Виггинс не простил Ханну, Лиама и Бишопа за то, что они удерживали его в собственном доме под дулом пистолета. Они не поверили бывшему банкиру, что он не предупредит ополченцев о готовящемся нападении; как только бой закончился, его отпустили.

В ту ночь и несколько раз после этого он осыпал их множеством красочных оскорблений.

За последние несколько недель его гнев поутих, хотя Ханна не сомневалась, что Виггинс презирает их — и Квинн тоже. И определенно он не питал любви к Призраку.

— Как бы мне не хотелось это признавать, но Виггинс не совсем неправ, — проговорила Перес. — Мы отчаянно нуждаемся в этой еде. Отдавать ее... Это неправильно.

Майк Дункан переместился в своем кресле и прочистил горло.

— Альтруизм — это хорошо и прекрасно, пастор. Но разве мы не должны в первую очередь думать о себе? Я сочувствую нашим соседям, но у нас тоже есть потребности. Мы должны заботиться о себе.

Владелец ныне не существующей автозаправочной станции был замкнутым человеком и говорил мало, но он сражался вместе с Рейносо в бою и заработал постоянную хромоту из-за пули в бедре.

— С самого начала эти продукты не принадлежали нам, — напомнил им Бишоп. — Мы просто возвращаем то, что украли ополченцы. Это правильный поступок. В противном случае мы станем соучастниками их страданий.

Дункан неохотно кивнул.

— Полагаю, это правда.

— Кроме того, мы уже сказали им, что отдадим все обратно, — заметил Дейв. — Так мы убедили их прийти на День торговли на ярмарке.

— Значит, они придут? — уточнила Аннет.

— Отчасти благодаря дипломатии Дейва, — отметила Ханна.

— И Ханна, — добавил Дейв. — Мы оба много работали.

В рамках организации окружного мероприятия на Молодежной ярмарке Дейв и Ханна связались с лидерами местных общин в Найлсе, Стивенсвилле, Бьюкенене, Сент-Джо Давагиаке, Уотервлиете и Коломе, включая Мика Селлера, лидера Общественного альянса, чтобы обсудить вопросы безопасности и снабжения.

Бентон-Харбор захватили банды, поэтому они старались держаться подальше от

городской черты.

Дейв почесал бороду.

— Добиться от них каких-либо соглашений оказалось нелегко. Флинн и некоторые другие до сих пор винят нас в набегах ополчения. Возвращение припасов укрепит доверие и сотрудничество между нашими общинами.

— Не понимаю, зачем они нам вообще нужны, — проговорила Перес. — Мы можем сами о себе позаботиться. Мы это доказали.

— Против пятидесяти, — уточнил Бишоп. — А если против ста? Двухсот?

— Мы не можем на них положиться, — возразила Перес. — Они уже один раз подвели, когда мы попросили их о помощи. Кто поручится, что они не сделают это снова?

Ханна покачала головой.

— Мы должны доверять им, так же, как и они должны доверять нам.

Перес скривилась, как будто надкусила лимон. У Ханны защемило в груди; Лиам часто напускал на себя такое же ехидное выражение.

Он тоже не слишком поддерживал предложенный союз. Он был невероятно упрям; если бы ему дали полшанса, Лиам бы все сделал в одиночку. Он ненавидел полагаться на других, особенно на тех, кого не знал и кому не доверял.

Ханна не винила его, но в душе знала, что так будет правильно.

Общины должны держаться вместе; другого выхода просто нет.

Если День торговли пройдет успешно... если встреча альянса пройдет хорошо... ее сердце забилось быстрее. Они могли изменить ситуацию, реально изменить.

Они могли бы построить здесь что-то, что переживет Крах и последующие времена.

— Нам нужно что-то хорошее, — сказал Бишоп. — Людям нужно что-то, к чему можно стремиться, цель. Им нужна надежда.

Ханна улыбнулась.

— Тогда давайте дадим им ее.

Глава 12

Квинн

День восемьдесят восьмой

— Готова к последней партии? — спросила Ханна.

— Как будто у нас есть выбор, — проворчала Квинн, закатывая глаза.

Они уже закончили две стирки одежды, которая теперь висела на бельевых веревках, натянутых между парой кленовых деревьев на заднем дворе бабушкиного дома.

Квинн с Ханной занимались стиркой белья для двух семей. Для этого они использовали два пятигаллонных ведра. Квинн проделала полуторадюймовое отверстие в крышке каждого. Первое ведро использовалось для стирки, второе — для полоскания.

Оба ведра наполнялись водой, в первое ведро добавлялось мыло, а в ведро для полоскания полчашки уксуса в качестве смягчающего средства. В каждую крышку она поместила туалетный вантуз с маленькими отверстиями, проделанными в резиновой чашечке.

Используя вантуз, Ханна энергично перемешивала грязное белье, нажимая и вытягивая вантуз примерно минут десять. Мокрое и грязное белье перекладывалось в ведро с чистой водой, которое Квинн перемешивала пять минут, затем сливала воду, доливала ее из колодезного насоса и снова погружала белье, до тех пор, пока оно не прополаскивалось.

Это гораздо лучше, чем стоять на коленях над ванной и вручную натирать каждую вещь с использованием старомодной бабушкиной стиральной доски и куска мыла.

В домах в «Винтер Хейвене» имелось электричество для стиральных и сушильных машин, но при такой унылой погоде электричество подавалось в ограниченном количестве. Кроме того, бабушка настаивала, чтобы они умели делать это по-старинке, и Ханна согласилась.

— Если мы чему-то и научились, так это не полагаться на то, что завтра может исчезнуть, — сказала бабушка. Как бы Квинн ни ненавидела это, она знала, что бабушка права.

Шарлотта лежала на спине на одеяле, которое Ханна расстелила на заднем дворике в нескольких ярдах от дома. Призрак устроился рядом с ней и дремал, положив голову на лапы, впитывая лучи ласкового солнца.

Ранее утром он охотился на белок, останки которых с гордостью оставил у задних ступенек.

Во время перерыва Ханна корчила смешные рожицы Шарлотте, которая задорно и звонко хихикала. Ханна убрала волосы в хвост, и смотрела на дочь с грустью в зеленых глазах.

— Шарлотта уже так сильно меняется, так быстро, что я забываю, как она выглядела всего несколько недель назад. Я бы хотела как-то запомнить ее, запечатлеть это особенное для нее время.

Квинн съезжилась, ее охватило чувство вины. Портреты Шарлотты, которые она хотела нарисовать, все еще лежали на комодке незаконченными.

Дело не только в нехватке времени. У нее пропало желание рисовать и писать. Она потеряла желание делать практически все, что угодно, ее сердце слишком сильно переполняли беспокойство, горе и ярость.

— Я тоже скучаю по фотографиям, — выдавила она из себя, думая о миллионах фотографий, которые исчезли в тот момент, когда телефоны умерли навсегда.

— Может быть, больше всего я скучаю по одноразовым подгузникам. — Ханна стряхнула с себя грусть и рассмеялась. — Для такого крошечного существа ее испражнения впечатляют. А грязные тканевые подгузники просто никогда не кончаются!

Квинн сменила свою долю подгузников Шарлотте и была полностью согласна.

— И не говори. Благо, у нас есть мыло.

В конце концов, им пришлось бы создавать собственное мыло с нуля, используя древесную золу для получения щелочи и смешивая ее с животным жиром. К счастью, они еще не дошли до этого.

Квинн вдруг почувствовал благодарность за огромный запас бабушкиной пищевой соды.

Ханна вытряхивала грязное белье из вантуза, сосредоточенно стискивая челюсть, ее поврежденные пальцы неловко сжимали ручку. Похоже, ей это доставляло боль.

— Я могу помочь, — предложила Квинн. По крайней мере, она могла быть хоть на что-то годна. Лень никогда не входила в число ее недостатков.

Ханна покачала головой.

— Боль означает, что все работает, верно? С каждым разом становится немного легче, как будто мертвая вещь возвращается к жизни. — Она вытерла лоб тыльной стороной руки и посмотрела на Квинн, наклонив подбородок. — Ты готова к завтрашнему Дню торговли?

Пока они стирали белье, Майло пошел с бабушкой работать в общественном саду на

бейсбольном поле средней школы.

Майк Дункан и Роберт Винсон построили несколько теплиц из пиломатериалов, фанеры и переделанных окон, пожертвованных из хозяйственного магазина, а директор школы собрала несколько гидропонных башен, которые она обнаружила в кабинете учителя естественных наук.

В башнях использовалась аквапоника для выращивания рассады в воде без почвы. Джамал, сын Майка, решил, что сможет построить несколько самодельных башен для выращивания рассады, используя трубы из ПВХ.

Бишоп, Рейносо и еще несколько человек дежурили на баррикадах и блокпостах. В шестнадцать лет Квинн не мог участвовать. Пока.

— Мы готовы. Уже загрузили бабушкино домашнее яблочное пюре, персики из банки и томатный соус в «Оранж Джулиус» сегодня утром.

Квинн пыталась вызвать внутреннее волнение, но не могла. В эти дни она, казалось, вообще ничего не чувствовала.

Кроме злости. Гнев никогда не иссякал.

Когда одежда подсохла, Квинн отбила ее ручкой метлы, а затем несколько раз потрясла каждую вещь, чтобы та полностью высохла, прежде чем сложить ее. Ткань не становилась мягкой как после сушки в сушильной машине, но это помогло справиться с жесткостью. Бабушка, как всегда, оказалась права.

Через несколько минут Ханна посмотрела на нее, ее брови озабоченно сдвинулись.

— Квинн, раз уж мы одни... я хотела убедиться, что ты в порядке.

Квинн застыла.

— Все нормально. Я в порядке.

— Мы все сейчас так заняты. И никто никогда не бывает один, верно? Другие люди всегда рядом. Мы с тобой не могли пообщаться.

Глаза Квинн жгло. Она крепче ухватилась за мешалку, тянула и толкала, пока ее бицепсы не стали гореть.

— Я сильная. Мне не нужно, чтобы кто-то приглядывал за мной.

— Это не имеет ничего общего с силой. Всем нам время от времени нужна помощь.

— Помоги тому, кто в этом нуждается. Например, Майло. Это он остался без отца.

— Обязательно. Помогу. — Ханна колебалась. — Майло не единственный, кто страдает.

Квинн сосредоточилась на щебетании птиц, на хихиканье Шарлотты, на прохладном ветерке, пронизывающем ее свитер. На краю двора все деревья стояли в ряд — толстые высокие стволы, ветви, как пустые руки, тянущиеся к тому, до чего они никогда не смогут дотянуться.

— Ты пережила травму, Квинн. Из-за убийства Розамонд. Из-за того, что сделал Ноа как он умер. Сразу после того, как это случилось, все сосредоточились на коме Майло. Но мы не забыли о тебе. Клянусь. Я не забыла о тебе.

— Ты встала на защиту Майло. Уберегла его и помогла ему справиться со всеми ужасными вещами, которые произошли. Но кто помогает тебе?

Квинн опустила взгляд на ведро, ее желудок совершал нервные сальто. Она чувствовала на себе обеспокоенный взгляд Ханны, так смотрит мать на своенравного ребенка, который, по ее мнению, может сбежать.

Тоска уколола ее. Квинн изо всех сил старалась не обращать на нее внимания, но

безуспешно.

Ее мать, Октавия, занималась тем, что причиняла вред, а не лечила его. Небрежно относясь к чужим сердцам, она никогда не лечила раны, которые наносила сама.

Квинн доверяла дедушке. Он предлагал свое плечо, чтобы поплакать, сидел в «Оранж Джулиусе» и терпеливо выслушивал ее жалобы.

Бабушка теперь единственная, кто остался у Квинн. Она знала, что бабушка любит ее, но бабуля не из тех, кто выкладывает все начистоту или говорит по душам о чем-либо. Ближе всего к разговору о тяжелых вещах они подошли после смерти Октавии. Только в тот раз Квинн видела, как бабушка плачет.

Она одновременно хотела довериться Ханне и боялась этого. Ее тянуло к нежной заботе Ханны и в то же время страшило это.

Ханна изучала ее.

— Ты можешь поговорить со мной, ты знаешь.

— Я говорю с тобой.

— О чем угодно. Обо всем.

Квинн молчала. Она сомневалась, что сможет.

— Как умер Ноа...

— Я не хочу говорить о нем. — Ее слова прозвучали резко и отрывисто, в груди вспыхнул едва тлеющий уголек, щеки разгорелись.

— Все случилось нечестно и неправильно. Когда кто-то, кто тебе дорог, принимает плохие решения, бывает трудно пережить это, понять, что ты чувствуешь по отношению ко всему случившемуся. — Ханна колебалась. — Я знаю. Я тоже через это прохожу.

Горло Квинн сжалось.

— Я в порядке.

— Это нормально чувствовать...

— Говорю же, я в порядке!

Ханна медленно, неохотно кивнула.

— Хорошо, я понимаю.

Ханна, вероятно, действительно понимала. Ноа был ее мужем. У нее больше прав горевать, чем у Квинн, больше прав на гнев, боль и разочарование.

И все же это знание ничего не изменило внутри Квинн, не ослабило горький узел в ее нутре и не растворило тьму, застывшую в груди.

Половину времени она чувствовала себя онемевшей, отключенной. Пустой. В другое время она пылала гневом.

Жестокий гнев, настолько острый, что Квинн чувствовала, как он режет ее изнутри. Наносит ей шрамы. Превращая ее в кого-то, непонятного ей.

За последние две недели темная штука внутри нее не исчезла. Ей не стало лучше. Наоборот, злоба становилась больше, темнее, уродливее.

И она наполняла Квинн бездонным ужасом.

Глава 13

Квинн

День восемьдесят восьмой

Шарлотта издала недовольный вопль, потеряв одну из своих игрушек. Ее маленькие толстые ручки тянулись к ней, но она еще не могла перевернуться или поползти.

Поднявшись на ноги при первом крике Шарлотты, Призрак стряхнул листья и ветки со своей пушистой шубы и с тревогой обошел вокруг одеяла, приглядываясь к ее маленькому тельцу, чтобы найти источник недовольства.

Призрак дышал малышке в лицо своим теплым собачьим дыханием. Тревога Шарлотты перешла в писк и хихиканье. Ханна бросила ведро с бельем, чтобы достать игрушку дочки, проверить ее подгузник и прошептать несколько ласковых слов в ее розовое ушко.

Наблюдая за ними, Квинн почувствовала, как сжалось ее сердце. Ей хотелось плакать без всякой причины, что только усиливало ее злость на себя.

Как только Шарлотта успокоилась, Ханна вернулась к стирке и Квинн. Еще несколько минут они работали в тишине.

— Она похожа на тебя, — сказала Квинн через некоторое время.

— Это маленькое благословение, но я им дорожу. — Поморщившись, Ханна прекратила возиться с вантузом и потеряла пострадавшую руку. — Во время беременности я долгое время не могла ее полюбить. Она ассоциировалась у меня с Пайком, с теми ужасными вещами, которые он сделал со мной. Но в ночь, когда Шарлотта родилась, я чуть не умерла. Мне пришлось бороться, чтобы вернуться, и когда я это сделала, то увидела в ней настоящий драгоценный подарок. Она моя, а не его. Она никогда не была его.

Ханна встретила взгляд Квинн.

— Для меня она — доказательство того, что красота может восстать из пепла.

— Ты убила Пайка, — промолвила Квинн, не успев остановить себя. Ее щеки вспыхнули. — Прости, я не должна говорить об этом. У меня слишком болтливый язык, бабушка всегда меня ругает.

Ханна не вздрогнула и не отшатнулась. Ее взгляд не дрогнул.

— Все в порядке. Это не запретная тема. Такое случилось. Просто часть моей истории.

Квинн колебалась, оглядываясь и осматривая деревья. На ветке сидела ворона, наблюдая за ней своим черным глазом-бусинкой.

— Каково это — убить его?

Минуту Ханна не отвечала. Квинн переживала, что она не ответит, поскольку, несмотря на все свои слова, Квинн обидела ее.

— Ужасно, — наконец произнесла Ханна.

— Но ты все равно это сделала.

Улыбка Ханны вышла болезненной, намекая на шрамы, которые она пережила, но в ней чувствовалась и сила, железный стержень, который излучало все ее существо.

— Страх нельзя победить, но с ним можно бороться, снова и снова, если у тебя есть что-то, за что стоит драться.

Квинн хотела обрести ту силу, ту стойкость и твердость, которая исходила от Ханны. Как кто-то может оставаться таким добрым после такой жестокости?

Квинн никогда никого не убивала до той ночи две недели назад. За один час по ее вине погибли четыре человека. Ополченцев она уничтожила на расстоянии, ночью, так что даже не видела их лиц и не осознавала их боли.

С Розамонд Синклер все вышло близко и лично.

Смерть Розамонд преследовала Квинн. Розамонд и Ноа.

— Все произошло не так, как в кино, — объяснила Ханна. — Там героиня мстит и уходит невредимой. Лишение человека жизни не дается легко, оно оставляет после себя шрамы, независимо от того, кого ты убил. Гэвин Пайк был чудовищным человеком. Он

заслуживал смерти, он должен был умереть. Пусть я защищалась, пусть восстановила справедливость, но все равно его убийство лишило меня чего-то.

Квинн ничего не ответила.

Возле кучи дров Валькирия охотилась на мышей, но Локи все время прыгал и разрушал ее планы. Она шипела от досады и замахивалась на него когтями.

Локи громко мяукнул и удрал с ее пути, только чтобы снова последовать за ней и сорвать ее следующую засаду. Локи был плохим охотником. Валькирия же, напротив, рождена для этого.

— Убийство человека меняет тебя, — заметила Ханна. — От этого никуда не деться.

Квинн ненавидела, что Розамонд скрывается в ее сознании и преследует ее в кошмарах. Она ненавидела, что смятая форма Ноа была первым, что она видела утром, и последним, что она видела перед сном.

— Мне тоже до сих пор снятся кошмары. Я все еще вижу его лицо. — Голос Ханны звучал так тихо из-за ветра и воркования и бульканья Шарлотты, что Квинн пришлось напрячься, чтобы расслышать его. — Нужно время, чтобы справиться с этим — со всеми эмоциями и кошмарами. Ты чувствуешь себя совсем не так, как хочешь, как тебе кажется должна. У тебя так же?

Квинн слабо кивнула.

— Нормально расстраиваться по этому поводу, — мягко сказала Ханна. — Все, что, как я представляю, ты сейчас чувствуешь, — это нормально. Но никогда не забывай, что Розамонд сама навлекла на себя свою смерть. Она не оставила тебе выбора. Ты понимаешь? Ты сделала то, что должна была сделать. Ты поступила правильно.

Они замолчали на мгновение.

Взгляд Ханны смягчился. Слезы блестели в ее зеленых глазах, как изумруды.

— Мы выжили, Квинн. Ты и я. Мы делаем то, что должны делать.

Квинн почувствовала это, как электрический ток, связывающий ее с Ханной, тот же ток, который связывал ее с Бишопом — связь между людьми, которые потеряли так много.

Потеря, которая уничтожает тебя, ломает твою жизнь, разворачивает твое «я», пока ты не помотришь в зеркало, и лицо, которое ты видишь, больше не твое.

— Ты можешь поговорить со мной, Квинн. Правда. Это нормально — просить с помощи.

Квинн не могла этого сделать. Не могла попросить о помощи или поговорить о своем состоянии. Она даже не могла дать этому название, не могла обличить в слова то, что внутри нее происходило, то что ее безумно пугало. Квинн чувствовала, как исчезает она сама и как в нее проникает что-то новое.

Она не знала, как это остановить — и хотела ли вообще этого.

Квинн опустила ручку вантуза и отступила назад, крик застрял за зубами.

— Я должна идти.

— Квинн...

— Прости. — Стирка не закончена. Белье прополоскали, но его нужно выжать и повесить на бельевую веревку, иначе полотенца и простыни заплесневеют. — Извини за стирку. В следующий раз я постираю все пеленки Шарлотты, обещаю. Мне очень жаль.

Она не почесала подбородок Призрака и не обняла Шарлотту на прощание.

Ее глаза горели, горячие слезы душили горло, Квинн повернулась и, спотыкаясь, пошла через двор Ханны, не к своему дому, а прочь, в лес, куда угодно, только подальше отсюда.

Глава 14

Лиам

День восемьдесят восьмой

Лиам взвалил на плечи рюкзак и опустил очки ночного видения на глаза.

Он пробирался сквозь деревья максимально бесшумно, планируя свои шаги, избегая веток на своем пути и переступая с пятки на носок по влажным листьям, траве и снегу.

Луна не светила, холодный воздух был хрупок. Ночное небо оставалось безоблачным, а звезды рассыпались яркими осколками. Серебристое сияние заливало деревья, ветви, каждый сверкающий кусочек снега.

Лунный свет означал, что он стал более уязвимым.

Ему следует вести себя осторожно.

Перед кромкой деревьев Лиам остановился и сверил часы. 22:58. Патруль проходил мимо этого участка забора в 23:00, затем в полночь и каждый час после этого.

Он достал бинокль и осмотрел местность, обнаружив, что патруль появился вовремя. Два охранника с М4 на перевязи пробирались вдоль внутреннего периметра забора, лучи их фонариков метались туда-сюда.

Охранные прожекторы, работающие от генератора, рассекали лучами забор. Этот участок находился на равном расстоянии от самых дальних прожекторов, что делало его самым темным на всей линии ограждения.

В нескольких сотнях ярдов к востоку внутри периметра, прислонившись к забору, стояли часовые на посту. Один курил сигарету. Второй, казалось, спал — голова откинута назад, глаза закрыты.

Лиам ждал в полной тишине, почти не дыша.

Когда патруль прошел, он в последний раз осмотрел местность, прежде чем выйти на тридцать ярдов открытого пространства между линией деревьев и забором. Пригнувшись, он быстро пошел вперед, приседая. Спина ныла, но он не сбавлял темпа.

Добежав до забора, Лиам присел на корточки, опустил М4 на перевязь, потянулся к рюкзаку и достал кусачки. Он редко клал инструменты в свой рюкзак, но в эту поездку захватил несколько предметов «на всякий случай».

Бросил взгляд в сторону часовых, которые не обращали на него внимания. Крайне важно устранить охрану на пути отхода. Скорость играла решающую роль.

Не переставая сканировать обстановку, Лиам сосредоточился на одной части проволоки, поскольку она требовала наименьшего количества разрезов. Он резал снизу-вверх, проделывая достаточно большое отверстие, чтобы свободно и быстро пролезть и при этом не зацепить рюкзак или одежду.

Обычно он соединял ограждение стяжками, чтобы охранники не заметили дыру, но в этот раз ему требовалось провести мистера и миссис Брукс и его племянника. Они могли бежать, спасая свои жизни. Скорость превыше всего.

Лиам достал свой тактический нож «Гербер» и быстро и умело двинулся на восток, темным пятном скользя от тени к тени, от одного модульного здания к другому.

Трейлеры стояли вплотную друг к другу, между ними оставалось всего несколько футов. Через каждые десять жилых модулей в глубину шел более широкий параллельный проход, ведущий к туалетам, столовой, рабочим местам или туда, куда нужно гражданским.

Один из часовых, стройный чернокожий мужчина лет тридцати с козлиной бородкой, затаился сигаретой и выпустил струю дыма, лишив себя ночного зрения. Второй, более крупный мужчина с пивным брюшком и бородой, продолжал дремать, слегка похрапывая, его оружие даже не лежало в руках.

Никто из них не проявлял ни бдительности, ни осторожности. Ни один из них не ожидал того, что произойдет.

На Лиаме снизошло знакомое холодное спокойствие. Время замедлилось, все чувства кристаллизовались.

Он нагнулся, поднял камень и бросил его.

Первый часовой повернулся на звук.

Не раздумывая, Лиам подкрался к нему сзади, положил руку на горло и вогнал нож в основание черепа.

Почти бесшумно отбросив врага, он переместился ко второму.

Дремлющий часовой захрапел и рывком проснулся. Его глаза выпучились от ужаса, когда Лиам провел ножом по яремной вене. Он булькал и задыхался, хватаясь за горло.

Ему потребовалось еще немного времени, чтобы умереть, но часовой не смог вымолвить ни слова, а это главное.

Лиам быстро оттащил тела за ближайший трейлер. Он вытер нож о бедро второго часового и убрал его в ножны.

Эти люди враги — Лиам видел, как они обращались с гражданскими, особенно с женщинами. Он не чувствовал ни угрызений совести, ни вины.

Он продолжил свою миссию.

Ночь заполнили негромкие звуки тысяч спящих людей — храп, шевеление и сопение, где-то плакал ребенок. В воздухе слабо пахло пластиком, подгоревшей едой и запахом тел.

Лиам нашел столб с нужным обозначением: «Квадрант 4: Зона С: Ряд 15» и направился туда.

Слева от него открылась дверь. С бешено бьющимся сердцем Лиам спрятался за боковой стеной ближайшего трейлера.

Гулко зазвучали шаги, когда фигура закрыла дверь и прошла несколько метров. На мгновение стало тихо, затем послышался щелчок зажигалки и запах прикуриваемой сигареты. Кто-то вздохнул с усталым удовлетворением.

Дым защекотал ноздри, и Лиам сдержал чих. Пригнувшись, он выглянул из-за угла, поводя дулом М4.

Женщина в распахнутом пальто поверх фиолетовой пижамы в горошек прислонилась к стене трейлера. Она откинула голову назад, прикрыв глаза, зажженная сигарета зажата между двумя пальцами.

Лунный свет мерцал на ее грязных светлых волосах и подчеркивал усталые черты лица. Не враг — гражданское лицо.

Уровень угрозы низкий, хотя она могла поднять шум, если бы его увидела.

Лиам мысленно отметил ее местонахождение, пока двигался вдоль задней стенки трейлера и спешил по узкому проходу между несколькими следующими зданиями.

Он остановился, когда дошел до пятого трейлера, расположенного ниже столба. Трейлер Бруксов располагался на одном уровне внутри группы, в окружении трейлеров, прижатых друг к другу, менее открытых, чем те, что располагались вдоль основных путей.

Обойдя вокруг него, он насторожился, ожидая появления проходящих мимо солдат или

бессонных граждан. Но ничего не увидел. Тихо гудел генератор, огни вдоль ограждения по периметру тускло жужжали в тишине. Он все еще чувствовал запах сигаретного дыма.

Окна располагались доступно, но высоко, входная дверь выполнена из хлипкого алюминия, что не создавало особых препятствий.

Лиам снял рюкзак, расстегнул молнию и достал набор отмычек. Ему не потребовалось много времени, чтобы взломать замок на входной двери.

Войдя в трейлер, он закрыл за собой дверь, опустил оптические очки и осмотрел обстановку.

Лунный свет струился сквозь щели в жалюзи. Трейлер напоминал кемпер — крошечная кухня, стол, который складывался, так что гостиная служила еще и столовой. Здесь хоть и тесно, но чисто.

Узкая дверь в одноместную спальню стояла открытой. У изножья кровати на полу находилась самодельная люлька, сделанная из ящика комода. В ней спал его крошечный племянник.

У Лиамы защемило в груди — Ханна сделала то же самое для Шарлотты.

Он поднял взгляд, продолжая осматривать комнату, и резко остановился. На кровати материализовалась темная фигура, тень, выделенная лунным светом, проникающим через окно.

Эвелин Брукс села в постели. В одной руке она держала кухонный нож, направляя его на Лиаму.

— Не смей подходить ближе.

Глава 15

Лиам

День восемьдесят восьмой

Лиам остановился в дверном проеме и поднял обе руки, убедившись, что его оружие направлено в сторону от кровати, при этом он двигался медленно и уверенно, произнося спокойным голосом.

— Я Лиам Коулман.

— Не двигайся. — Миссис Брукс нащупала левой рукой фонарик на прикроватной тумбочке, включила его и осветила ему в лицо.

Он моргнул, щурясь от резкого света, но не двинулся с места. Ей нужно убедиться, что он не представляет опасности. Он повторил:

— Я Лиам. Лиам Коулман.

Она опустила фонарик.

— Это... это ты.

Ее муж перевернулся в постели рядом с ней.

— Дорогая, что... — Он увидел Лиаму и быстро сел, глаза от страха округлились. — Линкольн? Мне снится сон? Должно быть...

Лиам вздрогнул. Уже давно никто не принимал его за брата.

— Не Линкольн, — пояснила миссис Брукс. — Линкольн мертв, дорогой. Это Лиам. Его брат.

Мистер Брукс моргнул и потер лицо.

— Лиам? Что ты здесь делаешь?

— Не следовало оставлять вас в Чикаго. Мне нужно было убедиться, что с вами все е

порядке.

— Посреди ночи? — недоверчиво спросил мистер Брукс.

Он был стройным, его вьющиеся короткие волосы и борода по большей части поседели, у глаз и рта появились слабые морщинки. Джесса рассказала Лиаму, что ее отец преподавал психологию в Иллинойском университете в Чикаго. Работал там до краха.

— Как? — спросил мистер Брукс. — Как ты сюда попал?

Миссис Брукс поджала ноги и села на край кровати.

— Охранники не пустили бы его. Должно быть, он тайком сюда прошел. А если смог пробраться внутрь, то сможет выбраться и наружу.

Рот Лиамы дернулся. Миссис Брукс обладала такой же пронизательностью и умом, как и ее дочь Джесса, которая была акушером-гинекологом — и чертовски хорошим акушером.

— Эти солдаты сожгли нашу ферму, — сказал мистер Брукс. — Они загнали нас сюда и не дают нам уйти.

— Они ведут себя так, будто они солдаты, но это не так, — поделилась миссис Брукс.

— Да, это не так, — согласился Лиам. — Даже не близко. Мистер и миссис Брукс, я пришел забрать вас отсюда, отвезти вас и ребенка в безопасное место.

Миссис Брукс уставилась на него.

— У тебя есть способ вытащить нас отсюда?

— Да, мэм, есть. Хотя это сопряжено с некоторым риском.

За те несколько раз, что Лиам общался с ней, она всегда казалась ему умной, способной и решительной женщиной. Она не разочаровала его и сейчас.

Миссис Брукс глубоко вздохнула и кивнула.

— Пошли.

Она поднялась на ноги, обошла кровать и осторожно взяла ребенка на руки. Он кряхтел и извивался, но не просыпался.

— Зови меня Эвелин. А моего мужа зовут Тревис.

Она обхватила ладонью спящую головку младенца. В тусклом свете он казался смуглым, с крошечными чертами лица и черными вьющимися волосами.

— А это малыш Лиам. Мы назвали его Л.Дж. «Джей» — это Джесси. — Она натянуто и болезненно улыбнулась. — Как Джесса.

Имя подходило идеально, но Лиам не мог этого сказать. Эмоции бурлили в его груди, сжимая горло — благодарность, облегчение, любовь, потеря и сожаление. Эмоции, которые он не мог позволить себе испытывать сейчас.

Он жаждал снова обнять племянника, но сейчас не время.

Лиам бросил быстрый, пристальный взгляд. Младенец выглядел маленьким для трехмесячного возраста. Даже в темноте Лиам разглядел, что он слишком худой, особенно по сравнению с Шарлоттой, которая с каждым днем становилась все пухлее. Ребенок размахивал тонкими, как карандаш, ручками и жалобно попискивал во сне.

Лиам испугался.

— С ним все в порядке?

В глазах миссис Брукс что-то промелькнуло.

— Они обещали нам молочную смесь, но пайки жалкие. Малышей, которых не могут кормить грудью, практически морят голодом. У нас остались только те запасы, что мы привезли с собой. Я сделала все, что могла, но только в этом секторе за последние три недели мы потеряли четырех младенцев.

— Он болен, — проговорил Тревис. — Большинство младенцев и маленьких детей болеют. Пневмония, туберкулез, фарингит. Солдаты только смеются. Здесь нет врачей. Нет лекарств.

— У него бронхит, — произнесла Эвелин со страхом в голосе. — И становится все хуже. Лиама словно током пронзила злость. Если бы у него была огневая мощь, чтобы уничтожить это место, не причинив вреда гражданским, он бы сделал это не задумываясь.

Он прочистил горло, заставляя себя сосредоточиться на деле.

— Нам нужно идти. Одевайтесь и возьмите то, что нужно ребенку. Поторопитесь, пока патруль не вернулся.

Эвелин нахмурилась.

— Что будет, если они нас обнаружат? Они ранили людей, которые пытались уйти. Они увозят больных, и никто никогда их больше не видит. Тетя Тревиса, у нее был диабет. Они не давали ей нужное количество инсулина. Она умерла здесь. Им наплевать. Я уже говорила тебе о детях. А молодые девушки и женщины...

— Знаю, — произнес Лиам. — Я разберусь с этим. Ведите себя как можно тише. И следуйте моим указаниям.

— Так и сделаем. — Тревис запихнул в рюкзак бутылочку, пару матерчатых пеленок, несколько тряпок и одну помятую банку с молочной смесью. — Мы не хотим оставаться здесь ни на минуту дольше, чем нужно.

Эвелин одела ребенка в пальто и шапочку, затем уложила его в переноску и обмотала ремни вокруг плеч и талии. ЭлДжей. слабо кашлял и хныкал.

Лиам напрягся.

— Что, если он заплачет?

Эвелин показала соску.

— У меня есть пустышка, но это не гарантия. Дети плачут.

Лиам напряженно кивнул. Не так давно он ничего не знал об этих непредсказуемых маленьких существах. После двух с половиной месяцев с Шарлоттой он убедился, что знает еще меньше, чем раньше.

Тревис положил руку на предплечье Лиама.

— Я знаю, как стрелять из пистолета. Пусть не эксперт, но мне нравится стрелять по тарелочкам, и я несколько раз бывал на стрельбище. Пожалуйста, позволь мне помочь.

Лиам сжал челюсти. Он не доверял никому, кроме себя, но если их обнаружат, ему понадобится поддержка.

Он снял с предохранителя свой «Глок» и передал его Тревису рукояткой вперед.

— Магазин заряжен, патрон уже в патроннике.

— Спасибо, — поблагодарил Тревис.

Лиам возразил:

— Пока ещё рано меня благодарить.

Глава 16

Лиам

День восемьдесят восьмой

Тревис придержал дверь открытой для Эвелин и Лиама. Тревис шел первым, Эвелин с ребенком в середине, Лиам замыкал группу.

М4 висел на перевязи у него на груди в пределах досягаемости. Он достал НК45 для

использования в ближнем бою. Если понадобится, глушитель поможет им выиграть время.

Холодный ночной воздух подействовал как пощечина. Весна или нет, но прохладные ночи на Среднем Западе все еще опускались до минус семи градусов. Несколько снежинок спиралью падали с темного неба.

Ребенок проснулся. Его маленькие худенькие ручки болтались по обе стороны переноски, и он недовольно хныкал. На улице холодно, а ему не хватает тепла и уютной кровати.

— Ш-ш-ш, милый, — прошептала Эвелин, поглаживая его по спине.

ЭлДжей разразился неровным кашлем между жалобными криками, в его груди слышался влажный хрип, который, как знал даже Лиам, не должен исходить от младенца.

Его племянник болеет. Лиам не знал, насколько, но это серьезно.

Они не прошли и ста футов, как из темноты раздался голос.

— Эй! Что вы делаете?

Справа от них из тени между двумя трейлерами вышла любительница покурить. Сигарета свисала с ее губ. Уголек светился, как один красный глаз.

Лиам держал дуло пистолета опущенным под углом в сорок пять градусов, но угроза чувствовалась ясно.

— Тебя это не касается.

Тревис и Эвелин остановились, испуганные и неуверенные.

Он жестом велел Бруксам обойти женщину, стоявшую в центре узкой дорожки.

— Мы должны идти.

— Вы никуда не можете уходить! — повысила голос дама с сигаретой. — Это запрещено. Кто этот парень? Почему у него пистолет?

— Джанет, пожалуйста, — попросила Эвелин. — Мы тебя не беспокоим. Просто притворись, что ты нас не видела.

— Зачем мне это делать? — поинтересовалась Джанет, насупившись и упрямясь.

— От нее одни неприятности, — заметила Эвелин тихо. Она похлопала ЭлДжея по попе и дала ему соску. Ребенок покашлял, но начал тихо сосать. — Мы ей не нравимся.

Лиам посмотрел назад. Никто больше не выходил из трейлера, никто из охранников не направлялся в их сторону — пока.

— Просто идите.

Они продолжили путь. Их ботинки гулко шлепали по раскисшей грязи, мертвой траве и слякотному снегу. Огни вдоль ограждения по периметру становились все ярче, тени между трейлерами казались темными и густыми.

Джанет пошла за ними. Ее ночная рубашка хлопала на ветру, пальто развевалось, ботинки шаркали по земле.

— Вы нарушаете правила! Вы не можете этого делать! Кто он? Один из этих повстанцев?

— Нет! — ответила Эвелин. — Он просто друг. Солдат.

Лиам дошел до перекрестка. Он проверил обстановку повернул глушитель влево, затем вправо.

Обе протоптанные дорожки оставались пустыми. Но это не означало, что так будет и впредь, особенно если за ними по пятам идет воинственная Джанет. Запах ее проклятой сигареты раздражал нос и горло.

— Он не такой, как эти солдаты, это точно. — Джанет ускорила шаг. — Вы пытаетесь

сбежать, да?

— Нет! — резко ответил Тревис. — Пожалуйста, Джанет. Возвращайся в постель.

— Заткнитесь! — крикнул кто-то через окно трейлера слева от них.

Лиам вздрогнул. Они слишком шумели, привлекая тем самым к себе внимание.

Он осмотрел местность, проверил, что позади них. Врагов по-прежнему не наблюдалось.

— Увидел что-то, сообщи, — проворчала Джанет. — Так нам сказали. Мы получаем дополнительные пайки, если сообщаем о подозрительном поведении, помните?

Лиам не переставало удивлять, как легко можно убедить людей действовать вопреки собственным интересам. Эта женщина готова предать своих товарищей по заключению, чтобы задобрить тиранов, которые заключили в тюрьму и ее.

Возможно, некоторые люди настолько привыкли к стенам тюрьмы, что не хотят ничего другого.

— Я собираюсь рассказать о вас. Я сообщу...

С приглушенным ворчанием Лиам развернулся, гнев пронзил его насквозь. Он не стал бы стрелять в безоружного гражданского, но это не означало, что у него не возникнет искушения — или что он не сможет заставить ее думать, что он способен на такое.

Он вскинул пистолет и прицелился в грудь Джанет.

Она остановилась на середине шага. От удивления ее рот открылся в виде большой красной буквы «О».

— Леди, вам нужно развернуться прямо сейчас. Возвращайтесь в свой трейлер, забирайтесь в кровать и спите. Это всего лишь кошмар. Если вы не хотите, чтобы он стал реальностью, немедленно повинуйтесь.

Заволновавшись, она сделала шатающийся шаг назад, сигарета выскользнула из ее пальцев и упала в грязь.

— Ты не можешь, ты не имеешь права...

Она не заткнулась. Джанет представляла угрозу.

Лиам перевернул пистолет, сделал два быстрых шага и ударил рукояткой ее по голове, прежде чем Джанет успела увернуться или закричать. Но не настолько сильно, чтобы причинить ей вред.

Она тут же упала, потеряв сознание еще до того, как оказалась на земле. Ему это не нравилось, но так надо.

Тревис смотрел на упавшую Джанет.

— Ты только что...

— Она бы подняла тревогу.

Эвелин неловко присела рядом с Джанет, одной рукой поддерживая ребенка, который недовольно вскрикнул, и пощупала пульс.

— Она не умерла. Просто без сознания. Возможно, у нее будет сотрясение мозга.

Тревис помог жене подняться на ноги, сжал ее руку и покорно кивнул.

— Мы понимаем.

С помощью Тревиса Лиам быстро оттащил бессознательное тело Джанет за ближайший трейлер, пока Эвелин гладила волосы ЭлДжея и похлопывала его по попе, успокаивая. Его веки оставались полузакрытыми и тяжелыми, а хрипы в груди казались громкими, как бензопила.

Лиам не чувствовал облегчения. Они не избавились от опасности. Патрули везде, и их

шансы быстро сокращались.

Времени оставалось все меньше.

Глава 17

Лиам

День восемьдесят восьмой

— Я уже прорезал дыру в заборе, — сообщил Лиам. — Когда мы доберемся туда, проходите через нее и бегите в лес. Я прикрою ваш отход, а потом последую за вами.

— Если мы разделимся, в одной миле прямо на юг по Риджлайн-роуд есть ферма, которую вы встретите за этой полосой леса. Ферма «Сан Хейвен». Встречаемся там. Тревис, если кто-то нападет на вас, стреляй. Без колебаний.

Когда они оба кивнули, Лиам велел Бруксам продолжать путь. Он просканировал территорию вокруг, осматривая каждый трейлер, ища движение в тенях, проверяя, что позади них.

Справа раздались быстрые шаги.

Адреналин ударил в кровь. Лиам повернул налево и оттеснил Эвелин и Тревиса за ближайший угол. Они прижались к стенке трейлера, Лиам стоял перед ними, поднимая пистолет с глушителем.

Шаги приближались.

Укрытие никуда не годилось. Луна светила так ярко, что на них словно падал свет прожектора, и все вокруг озарялось призрачным сиянием.

Бежать уже поздно. Бегство только привлекло бы больше внимания.

«Поверни, поверни», — мысленно повторял Лиам.

Шаги не стихали.

Охранник, одетый в военную форму, обогнул угол ряда трейлеров в десяти ярдах справа от них. Молодой, белый, с детским лицом. М16 в его руках поднят высоко и находится в положении готовности, дуло направлено прямо на них.

Парень увидел их и замер. Его глаза расширились, когда он осознал всю картину: вооруженный до зубов Лиам, женщина с грудным ребенком, рядом с ней ее муж, тоже вооруженный.

Палец Лиама лежал на спусковом крючке. Глушитель не обеспечивал полной бесшумности. Кто-то мог его услышать. Хуже того, если охранник успеет выстрелить, все бандиты в лагере сбегутся сюда.

И все же Лиам приготовился выстрелить при малейшем движении, при малейшем движении пальцев. Если этот парень сузит глаза, ему конец. Если он откроет рот, чтобы выкрикнуть предупреждение, он покойник.

Лиам не позволит причинить вред своему племяннику или родителям Джессы. Он умрет, прежде чем допустит это.

Неприятель уставился на них, ошеломленный и неуверенный. Он не опустил оружие. И ни разу не пошевелился.

Лиам смотрел в ответ, сердце колотилось.

Кто-то храпел в трейлере рядом с ними. ЭлДжей издавала тихие звуки, кашляя.

Напряжение натянулось, как резинка, которая вот-вот порвется.

— Я кое-что услышал, — произнес охранник. — Вы... вы пытаетесь сбежать.

— Пожалуйста, — проговорила Эвелин. — Мы просто хотим уйти. Вот и все.

— Вы не должны уходить.

— Мы не создадим никаких проблем, — заявил Тревис. — Мы не хотим быть здесь.

— Я не могу позволить вам уйти, — повторил охранник.

— Наш ребенок болен, — объяснила Эвелин. — Он умирает.

Только когда она произнесла эти слова вслух, Лиам понял, что это правда. Еще больше причин, чтобы увезти их отсюда — сейчас же.

Лиам потянулся к спусковому крючку.

Взгляд молодого человека метнулся к ребенку, его глаза выделялись белыми пятнами в тени лица. Что-то изменилось в его чертах — намек на сомнение, раскаяние.

И тут его плечи напряглись, дуло винтовки приподнялось на долю дюйма.

Лиам выстрелил. Два коротких выстрела. Пули вырвались из глушителя и вонзились охраннику в грудь. Когда он, пошатываясь, отступил назад, махая M16, третий патрон пробил его левую глазницу и вонзился в мозг.

Охранник упал на влажную землю, мертвый.

Эвелин задохнулась и закрыла рот рукой, Тревис крепко обнял жену и внука.

Бесконечное, мучительное мгновение никто не двигался, мышцы натянуты, уши напряжены, они прислушивались в поисках признаков того, что приглушенные выстрелы предупредили кого-нибудь об их присутствии.

Через несколько трейлеров кто-то громко захрапел. Сначала раздался рокочущий звук, затем хрюканье.

Никаких сигналов тревоги. Никаких приближающихся шагов.

Лиам не осмелился потратить время на то, чтобы спрятать тело. До смены часовых оставались считанные минуты. Кроме того, кровь, сверкающая в лунном свете, как масло, скоро выдаст их деяния.

С нарастающим отчаянием он поторапливал Бруксов так быстро, как только мог.

Меньше чем через минуту они добрались до ограды.

Лиам шел впереди них и проверял последний перекресток. Он проскочил мимо ближайшего трейлера, держа наготове оружие, и посмотрев сначала налево, затем направо.

Забор находился прямо перед ними. За открытым участком земли — свобода.

Может быть, им все-таки повезло. Возможно, им удастся выбраться из этой дыры целыми и невредимыми...

В пятидесяти ярдах позади них раздался крик тревоги. Дюжина криков и воплей эхом разнеслась по лагерю, а затем послышался топот ног в их сторону.

Кто-то обнаружил тело охранника.

Как раз в этот момент маленький ЭлДжей проснулся и разразился пронзительным плачем.

Эвелин отчаянно пыталась утихомирить его, но безуспешно. Слишком поздно. Ребенок кричал во всю мощь своих легких. Рваные, душераздирающие крики.

Страх впился в грудь Лиамы железными когтями. Не повезло. Потребуется все его умение, сообразительность и мужество, чтобы вытащить родителей Джессы отсюда живыми.

Не думая о собственной безопасности, он крутанулся и толкнул Тревиса.

— Вперед!

Тревис схватил жену за руку, и они помчались к забору.

Лиам занял оборонительную позицию за трейлером и прикрывал Бруксов, убрав в кобуру НК45 и подняв M4 одним плавным движением. Трейлер обеспечивал укрытие, но не

защищал. Он не мог оставаться здесь, иначе у него будут серьезные проблемы.

Когда они добрались до забора, Эвелин встала на колени, грациозная даже с пятнадцатифунтовым ребенком на груди. Она оттянула проволоку, пока Тревис перебирался через дыру на четвереньках. Он повернулся и придержал ограду для нее.

Рыдания ЭлДжея становились все громче. Неважно, насколько он болен; в тишине плач звучал громко, как трубные взрывы, предупреждая каждого вооруженного бандита в радиусе четверти мили.

Луч фонарика пригвоздил Бруксов к месту.

— Эй! Вы там! Немедленно остановитесь! — прокричал глубокий голос.

Глава 18

Лиам

День восемьдесят восьмой

С востока к Бруксам бежали два охранника. В сотне ярдов от них, может быть, меньше. Еще несколько наступали с запада — враги собирались обойти их с двух сторон.

Времени на колебания или нерешительность не оставалось. Каждая секунда означала жизнь или смерть.

Кровь стучала в ушах Лиама, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Он подавил нарастающую панику и заставил себя сосредоточиться.

Его подопечные не погибнут. Не сегодня. Не в этот раз.

Лиам опустил очки ночного видения, поднес М4 к щеке и перевел переключатель на трехзарядную очередь. С мастерством и точностью он прицелился, выдохнул и выстрелил.

Первый боец упал. Затем второй и третий. Несколько человек подбежали, чтобы занять их место.

Еще четверо врагов появились на центральной дорожке, перпендикулярной забору. Вспышки выстрелов озарили ночь. Грохот автоматных очередей расколол воздух.

Пули пронеслись мимо головы Лиама. Со звоном и грохотом они врезались в стены трейлера позади него. Одна пуля ударила в землю в футах от его ботинок, комья грязи забрызгали его голени.

Не раздумывая ни секунды, он выскочил из-за трейлера, выхватил из нагрудного крепления осколочную гранату и бросил ее. Она пролетела двадцать ярдов в сторону приближающихся врагов.

Лиам отпрыгнул назад за трейлер, чтобы укрыться. Взрыв озарил ночь.

Земля задрожала под его ногами, хлипкая стена трейлера ударилась о спину. Истошные крики раскололи воздух.

Еще больше воплей. Двери трейлеров распахнулись, люди в ужасе вскакивали со своих кроватей и спасались бегством.

Эвелин вскрикнула. Лиам краем глаза заметил, как она извивается, наполовину зацепившись за ограждение. ЭлДжей жалобно закричал, когда Тревис присел на корточки с другой стороны, дернул ее за руку и попытался протащить. Эвелин крепко застряла.

Зазубренный конец проволоки зацепился за плечевой ремень детской переноски. Просунув руки и туловище в отверстие, Эвелин не могла дотянуться и распутать его, как и Тревис.

Страх пронзил Лиама. Прямой удар в сердце. Ему не нужно было особо раздумывать. Он не выбирал.

Он тысячу раз отдал бы свою жизнь за ребенка Линкольна и Джессы. Как и за Ханну, за Майло и Шарлотту.

Время замедлилось. Действие разворачивалось кадр за кадром. Лиам двигался не мыслью, а мышечной памятью, его многолетние тренировки взяли верх.

Он бросил еще одну гранату, вышел из укрытия и двинулся по широкому проходу, прицеливаясь и стреляя короткими очередями. Полдюжины врагов уже лежали, разорванные осколками. Вставать они не собирались.

Упав на землю, он перекатился и встал на колени, приседая перед Эвелин и племянником. Он оказался полностью открыт. Но летящие снаряды будут поражать его, а не их. Вот что имело значение.

Прикрывая их своим телом, он метнул взрывпакет, чтобы дезориентировать врагов, почувствовав, как дрожь ужаса прокатилась по его венам.

Он отвернулся, прикрыв глаза и открыв рот.

Взрывной удар потряс его барабанные перепонки. Невероятный яркий свет вспыхнул сквозь веки.

Лиам открыл глаза и прижал приклад М4 к плечу. Прищурившись через оптику, он снова и снова нажимал на спусковой крючок. Бум! Бум! Бум!

Пули ударили в грязь, зацепили забор по обе стороны от него. Одна попала Лиаму в грудь, отбросив его назад, боль отозвалась так, словно его лягнула лошадь.

Бронежилет защитил его от сквозного ранения, но не от удара. Останется уродливый синяк. Синяки, с которыми он мог жить...

Еще несколько пуль просвистели мимо его головы. Чуть ниже бронежилета его левую нижнюю часть пронзила жгучая боль.

Проклятье! Лиам смутно почувствовал, что в него попали. Он не мог посмотреть, насколько сильно.

— Мы свободны! — крикнул Тревис. — Я освободил ее!

— Вперед! — закричал Лиам.

Они не успевали. Враги приближались, бежали с нескольких сторон. Дюжина. Два десятка. Их слишком много.

Через несколько секунд они одолеют его.

На волне адреналина Лиам бросил еще один взрывпакет, чтобы прикрыть побег Бруксов.

Враги отпрянули назад, мгновенно ослепленные, дезориентированные и оглушенные. Они спотыкались, словно пьяные, хватались за уши и лица. Один человек закричал и стал бороться с огнем на своих бедрах.

Они придут в себя через десять-пятнадцать секунд, хотя некоторое время не смогут ясно видеть и слышать. Переключившись на автоматический режим, Лиам открыл шквальный огонь.

Скрежеща зубами, он поднялся на ноги, адреналин на мгновение замаскировал серьезность его ранения.

Отступая назад, Лиам уничтожал всех противников в поле зрения. У него звенело в ушах, он повернулся и бросился через дыру в заборе.

Зазубренные концы проволоки, словно сломанные зубы, царапали щеку и шею, рвали одежду и едва не зацепились за рюкзак.

Со звериным рыком он прорвался.

Быстро вскочив на ноги, он крутанулся на месте, выискивая вражеские цели. Он пятился назад, прикрывая огнем убегающих.

Позади него Бруксы скрылись в ночи. Они мчались к лесу в тридцати ярдах отсюда, по открытому, незащищенному пространству.

Он должен позаботиться о том, чтобы они скрылись. Лиам сделал еще один короткий выстрел. Передернув затвор, он быстро перезарядил автомат. Несколько шальных выстрелов прозвучали за ним, но ни один не прошел слишком близко.

Теперь у него появился шанс сбежать.

Он повернулся и помчался за Бруксами, спотыкаясь, ощущая раскаленную боль в ребрах, мучительную вспышку, выбивавшую дыхание из легких.

Лиам достиг леса как раз в тот момент, когда враги снова открыли огонь. Взметнулась грязь, когда пули ударили в землю в ярдах слева и справа от него.

Он прижался к толстому стволу дуба и резко вдохнул, успокаивая сердцебиение. Он стоял один. Как и было велено, Эвелин и Тревис продолжили двигаться вперед.

Ему нужно затормозить их преследователей, дать им время. Проблема заключалась в том, что у него самого времени в обрез.

Из дыры в боку сочилась блестящая кровь. Она залила одежду и жилет. Его ноги слабели и становились негнушимися.

Резко вздохнув, Лиам загнал боль подальше вглубь и заставил себя продолжать. Еще немного. Ему нужно, чтобы его разбитое, израненное тело выдержало, пока он не удостоверится, что они в безопасности.

Он высунулся из-за дерева и обрушил шквальный огонь в сторону забора.

Еще двое врагов упали. Затем еще трое.

Через минуту ответный огонь прекратился.

Их будет больше. Ему нужно отступить, пока они не организовались и не обошли его с флангов.

Присев на корточки, Лиам достал аптечку из нагрудной сумки, приложил к ране подушечку для свертывания крови и обмотал ее травматическим бинтом. Это должно сработать.

Его племянник еще не спасен.

Глава 19

Лиам

День восемьдесят восьмой

Лиам тяжело поднялся. Задыхаясь от боли, смешанной с усталостью, он повернулся и исчез среди деревьев.

На бегу он сделал еще одну тактическую перезарядку, его руки, покрытые собственной кровью, скользили по металлу, когда Лиам вставлял свежий магазин и засовывал использованный в подсумок на груди.

Даже раненый, даже с травмой спины, он обладал невероятной физической формой. Лиам пробирался сквозь деревья уверенным шагом, стиснув зубы, молясь, чтобы адреналин и дальше блокировал самую сильную боль.

Он единственный, кто стоял между семьей его брата и верной смертью. Он должен оставаться на ногах, несмотря ни на что.

Луна скрылась за плотными облаками. В лесу было темно и тенисто. Мертвые листья

хрустели под его ботинками. В прохладном воздухе пахло сырой землей, хвоей и смолой.

Над всем этим он вдыхал горячий медный запах собственной крови.

Каждую минуту Лиам останавливался, чтобы прислушаться к колотящемуся сердцу.

Он напрягал уши в поисках сигнала о том, что его выслеживают. Шелест листьев, треск ветки. Мягкий хруст сапог по снегу.

Раздался случайный выстрел, но далеко. Постепенно крики стихли.

Несмотря на боль, он заставил себя ускорить шаг. Если По не идиот, то у него есть группа реагирования, готовая отправиться на их поиски.

Лиам остро чувствовал, как сеть смыкается вокруг них, как захлопываются челюсти ловушки.

Когда он добрался до фермы, где припрятал грузовик, Эвелин и Тревис ждали его у амбара. Эвелин приготовила бутылочку для ЭлДжея, который, к счастью, снова заснул. Только дышал он хрипло и неровно.

— Давай я поведу, — сказал Тревис, когда увидел Лиам, его глаза расширились от тревоги. — Лиам, ты сядешь на заднее сиденье. Эвелин, позаботься о нем.

— Я в порядке, — настаивал Лиам.

— Ты ранен, — возразила Эвелин.

— Я...

— Лиам Колман, послушай меня. — Эвелин выпрямилась во весь рост и сжала руки на бедрах. — Возможно, я не имела чести знать тебя хорошо, но знала твоего брата. Линкольн был моим зятем — не забывай об этом. Я знаю тебя благодаря ему. Он рассказывал, что ты всю жизнь заботился о людях и забыл, что тебе самому нужна забота. В тебя стреляли. Поэтому сейчас позволь тебе помочь!

Его плечи обмякли. В Лиаме не осталось ни капли борьбы. Он не смог бы спорить с Эвелин, даже если бы захотел. Она слишком сильно напоминала ему Джессу.

Лиам никогда не мог отказать Джессе, так же как не мог отказать Ханне.

Боль быстро истощала его силы. От выброса адреналина его трясло и кружилась голова. У него не оставалось выбора: еще несколько секунд, и он превратится в кучу на лесной подстилке.

— Отлично. — Он достал из кармана ключи и бросил их Тревису. — Теперь я понимаю, откуда у Джессы ее упрямство.

— Вот именно. — Тревис включил яркий светодиодный фонарик и направился к сараю.

Лиам поморщился, потянувшись к боковому карману своей сумки, и достал маленький фонарик с красным фильтром для улучшения ночного зрения. Он протянул его Тревису.

— Используй это. Он привлечет меньше внимания.

Он сделал шаг и споткнулся. Волны головокружения накатывали на него, ноги грозили подкоситься.

Не раздумывая, Эвелин обхватила окровавленный торс Лиам и поддержала его.

— Обопрись на меня.

Она была стройной, не такой фигуристой, как ее дочь, но сильной. С помощью Эвелин они пробрались в затемненный сарай.

Запах сена и пыли наполнил его ноздри. Было слишком темно, чтобы различить что-то, кроме тяжелых теней и темной фигуры грузовика прямо впереди. Он различал тюки сена и тракторы.

Тревис случайно задел ногой металлическое ведро и замер. В переноске Эл Джей

зашевелился, но не проснулся.

— Нам нужно спешить, — скомандовал Лиам. — Они будут преследовать нас.

Тревис отпер грузовик и запрыгнул на водительское сиденье. Лиам сжал челюсти, чтобы не закричать от боли, и забрался на заднее сиденье, Эвелин помогала, как могла.

Он снял рюкзак и поставил его на пол рядом с собой, держа М4 на коленях.

Пока Тревис светил фонариком, Эвелин пристегнула ребенка в автокресле, которое Лиам раздобыл и установил с помощью Ханны перед отъездом.

ЭлДжей несколько раз сильно захныкал, но Эвелин успокоила его, и он устроился в автокресле.

Лиам прислушивался к звукам погони. В углах его зрения колыхалась чернота, кожа покрылась колючками кислого пота.

Он не мог позволить своему телу сдаться. Не раньше, чем они окажутся в безопасности.

Он планировал заминировать их путь отхода гранатами или повалить дерево, чтобы заблокировать машины преследователей, но ранение все изменило. Времени нет. У него кружилась голова, он практически потерял сознание.

Эвелин сидела боком на середине сиденья рядом с ним, неловко упираясь одной ногой в спинку пассажирского сиденья. Она посветила фонариком на рану Лиама, ее глаза сузились.

— Все так плохо?

— Будем надеяться, что не задело желудок или селезенку, но ты потерял много крови. Есть входное отверстие, но нет выходного. Пуля все еще внутри тебя.

Она прочистила горло и указала на его рюкзак.

— У тебя там есть аптечка? Она нам понадобится.

— Нет времени. Чем дальше мы будем тянуть, тем больше их машин будет на дорогах, чтобы заблокировать нас. Мы должны ехать.

— Лиам, тебе нужна немедленная медицинская помощь...

Далекие крики эхом разнеслись по лесу, за ними последовал лай собак.

Сердце Лиама сдавило.

— Вперед!

Тревис встревоженно вздохнул.

— Может, нам просто спрятаться здесь, пока они не уйдут? Им придется обыскать сотню сараев, чтобы найти нас.

— У них есть охотничьи собаки. Они выследят нас прямо здесь. К тому же, они увидят наши следы на снегу.

До них донесся гул мотора, потом еще один и еще.

— Они приближаются, — прохрипел Лиам.

Тревис застыл за рулем.

— Что мне делать?

Лиам скомандовал:

— Гони!

Глава 20

Лиам

День восемьдесят восьмой

— Куда мы едем? — спросил Тревис, с ужасом в голосе.

Лиам стиснул зубы. Боль раскаленной кочергой терзала его бок. Даже говорить не

хотелось.

— В бардачке есть карта с обозначенными путями отхода. Обойдем Шампейн и будем двигаться по проселочным дорогам — они не так забиты. Курс на северо-восток в сторону Мичигана.

Тревис завел двигатель, и тот, кашляя и захлебываясь, взревел. Он выехал из сарая, развернулся и рванул по подъездной дорожке, выплевывая из-под шин куски снега и гравия.

Несколько пар фар мерцали сквозь густые заросли деревьев позади них.

— Быстрее, Тревис! — воскликнула Эвелин.

Тревис резко повернул налево и с ревом помчался по боковой улице. Фары грузовика осветили широкие полосы пустых, покрытых снегом фермерских угодий по обе стороны дороги, испещренных фермерскими домами, заборами и пожухлыми деревьями.

За лучами желтого света простиралась бесконечная тьма.

Тревис переключил передачу и нажал на педаль газа. Они подпрыгивали и перепрыгивали через упавшие сучья и ветки, резко объезжая заглохшие машины, заваленные грязным снегом и мертвыми листьями.

В заднем стекле мелькнул отблеск фар. Даже в темноте Лиам различил широкие жирные лучи «Хамви», мчащегося к ним.

Тревис выругался, крутанул руль и свернул направо на большую дорогу.

— I-57! Извини!

— Просто двигайся на север и съезжай как можно скорее. Это прямая дорога, и им слишком легко нас догнать. Мы должны оторваться от них в каком-нибудь квартале.

— Впереди дерево! — крикнула Эвелин.

Тревис крутанул руль и едва разминувшись с ветвями массивного поваленного платана, нависшего, как какое-то чудовищное паукообразное существо.

Выстрелы разорвали воздух. Из «Хамви» стреляли из автоматов.

Ребенок проснулся с испуганным криком.

Тревис пригнулся и вывернул руль, едва не вылетев с дороги.

— Я не понимаю, куда ехать! Кто-то должен помочь с картой!

Несмотря на подкатывающую тошноту, Лиам развернулся и уперся в заднее сиденье, глядя назад, с М4 в руке. Он опустил очки на глаза.

Лучи двух «Хамви» дико отражались позади них, освещая деревья. Может быть, в двухстах ярдах, но они набирают скорость.

Машины хорошо бронированы. Он мог различить очертания турелей.

Он снял автомат с предохранителя.

— Я буду стрелять через заднее окно. Прикрой чем-нибудь ребенка!

— Лиам, твоя рана...

— Не будет иметь значения, если мы все умрем в следующие тридцать секунд!

Эвелин напряженно кивнула. Она схватила одеяло из сумки с пеленками и накрыла им голову, кричащего ЭлДжея.

Грузовик подпрыгнул и покачнулся. Боль стала невыносимой, каждый толчок превращался в электрический разряд, который красными стрелами пронзал его зрение.

Лиам выпустил три контролируемые очереди, стрельба в тесном пространстве носила разрушительный характер. Ледяной ветер трепал его, завывал в ушах, заглушая испуганные крики младенца.

Никто не мог уделить ни секунды, чтобы утешить его. Сначала нужно остаться в живых.

«Хамви» продолжали приближаться. С помощью очков Лиам разглядел врага, который поднимался, чтобы занять место в башне первого «Хамви».

Его легкие сжались. Они не выдержат попадания из пулемета М2 50-го калибра. При дальности стрельбы в две тысячи ярдов и скорострельности 750–850 выстрелов в минуту они мгновенно будут уничтожены.

Лиам выстрелил в пулеметчика, но промахнулся.

— Уведи нас с этой дороги! Немедленно!

— Справа есть квартал, сразу за эстакадным мостом, — крикнула Эвелин.

Тревис бешено затряс головой.

— Там нет дороги!

— Это насыпь, — перекрывая крики ребенка, сообщила Эвелин. — Кусты не выглядят такими большими. Просто езжай!

Лиам стрелял снова и снова. Пулеметчик пригнулся.

— Сейчас!

Тревис резко вывернул руль вправо, едва сбросив газ. Грузовик завизжал, шины оторвались от дороги, с такой силой тряхнув их, что Лиам и Эвелин отбросило на сиденья. ЭлДжей вскрикнул в знак протеста.

Позади них М2 издал громоподобный рев.

Лиам увидел куски асфальта, отлетающие от дороги, и на мгновение застыл в сдвоенных желтых лучах, как в замедленном фильме катастрофы.

А потом Тревис свернул на травянистый склон, продираясь сквозь заросли. Ветки и колючки царапали бока грузовика, и на скорости сорок миль в час он протаранил деревянный забор.

Они врезались в задний двор кирпичного бунгало.

Лиам, сидевший спиной к движению, успел заметить, как грузовик пронесся по патио, пластиковые стулья разлетелись, сложенный зонтик ударился о капот и крышу, а затем упал на кузов грузовика и приземлился, дико взметнув ткань цвета хаки.

Секундой позже они прорвались через противоположную сторону забора, промчались по подъездной дорожке и перемахнули через бордюр на жилую улицу.

Лиам едва слышал рев ветра, его глаза напряглись в поисках желтого света фар, преследующих машину. Порыв воздуха высушил глаза, частично ослепив его.

Он моргнул, и вот они — «Хамви», выскочивший с заднего двора на дорогу позади них, когда Тревис входил в крутой девяностоградусный поворот.

— Выключи фары!

— Что? Тогда я ничего не увижу! Я разобьюсь...

— Иначе мы их не сбросим! — Лиам сорвал с себя противоударный шлем с оптикой и бросил его Эвелин. — Отдай это своему мужу!

С помощью очков ночного видения Трэвис мог избежать столкновения с препятствием, которое могло бы их убить. Уже через несколько кварталов он проносился через перекрестки с четырехсторонним движением и затемненные светофоры.

Эвелин сжимала карту белыми костяшками пальцев, выкрикивая указания. Каким-то образом она не дала им свернуть в тупик или глухой переулок.

Тревис разогнался до опасной скорости, поворачивая на каждом повороте, едва не опрокидывая грузовик, едва не врезаясь в знаки «стоп» и заглушенные машины в центре дороги.

С металлическим визгом он боком задел минивэн, потеряв боковое зеркало водителя.

На крутых поворотах, узких дорогах и скоплениях домов стрелки не могли подобраться достаточно близко для точного выстрела. Особенно без света фар грузовика, который притягивал их, как маяк.

Светящиеся огни преследующих их «Хамви» становились все дальше и дальше позади. Спустя вечность они замерцали и погасли окончательно.

— Они пропали! — воскликнула Эвелин. — Я их больше не вижу.

— Продолжай наблюдать... это не значит, что они не появятся. И не останавливайтесь.

Эвелин удавалось успокаивать ЭлДжея, одновременно направляя мужа. Тревис проехал еще несколько кварталов, прежде чем покинуть Шампейн и свернуть на проселочные дороги, которые вели их на северо-восток через мили и мили фермерских угодий в сторону Мичигана.

Лиам старался не терять бдительности на случай, если «Хамви» появятся снова. Они не появились.

За пределами машины ничего, кроме темной, пустой, бесконечной ночи.

Наконец Тревис включил фары и облегченно вздохнул.

— Ну, это было отличное приключение, правда, дорогая? Разве не ты говорила, что скучаешь по долгим поездкам за город?

Эвелин полуистерично рассмеялась.

— Мирным поездкам за город.

Пальцы Лиама ослабли на карабине. Голова закружилась. Он почувствовал, что начинает проваливаться.

— Лиам!

Борясь с бессознательным состоянием, он обмяк на заднем сиденье.

— Я думаю, я... я думаю...

— Береги силы. — Мгновенно успокоившись, Эвелин бросила карту и вытащила травматический бинт из рюкзака Лиама у его ног. — К счастью для тебя, я медсестра скорой помощи.

— Чувствую себя чертовски... везучим.

— Так и есть. — Эвелин задрала его залитую кровью одежду, чтобы хорошо рассмотреть рану. — У тебя есть кто-нибудь? Кто-то особенный в твоей жизни?

Он стиснул зубы от прилива боли.

— Есть.

— Это хорошо. Как ее зовут?

Он не сказал ни единой душе о своих истинных чувствах.

— Я...

— Ее имя Лиам. — Лицо Эвелин потемнело, ее голос отдалился. — Скажи мне ее имя.

Он не знал, что сказал, и ответил ли что-нибудь вообще. В ушах звенело, как от удара колокола, в мозгу — каша, все расплывалось и отдалялось.

Лиам дрейфовал на волнах боли, но один образ застыл в его сознании, как искра уголька в море тьмы. Одно лицо.

Перед тем, как он отключился, Эвелин произнесла:

— Оставайся в живых, Лиам. Оставайся живым ради Ханны.

Глава 21

Генерал

Генерал сидел в своем мягком кожаном кресле и смотрел на спутниковый телефон, лежавший на широком кедровом столе.

Он неоднократно звонил своему контакту, но безуспешно.

Это его беспокоило.

Вздыхнув, он поднял стакан с коньяком и помешал лед в темной жидкости.

На заднем плане послышалось жужжание генератора. В кабинетах губернатора не горел свет — они максимально полагались на дневное освещение, используя драгоценную электроэнергию для обогрева и холодильников.

Системы очистки воды и канализации не работали уже несколько месяцев. Трубы в Лансинге — и в каждом городе Мичигана, по всей стране — стояли сухими.

В настоящее время питьевая вода привозилась из-за пределов города и очищалась вручную, предназначаясь, конечно же, для правительственных чиновников и других VIP-персон.

Генералу все равно, откуда она поступает, лишь бы поступала.

Лед стал ценным товаром, без которого генерал не планировал обходиться.

Последние два месяца он называл здание Джорджа У. Ромни на Капитал-авеню в Лансинге своим домом вдали от родного. Историческое тринадцатипятиэтажное здание из известняка и кирпича когда-то служило гостиницей, но после того, как в 1980-х годах его приобрел штат Мичиган, оно подверглось реконструкции и было переоборудовано под новый офис губернатора.

Нынешний губернатор Мичигана — Генри Даффилд — располагался прямо по коридору, через несколько дверей.

Генерал со вздохом откинулся в кресле. Ему всегда нравилось греться возле вершины власти — если не сидеть на троне самому.

Кто-то постучал в дверь.

— Сэр, началось совещание губернатора, — сообщил его помощник.

По привычке он взглянул на часы на стене, все еще застывшие во времени.

Заседание началось раньше. Эта расчетливая маленькая шлюха, государственный секретарь штата, снова пыталась его подставить.

— Спасибо, Осборн, — поблагодарил генерал, поднимаясь.

Он захватил с собой коньяк в кабинет губернатора, где Даффилд склонился над кипой папок и бумаг на своем огромном столе.

Государственный секретарь, Лорен Юбэнкс, прислонилась к книжному шкафу, скрестив руки. Ее глаза сузились, когда он вошел.

Осборн, помощник генерала, вошел в кабинет следом за ним и тихо пристроился в углу, не привлекая внимания, увлеченно делая заметки.

Рядом с Юбэнкс стоял худой, сутулый мужчина, который не переставая прочищал горло и тасовал в руках связку бумаг официального вида.

— Вижу, начали без меня, — отметил генерал, смягчая голос и контролируя свой гнев.

— Моя вина, — с усмешкой проговорила госсекретарь. — Учитывая, что вы всегда так заняты. Я не хотела беспокоить вас еще одной встречей.

Оправдание звучало так же фальшиво, как и его ответная улыбка.

— Ничего страшного. Я рад помочь, чем смогу.

— Не сомневаюсь, — проронила она.

Губернатор Даффилд рассеянно махнул рукой.

— Абдул Назари как раз сообщал нам последние новости от Министерства Национальной безопасности, поскольку они контролируют Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям. Каждая из них более удручающая, чем предыдущая.

Назари прочистил горло.

— Как я уже говорил, в нескольких округах Калифорнии и Аризоны есть станции, работающие на ветровой или солнечной энергии, но проблема в трансформаторах. Несколько международных пожертвований отправились в Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Вашингтон, конечно, заказал тысячи, но они появятся только через два года, и вы можете догадаться, куда они отправятся в первую очередь.

— Как скоро мы вернемся к нормальной жизни? — спросил губернатор Даффилд.

— Согласно последним отчетам Министерства Национальной безопасности, от пяти до семи лет для крупных городов. Десять лет для провинциальных штатов.

— Что? — пискнул Даффилд, хотя генерал неоднократно предупреждал его о подобном развитии событий. — Вы издеваетесь надо мной? Как нам быть?

Генри Даффилд больше беспокоился, чем делал. Он разводил руками и жаловался. Как седовласый, коренастый старик выиграл еще один срок, генерал не мог понять. И все же, он здесь.

— Это ваша компетенция, а не наша, — отозвался бумагомаратель из министерства. — Занимайтесь делами.

— Но нам нужно больше припасов. В наших лагерях заканчивается еда и туалетные принадлежности, не говоря уже о помещениях. Мы едва пережили зиму!

— Правительство Соединенных Штатов не несет за вас ответственности. Если вы не подготовились к чрезвычайным ситуациям в соответствии с инструкциями...

— Из каких средств? — резко спросила Юбэнкс.

— Из ваших собственных, разумеется, — заявил Назари весьма самодовольно.

Генерал благоразумно воздержался от того, чтобы вышвырнуть бюрократа из комнаты. Или выхватить пистолет и выстрелить в раздражающую его дыру в кислороде.

К сожалению, некоторые правила цивилизации все еще сохранялись.

Через пять минут раздражающий чиновник ушел, а губернатор и его госсекретарь уставились друг на друга, все еще ошеломленные новой реальностью, которую генерал принял в первый день.

— Десять лет, — проговорил губернатор Даффилд. — Десять.

Юбэнкс просто покачала головой, обхватив ребра руками, и ничего не сказала.

— И Вашингтон настаивает на том, чтобы скрыть это от общественности, — отметил генерал. — Как будто люди не в состоянии понять это сами.

Конечно, он имел в виду Вашингтон метафорически. Президент, его кабинет и остатки конгресса в обозримом будущем засели в Маунт-Уэзер в Блумонте, штат Вирджиния.

Он не сомневался, что у них есть весь лед и коньяк, какой только может пожелать человек, и все другие удобства, которых, по мнению элитных правительственных чиновников страны, они заслуживают.

Жалкие трусы, вот кто они. Испуганные, блеющие коровы. Слишком робкие и забитые, чтобы иметь дело с миром таким, какой он есть.

К счастью, у них оставался доступ к таким людям, как он, которые все еще готовы

выполнять грязную работу. За определенную цену.

— Черт, они все еще говорят лагерям агентства по чрезвычайным ситуациям планировать в месяцах, а не в годах.

— Вы не можете наводить панику на людей... — начал губернатор.

Генерал закатил глаза.

— О да, старая байка о том, что общественность не может воспринимать правду. Мне хорошо известны эти доводы. Если мы скажем им правду, они могут взбунтоваться. Или ограбят продуктовые магазины. Или сожгут свои собственные города. — Он не разрывал зрительного контакта, его взгляд оставался холодным и расчетливым. — А вы не подумали о том, что мы уже пришли к этому?

Губернатор Даффилд неловко сдвинулся с места и кашлянул в носовой платок. Он сам давно уже пожилой человек, но сегодня политика превратилась в игровую площадку для стариков, которые, как малые дети, боролись за власть в песочнице.

Настоящая власть лежала в другом месте.

Политик должен играть по определенным правилам, должен поддерживать фасад моральной и этической безупречности. У такого человека, как генерал, этой необходимости не было.

Генерал-майор армии США, официально «ушел в отставку» после того, как слухи о некоторых сомнительных сделках дошли до чужих ушей. Как всегда, он быстро встал на ноги, набрал лучших солдат и бывших военных и основал частную охранную фирму для тех правоохранительных органов и правительственных структур, которые хотели, чтобы некоторые вещи делались не по правилам. Похищения. Охрана секретных грузов. Ликвидация цели.

Его люди давно дали ему это прозвище, и оно прижилось. Для тех, кто осведомлен, он оставался просто Генералом. Олицетворением закулисной тени, тем, кто дергает за ниточки, кукловодом.

Мир в целом ничего не знал о его существовании. Он предпочитал, чтобы так и оставалось. В определенных кругах его почитали. В других ненавидели. А кое-где его боялись до ужаса.

И вот, когда случился удар ЭМИ и все полетело к чертям, Генри Даффилд обратился к единственному человеку, которого он знал и который мог добиться результата любыми средствами.

Даффилду это могло не нравиться, или даже не нравился сам Генерал, но мир нуждался в таких людях, как он. Людях, которые доводят дело до конца.

То, что началось с надзора за охраной оставшихся в живых членов законодательного собрания штата и офиса губернатора, быстро переросло в нечто гораздо большее. Генерал вникал во все аспекты повседневной работы правительства разрушенного штата. Как и планировалось, теперь он стал незаменимым.

Губернатор разразился надсадным кашлем.

— Вы опять шутите.

— Я говорю только правду, — возразил Генерал. — И ничего кроме правды.

Секретарь штата мрачно изучала его, словно пытаясь понять, какую аферу он затеял. Высокая, невзрачная женщина с суровым лицом, Лорен Юбэнкс была умна и невероятно компетентна.

Вместе с тем она принадлежала к числу тех безрассудных идеалистов, которые все еще

цепляются за устаревшие идеалы морали и этики.

Генерал ее презирал.

Он ни на секунду не забывал, что она следующая в очереди на пост, если с нынешним губернатором случится что-то плохое.

Вице-губернатор и генеральный прокурор так и не вернулись домой из своих заграничных рождественских каникул. Следующими в очереди после генерального прокурора шли временный председатель Сената, погибший в автомобильной аварии, и спикер Палаты представителей, женщина средних лет, которая отказалась от своих обязанностей, чтобы заботиться о своей семье в Энн-Арборе.

Генерал намеревался стать новым секретарем, и скорее раньше, чем позже. В наши дни существовало так много способов умереть.

Словно прочитав его мысли, Лорен Юбэнкс сузила глаза.

Генерал улыбнулся ей. Улыбка не была теплой, наоборот, резкой. Как предупреждение.

Глава 22

Генерал

День восемьдесят девятый

Лорен Юбэнкс смотрела на генерала, не мигая и не отрываясь.

Она становилась проблемой.

Вопрос преемственности стоял на повестке дня, и он планировал его решить, но не сейчас. Терпение, в конце концов, считалось добродетелью. Как и хитрость, которой он обладал в избытке.

Даффилд хрустнул шишковатыми костяшками пальцев и отвел взгляд.

— Что мы будем делать?

— Пошлите больше людей в Детройт, — посоветовал Генерал. — Возьмите город под контроль. Затем организуйте пополнение запасов в лагерях агентства № 23, № 24 и № 26 и пообещайте им дополнительное продовольствие, если они предоставят нам новобранцев в Национальную гвардию. Нам нужно больше солдат.

— Мы не можем удерживать продовольствие в обмен на то, что семьи отдадут своих сыновей и дочерей, — заявила Юбэнкс. — Это переходит все границы.

— По крайней мере, мы не призываем их в армию, — ответил Генерал. — Пока.

— Белый дом требует, чтобы мы послали больше войск в Иллинойс, — ныл губернатор Даффилд, его голос повысился. — Этот Синдикат и его лидер По становятся все более серьезной проблемой, и...

— Он не наша проблема, — настаивал Генерал. — Чикаго — это помойка. Им нужно признать поражение. Сдерживать его, это лучшее, на что они могут надеяться.

— Мы должны послать людей, — сказала Юбэнкс. — У нас приказ...

— Не спешите, — произнес Генерал. — Пусть подождут немного. Со временем станет понятно, как лучше поступить.

— Мы не можем просто нарушить федеральные правила..., — начала Юбэнкс, но губернатор отмахнулся от нее.

— Мы разберемся с этим завтра.

— Но...

— Я устал, Лорен.

Юбэнкс поджала губы, неохотно, но кивнула.

— Сэр.

Она не обратилась к Генералу, а повернулась и вышла из кабинета, ее практичные кроссовки скрипели по полу. Он с улыбкой смотрел ей вслед.

Она знала, что он выиграл эту битву. Губернатор был нерешительным, медлительным человеком. Отсрочка равнялась победе.

Поскольку их отпустили, Генерал повернулся к своему помощнику, который стоял молча, в ожидании следующего приказа.

— Вызовите Бакстера в мой кабинет.

Джон Бакстер был робким человеком с длинной шеей и влажными, кроткими глазами, он напоминал Генералу черепаху; из тех людей, которые всегда готовы нырнуть в свой панцирь при малейшем признаке неприятностей.

Однако он отличался дотошностью, обладал умом и прекраснейшим почерком, который Генерал когда-либо видел. Он представлял, что средневековые монахи, переписывающие Библию на пергамент чернилами и пером, не могли бы сравниться с изящным, но строгим почерком Бакстера.

Когда пыль развеется, и Америка возродится, мир должен знать, что произошло: герои и злодеи, жертвы и предательства. Кто из них смело встал во главе разрушенной страны, а кто захлебнулся и пал на своих мечях.

Будет ли это через десять лет, пятьдесят или сто, для Генерала не имело особого значения. Как скажет вам любой стоящий историк, историю пишут победители.

И Генерал намеревался стать победителем. Это будет его версия истории, которую запомнит будущее, воссозданная по его видению.

Вошел Бакстер, опустив голову, с книгой в кожаном переплете, зажатой в длинных тонких пальцах. Генерал махнул рукой, чтобы тот занял привычное место у окна.

Он откинулся в кожаном кресле и сделал еще один глоток коньяка. Лед звякнул о бокал.

— Начнем?

Когда скрежет пера по бумаге заполнил комнату, взгляд Генерала обратился к спутниковому телефону, примостившемуся на краю стола.

Она все еще не звонила. И у него не нашлось никого поблизости, кто мог бы ее проверить.

Он делал по несколько звонков в день, поддерживая связь с командирами своих групп, размещенных по всему штату. Его ближайшие военизированные подразделения находились в Гранд-Рапидс. Они занимались войной между бандами и лагерем агентства, страдающим от вспышек дизентерии из-за отсутствия надлежащих санитарных условий.

Генерала кольнуло беспокойство. Он закрыл и открыл глаза. Все осталось прежним — письменный стол, кожаное кресло, книжные шкафы от пола до потолка, большое окно с видом на некогда позолоченную территорию богато украшенного столичного здания через дорогу.

Он сделал еще глоток спиртного, но это его не успокоило.

Тревога закралась в его сознание. Что-то произошло.

Большинство людей можно заменить, но не всех. Не ее.

Возможно, он говорил с ней не более двух раз за десятилетие, но продолжал следить за ее жизнью. Он все знал.

Теперь он не знает, и это незнание становится неприемлемым.

Внезапно у него пропало настроение разбирать свое наследие.

— Оставь меня! — гаркнул он на Бакстера.

Не говоря ни слова, маленький человек бросил ручку, положил книгу в кожаном переплете на приставной столик и вскочил с кресла. Генерал не стал смотреть ему вслед, когда тот поспешил из комнаты и закрыл за собой дверь.

Генерал взял трубку спутникового телефона и снова позвонил дочери.

И снова Розамонд не ответила.

Глава 23

Квинн

День восемьдесят девятый

Утром в День торговли Квинн бродила по территории молодежной ярмарки округа Берриен, Майло шел позади нее, осматривая каждый стенд, а Призрак рысил рядом с ним.

Перед ними возвышалось несколько белых прямоугольных зданий, построенных из металла, с бетонными полами и большими открытыми дверями с обеих сторон.

В прошлые годы в этих зданиях размещались тысячи художественных проектов, студенческих картин, фотографий и поделок, а в выставочных зданиях местные предприятия рекламировали свои товары, предлагая прохожим листовки и леденцы.

Несколько сотен человек прогуливались от здания к зданию и собирались в небольшие группы, чтобы поболтать и узнать новости и слухи.

— Куда дальше пойдём? — спросила она с напускной бодростью.

Майло сделал вид, что изучает все здания, затем указал на последнее в ряду, самое дальнее.

— Вон туда.

— Конечно, — пробормотала она.

Квинн присматривала за Майло днем. Обычно она не возражала. Майло стал ей как младший брат, которого у нее никогда не было, и она его обожала.

В последнее время, когда она смотрела на бледное лицо и грустные глаза Майло, она видела Ноа. Он напоминал ей о той ночи, обо всем, что произошло.

Сегодня она впервые за две недели проводила время с Майло. Они оба чувствовали это — неловкость, дистанцию, кружили друг вокруг друга, как незнакомцы.

Майло был тих и замкнут, Квинн поглощена своими мрачными мыслями, не понимая, что делать или говорить.

Они спешили по грязной траве, пригнув лица от прохладного ветра. Небо оставалось серым и пасмурным, температура — около минус одного градуса.

Выстрелы эхом разносились над гулом разговоров и криками детей. Рейносо и несколько офицеров Фолл-Крик устроили импровизированный полигон из тюков сена, чтобы проводить занятия по стрельбе в течение дня. Любой желающий со своими патронами мог потренироваться.

Обычно ярмарочные аттракционы находились в западной части комплекса. Сейчас там только пустое, заросшее сорняками коричневое поле, сугробы снега навалены тут и там.

Куда делись огромные металлические чудовища — колесо обозрения, гравитрон, карусель, бамперные машинки, маятниковый пиратский корабль, башня падения? Наверное, пылятся на каком-нибудь огромном складе, и никогда больше не будут использоваться.

По крайней мере, не в ближайшее десятилетие, может быть, два. А может быть, и навсегда.

Такие вещи, как окружные ярмарки, на долгое время перестанут быть чьим-либо приоритетом.

С каждым шагом на нее накатывали воспоминания. Ежегодные визиты к бабушке и дедушке, чтобы посмотреть на кроликов, кур и коз, на конные соревнования, такие как выездка, на красивых лошадях, скачущих по рингу с заплетенными гривами, упругой блестящей шерстью и ниспадающими хвостами.

И, конечно, полакомиться «слоновыми ушами» величиной с ее голову, пальцы в сахарной пудре, рот липкий от сахарной ваты, карамельных яблок и гигантских индюшачьих ножек, капающих жиром.

В семь лет ее стошнило на круге «Тилт-О-Вирл». В девять лет она заняла первое место по искусству, нарисовав принцессу Ариадну, сражающуюся с Минотавром вместо Тесея. Голубая ленточка до сих пор хранится у нее в ящике для носков.

Другое, более мрачное воспоминание ворвалось в ее сознание. Когда ей было десять лет, она ждала Октавию, чтобы та забрала ее с ярмарки после того, как мать подруги отвезла их в то утро.

Один за другим родители ее друзей приезжали, чтобы забрать своих драгоценных детей в безопасные, теплые, уютные дома. Пока Квинн не осталась одна.

Наступил вечер, ярмарка закрылась, турникеты закрипели, когда сотни гостей в спешке покинули ее, а затем работники закрылись и ушли, не обращая внимания на маленькую девочку, сидящую на тюке сена сбоку от входа, слизывающую мороженое с пальцев и старающуюся не плакать.

После нескольких отчаянных телефонных звонков и выяснения, что Октавия в запое и не в состоянии никого нянчить, в конце концов приехал дедушка.

«Я здесь, — сказал он, подъезжая на потрепанном оранжевом Форде 1978 года, и редкая вспышка гнева на его лице, когда он увидел ее, одинокую и дрожащую, вскоре сменилась беспокойством и облегчением. — Я с тобой».

По дороге домой они не разговаривали, но как же ей понравился «Оранж Джулиус» в тот вечер, гул двигателя, вибрирующий на ее потертом сиденье, знакомый запах дедушки, его крепкая, надежная фигура в тусклом свете фар.

Так много воспоминаний. Одни хорошие. Некоторые плохие. Это время ушло навсегда, как бы сильно Квинн ни хотела его вернуть. Со смертью дедушки, с ЭМИ, который украл так много в одном, тихом, невидимом дыхании.

Она потеряла кольцо на брови и ускорила шаг, вытесняя мрачные воспоминания из головы, глядя на скомканную бумагу в своих руках.

Бабушка поручила ей составить список товаров, доступных для торговли, поскольку сама занималась продажей своего знаменитого консервированного яблочного пюре, персиков и клубничного джема, пока присматривала за малышкой Шарлоттой для Ханна.

Квинн и Майло вошли в последнее длинное белое здание, Призрак рысил за ними по пятам. Ханна велела пиру присматривать за сыном, и пес, похоже, ее прекрасно понял — он не отходил от Майло дальше чем на несколько ярдов.

Внутри все напоминало огромный блошинный рынок. Люди из Фолл-Крика и близлежащих городов выставляли свои товары на раскладных столах, цены от руки писали на кусках картона или бумаги и крепили скотчем к столам.

Никому не нужны деньги; теперь действовала бартерная система.

«Бобы, пули и пластырь» — вот что, по словам дедушки, будет ценным, если мир

погрузится во тьму. Он как всегда оказался прав.

Бекки Гресоун, владелица парикмахерской «Тресс», разложила на нескольких столах ножницы, расчески и флаконы с аэрозолями. Она притащила одно из кресел из салона и стригла волосы женщины, укорачивая их до подбородка.

Позади нее стояла очередь людей, которые держали пластиковые пакеты с несколькими банками или коробками с едой, чтобы обменять их на хорошую стрижку.

Короткая стрижка — это разумно. Меньше волос — меньше шампуня и мыла; к тому же, когда следить за гигиеной становилось все труднее и труднее, вши снова становились проблемой.

Возможно, Квинн стоит подумать о собственной стрижке, хотя она сама подстригала челку бабушкиными ножницами. Синий ирокез мог бы стать крутым, хотя большая часть синих волос уже выцвела до черного цвета.

Несколькими павильонами ниже Джамал Дункан и Тина Ганди, чей отец владел автомобильной мастерской, разложили на нескольких столах механический хлам, засунутый в картонные коробки и разбросанный по полу — автомобильные аккумуляторы, катушки проводов, зарядные устройства и двигатели газонокосилок.

Джамал помогал Фолл-Крик устанавливать ретрансляторы, чтобы расширить диапазон связи. Инженер по специальности, он был настоящим гением в области электроники, и его старания привели в рабочее состояние несколько радиостанций и несколько генераторов.

До людей дошли слухи, и они стали приносить Тине и Джамалу автомобильные аккумуляторы, портативные радиоприемники, портативные генераторы и солнечные зарядные устройства в обмен на туалетные принадлежности и еду.

Квинн остановилась у стенда мистера Аткинсона, чтобы купить немного его домашнего меда, который он обменял на бабушкины персики. Его жена готовила потрясающий персиковый коблер и различные пироги.

Джулия Верн-Смит сделала мыло ручной работы из золы и свиного жира. У Коринны Маршалл нашлось несколько драгоценных семян, которые она обменяла на пару цыплят миссис Дорсон.

Призрак принимался ко всему, его блестящие карие глаза ничего не упускали. Он был таким высоким, что его виляющий хвост смахивал тюбики с неоспорином и коробки с пластырями.

В следующем киоске он сбил со стола маленькие горшочки с рассадой розмарина и базилика.

Никто на него не кричал. Он вызывал усталые улыбки у взрослых и возгласы восхищения у детей, которые сбегались со всех сторон, чтобы погладить его по голове, потрепать за уши и почесать под подбородком.

Призрак потакал их обожанию с безмятежной терпимостью принца.

Квинн удивлялась его невероятному терпению по отношению к тем, кого он считал своими подопечными. К самым маленьким он относился с предельной нежностью, даже когда они ненароком наступали ему на лапы или дергали за хвост, а старших детей игриво подталкивал или толкал, побуждая их бежать за ним или наоборот.

— Отличная у вас собака, — похвалила женщина средних лет в киоске, торгующем самодельными свечами и яйцами. На ее табличке говорилось, что она принимает на обмен отбеливатель, мыло и зубную пасту.

Майло сиял от гордости. После смерти Ноа Квинн видел его таким счастливым впервые.

— Спасибо, леди.

— Если вы когда-нибудь захотите продать этого пса, я обменяю на него все, что вы попросите. Я бы отдала своих лучших кур-несушек за этого красавца. Всех.

Майло нахмурился.

— Он не продается.

Женщина пожалала плечами, но бросила на Призрака еще один тоскливый взгляд.

— Просто предложение.

Они продолжали двигаться, Квинн составляла список товаров, за которыми они с бабушкой вернутся с прицепом, чтобы все увезти. Через несколько киосков Майло наклонился и изучил керосиновый фонарь. Судя по вывеске, владельцу требовались бета-блокаторы для лечения сердечных заболеваний.

Майло закусил нижнюю губу.

— Тебе стоит поставить свою лавку, Квинн.

— И чем бы я торговала? Людям еще долго не понадобятся самодельные грелки для рук.

— Твои рисунки.

— Никому не нужны рисунки монстров, Майло.

Он бросил на нее робкий взгляд сквозь темные кудри, падающие на глаза.

— В старые времена все богатые короли и королевы заказывали художникам свои портреты. Чтобы их семья не забывала о них. — В его голосе слышались потерянность и тоска.

Ее сердце сжалось. Она понимала, о чем он просит, даже если Майло не мог сказать об этом прямо. Он хотел портрет своего отца.

Квинн моргнула, внезапно почувствовав давление за глазами, и сжала руки в кулаки. Все в ней вздрогнуло от этой мысли, гнев смешался с чем-то темным и болезненным.

И все же тоскливый взгляд Майло пронзил ее до глубины души.

— Я подумаю об этом, — выдавила она, преодолевая комок в горле.

Она чувствовала, как он изучает ее, его большие серьезные глаза смотрят на ее лицо. Он умолял ее, просил. Умолял о том, чего она не могла ему дать.

— Хочешь послушать музыку позже? — спросил он, так тихо, что она почти не услышала его.

Квинн занялась изучением свечи, взяла ее и взвесила в руках, проверила длину фитиля, делая вид, что ей глубоко наплевать на все это.

Может быть, он больше не спросит, и она сможет притвориться, что не отказала ему. Она чувствовала его разбитое сердце как цепь на своей шее, но сама уже едва ступала по воде, уже почти тонула. Она не могла выдержать и его веса.

Разочарование омрачило лицо Майло. Квинн отвернулась, ненавидя себя.

Позже, пообещала она себе. В следующий раз. Может быть, завтра.

Ее нервы сдали, тревога закралась под кожу. Ей хотелось убежать, скрыться, исчезнуть.

Внезапно все оказались слишком близко, шум разговоров звучал чересчур громко, как сердитые пчелы в ее голове.

Призрак низко зарычал.

Квинн испуганно посмотрела на него. Она стояла здесь уже несколько минут, в голове пусто.

— В чем дело, мальчик?

Он снова залаял, его тело напряглось, когда пес наклонил голову, нюхая воздух.

Осторожно отпихивая пару детей, гладивших его, он бросился к открытому дверному проему в задней части здания, его плюмажевый хвост развевался за ним.

— Призрак! Подожди! — С учащенным сердцебиением Квинн обернулась в поисках Майло.

Он больше не стоял рядом с ней. Его не было ни у стендов по обе стороны, ни где-либо в толпе.

Майло исчез.

Глава 24

Квинн

День восемьдесят девятый

— Майло! — Квинн поставила свечу на стол и бросилась за Призраком, выскочив из здания выставки в унылый серый день. — Подожди!

Майло и Призрака нигде не было видно.

— Майло!

Нет ответа.

Она сделала несколько неуверенных шагов, затем повернулась по кругу, сканируя здания, деревья, бесплодное поле вдали.

Здание выставочного центра стояло последним в ряду, вдоль западного периметра ярмарочной площади. Бетонная дорожка огибала здания. За несколькими разбросанными хозяйственными постройками, за линией забора скрывался густой лес.

Как они так быстро исчезли?

За забором, среди деревьев что-то шевелилось.

Квинн прищурилась, прикрывая глаза одной рукой, а другой доставая «Беретту». Она сунула бабушкин список в карман и достала пистолет.

Хотя полиция и другие добровольцы патрулировали ярмарочную площадь, это не означало, что здесь безопасно. Последние три месяца послужили ей хорошим уроком.

Держа «Беретту» в обеих руках, не опуская пальца на курок, она двинулась к деревьям. Квинн не хотела в панике выстрелить и попасть в Майло или Призрака.

Три вонючих, переполненных пристройки стояли в двадцати ярдах перед ней. За ними справа двадцатифутовая секция ограждения из сетки расплющена огромным срубленным деревом гикори.

Перепрыгнув через бревно и перебравшись через забор, она вошла в лес. Глубокие тени окутали ее, температура упала на несколько градусов.

Шаги громко раздавались во внезапно наступившей тишине. Ни одна птица не щебетала с голых ветвей над ее головой. Ни белки, ни бурундуки не рыскали по кучам мертвых листьев и не шныряли по талым сугробам.

По мере того как Квинн удалялась от ярмарки и углублялась в лес, привычные звуки присутствия людей исчезали.

Еще одно движение между деревьями, глубоко в тени. Темное и скрытное. Низко к земле и быстро. Какое-то животное.

Собака, отметил ее мозг.

Эта мысль не успокоила растущую тревогу Квинн.

Слева от нее метнулась тень. Справа треснула ветка. Она оборачивалась на каждый звук, адреналин зашкаливал, ладони стали влажными.

По позвоночнику пробежал холодок. Не похоже на Призрака. Это точно не Призрак.

В лесу полно собак. Не дружелюбные, а голодные, отчаянные, полудикие. Ее сердцебиение участилось.

У нее возникло четкое ощущение, что на нее охотятся.

Во время долгой жестокой зимы большинство домашних животных умерло от голода, прежде чем причинить вред своим хозяевам. Она видела это сотни раз в заброшенных домах, которые обшаривала, — собаки оставались верны своим любимым хозяевам, даже когда те исхудали до кожи и костей, даже когда погибли.

Некоторые счастливики могли охотиться сами, как Призрак, или имели хозяев, которые их обеспечивали, как бабушка и ее кошачий зверинец.

Небольшой процент вырвался из-за забора или цепи и одичал, собравшись в дикие стаи, которые бродили по окраинам города, разоряя мусорные свалки, врываясь в загоны и похищая цыплят. Некоторые из них нападали на людей и кусали их.

На прошлой неделе стая в Стивенсвилле пыталась утащить малыша, который забрел слишком далеко от родителей.

Голод ожесточил их, они перестали быть домашними животными. Отчаянно нуждаясь в пище и не способные охотиться на мелкую дичь, бродячие собаки становились смелее и агрессивнее с каждой неделей.

Квинн жалела собак, но понимала, что не стоит их недооценивать. Инстинкт кричал ей, что нужно вернуться в безопасное место на ярмарке.

Но если собаки охотились на нее, то они охотились и на Майло.

Она не могла уйти, пока его не отыщет.

— Майло! — снова позвала она, привлекая к себе внимание, но отчаянно пытаясь его обнаружить. — Где ты?

Тишина не поможет. Собаки чувствовали ее запах. Они знали, где она.

Коричневые стволы и безлистные ветви сливались с влажной, грязной землей. Цвета размывались, и трудно выделить фигуры, скрывающиеся в подлеске.

Порывы ветра проносились среди деревьев, тени колебались, ветви скреблись друг о друга. Одна тень двигалась в отличие от остальных — низко и неуклюже.

Оглянувшись, Квинн увидела пестрый мех и взмах коричневого хвоста, пробирающегося между двумя кленами.

Рычание привлекло ее внимание. Впереди и справа, дальше в лес. Она поворачивалась навстречу каждой новой угрозе, пистолет наготове, руки дрожат.

За первым рычанием последовало другое. Затем еще одно.

Шквал лая потряс воздух. Затем крик. Майло.

Квинн сорвалась на бег.

Глава 25

Ханна

День восемьдесят девятый

— Как насчет обмена? — спросила Ханна.

Доминик Вест скрестила свои мощные руки на груди и посмотрела на Ханну.

— Ты не выглядишь крепкой. Большинство не могут справиться с качеством нашего самогона. Я имею в виду, он крепостью почти 85 градусов, практически жидкий огонь.

Ханна добродушно пожала плечами.

— Это не для меня.

— О? — Доминик усмехнулась, подняла банку с жидкостью и сделала большой глоток. Она вздохнула от удовольствия и вытерла рот тыльной стороной ладони. — Теперь точно волосы на груди вырастут. Сколько ты хочешь? Я продаю по пять патронов за банку, или восемь патронов за две банки. 304, 22, или 9 миллиметров.

— Я рассчитывала на большее.

Доминик приподняла проколотую бровь.

— Для всего нашего города.

Доминик присвистнула.

— Я заинтригована. Расскажи подробнее.

Доминик была привлекательной латиноамериканкой лет двадцати пяти. Татуировки украшали ее мускулистые руки. Черные волосы коротко острижены, а сама она щеголяла в забрызганном краской комбинезоне, военных ботинках и черных кожаных мотоциклетных перчатках.

С момента крушения она занималась успешным самогонным бизнесом. Однако Ханну интересовала не только выпивка.

Ханна объяснила нужды города, Доминик кивала, поджав губы, между густыми черными бровями залегла складка.

— Это решаемо. Моя установка может производить этанол до 85 градусов. Мне придется увеличить производство, взять помощника или двух. Или пятерых. Но все выполнимо. Проблема в том, что для тех объемов, о которых ты говоришь, мне нужно больше кормовой кукурузы, больше сахара...

— Мы можем это обеспечить, — заявила Ханна, хотя и не была на сто процентов уверена, что это возможно. Но они могут заняться этим вопросом позже, и она верила, что смогут его решить. — Дай нам список. Мы постараемся достать все, что нужно. Что ты хочешь за это?

— У вас есть антибиотики или обезболивающие?

— Поищем.

Доминик сделала еще один глоток своего самогона.

— Честно говоря, мне хочется чего-то свежего. Я устала есть из банок, но у меня нет времени запихивать семена и выкапывать сорняки.

— Семена сажают во взрыхленную мотыгой землю. А сорняки выдергивают.

Она ухмыльнулась.

— Все равно.

— Мы разбиваем общественный сад и строим несколько теплиц.

— Если вы будете привозить мне салаты, помидоры, немного клубники, то я вся ваша. Я буду снабжать вас биотопливом, как будто это край молока и меда.

Ханна не могла сдержать ухмылку, когда протягивала руку.

— От имени Фолл-Крик, по рукам.

Хватка Доминик была крепкой, и она ухмылялась.

Они пожали друг другу руки и принялись за работу по согласованию деталей. Через пятнадцать минут у них уже появился план. Фермеры Фолл-Крика теперь будут иметь биодизель, необходимый для заправки их тракторов, и, возможно, его хватит на несколько городских дизельных грузовиков и генераторов.

В любом случае, это огромная победа. И именно то, чего Ханна надеялась добиться с

помощью Дня торговли.

Она нашла пожилого мужчину, который принимал преднизон от артрита, готового обменять ее антибиотики на дополнительный шестинедельный запас лекарств для Майло. Она также выменяла четверть тюбика крема под подгузник для Шарлотты.

Ранее во второй половине дня Ханна проверила детей: Майло был с Квинн и Призраком, а Шарлотта радостно возилась с детскими игрушками в манеже, который Молли установила рядом с своим павильоном.

После полудня стало пасмурно, тяжелые тучи заслонили солнце, но это не имело значения. Сегодня просто чудесный день.

Куда бы она ни посмотрела, люди выглядели довольными, радостными, даже улыбались. Около дюжины охранников Рейносо ходили среди них, вооруженные и бдительные, но безмятежные, что поддерживало спокойную атмосферу.

По крайней мере, до тех пор, пока не прибыл Общественный альянс.

Они встретились, как и договаривались, на закрытой выставочной арене — большом металлическом здании со стальными балками, пересекающими высокий потолок, где все еще пахло сеном и навозом.

Ряды трибун окружали большую огороженную площадку с грунтовым полом. Бочки, другие ограждения и тюки сена стояли у стенки, разделяющей арену и трибуны.

Ханна буквально чувствовала металлическую скамью под собой, теплое плечо Ноа, прижатое к ее плечу, вдыхала запах сена, животных и грязи, смешанный с попкорном и сахарной ватой. Двухлетний Майло хихикал, показывая на животных — свиней, молочных коров, даже лам. Ноа, смотрящий на Ханну поверх взъерошенной головы Майло, его глаза сияли любовью к их сыну.

Она моргнула от горько-сладкого воспоминания, ее горло сжалось.

Ярмарок больше не было. И Ноа тоже. Только непростая задача.

Мик Селлерс и пятнадцать мужчин и женщин из Общественного альянса явились сюда, включая большого огненно-рыжего парня по имени Флинн, который стоял рядом с Миком, как телохранитель.

Мику было около семидесяти, но его волосы оставались густыми, и он держался с военной выправкой, а Флинн напоминал дерево секвойи, высокий и грузный, с густыми бровями и кустистой бородой до груди.

По другую сторону от Мика стояла Даллас Чепмен, одетая в охотничий камуфляж, ее кожа была цвета свежевскопанной земли, из-под зимней шапки «Спартанцев Университета Мичиган» выбивались тугие черные завитки.

Мужчины позади них ходили в рабочих ботинках, джинсах и холщовых куртках, в руках они держали винтовки и дробовики. Все вооружены, позы застывшие, взгляды жесткие и подозрительные.

Плохой знак.

Бишоп, Перес и Ханна представляли Фолл-Крик. Рейносо обучал новобранцев, а Дейв Виггинс и Аннет заботились о том, чтобы День торговли прошел гладко.

Остальные занимались различными задачами, связанными с безопасностью, как дома в Фолл-Крике, так и на ярмарке. Лиам еще не вернулся.

Флинн начал разговор без предисловий.

— За последние два дня разрушили три наши теплицы. Теплицы, которые мы только что построили, приложив значительные усилия и использовав большую часть оставшихся

семян.

— Что? — растерянно спросила Ханна.

Флинн зарычал, излучая враждебность.

— Один из наших коровников сгорел прошлой ночью. Забор Джейсона Хэнсона оказался сломан, и половина его коров разбежалась. Потребовалось два дня, чтобы их найти. По крайней мере, его оставили в живых. Хью Берли нашел сегодня утром шесть зарезанных бычков. Их не забивали на мясо. А оставили там, где они лежали, убив ради забавы. — Его глаза вспыхнули. — Или, может быть, ради мести.

У Ханны открылся рот, она потеряла дар речи.

Кто мог сделать такое? Зачем убивать животных и при этом не есть их? Зачем уничтожать теплицы, засаженные драгоценными семенами? Уничтожение без всякой разумной цели. В этом нет никакого смысла.

— Зачем кому-то это делать? — спросил Бишоп, повторяя ее мысли.

Флинн посмотрел на них.

— Вы нам скажете.

Перес нахмурилась.

— Как это понимать?

— Один из наших фермеров — Блейк Хилл — позавчера был найден мертвым в своем доме, огнестрельное ранение в грудь. Похоже, он пытался защитить свою ферму и получил пулю.

Ханна в ужасе уставилась на него.

— Какой кошмар.

Флинн сверкнул на нее глазами.

— Ты хорошо изображаешь невинность, надо отдать тебе должное.

— Это потому, что мы невиновны. — Она вспомнила, как Бишоп рассказывал ей, что этот человек потерял жену во время одного из рейдов ополчения. Неудивительно, что он зол. Но эти обвинения выходили уже на другой уровень.

В воздухе витало напряжение. Обе стороны смотрели друг на друга с горечью, обидой и подозрением.

Перес помрачнела.

— Думаете, это мы?

Даллас с отвращением фыркнула.

— Вам виднее.

— Мы не имеем к этому никакого отношения! — воскликнул Бишоп.

— Вы уже совершали набеги на наши города и убивали наших людей. Это лишь продолжение того же самого.

— Пора отомстить, если хотите знать мое мнение, — пробормотал один из людей Флинна. Он сказал это под нос, но Ханна его услышала. Она испугалась.

Фолл-Крик хотел стать посредником в установлении мира и единства, но Альянс, похоже, не заинтересован ни в том, ни в другом. Они балансировали на грани войны.

Один неверный шаг, и все полетит к чертям собачьим.

Глава 26

Квинн

День восемьдесят девятый

— Не двигайся! — закричала Квинн.

Она проскочила мимо кучи берез, продираясь сквозь густой подлесок, колючки цеплялись за одежду, и ворвалась на небольшую поляну.

За долю секунды она окинула взглядом происходящее. Ее сердце ушло в пятки.

Майло прижимался спиной к стволу ели.

Дюжина собак кружила вокруг него, притаившись между деревьями, подкрадываясь все ближе и ближе. Собаки всматривались в него, голод сделал их бесстрашными и смелыми, они задрали морды, наострили уши, мускулы напряглись и вздулись, когда они обшаривали периметр.

Животные были исхудавшими, каждое ребро резко выделялось, их некогда добрые морды исказило безумие и инстинктивное, неумолимое желание выжить.

Некоторые люди одичали. Логично, что и собаки тоже.

Убей, чтобы выжить. Ешь, чтобы жить. Все животные знали это, таков закон природы.

Они не выжили бы без добычи. Сегодня Майло оказался этой добычей. Они бы уже напали на Майло — разорвали бы его крошечное тело на куски за несколько секунд — если бы не Призрак.

Бесстрашный большой пиреней прыгнул перед Майло, вздыбив белую шерсть, поворачиваясь навстречу каждой новой угрозе и злобно рыча, предупреждая любую собаку, которая осмелится подкрасться слишком близко.

Один на один Призрак мог справиться с любым из них. С его мускулистым торсом и густой шерстью он был вдвое больше следующей по величине собаки, худощавого ротвейлера с бочкообразной грудью.

Но псы нападали на Призрака по двое и по трое, никогда по одному. Рычали и лаяли, скалились, раздвигали пасти, обнажая острые как бритва клыки.

Когда один напал на него спереди, еще двое бросились атаковать, чтобы вцепиться в ребра. Призрак взвизгнул и сомкнул челюсти в нескольких сантиметрах от их горла. Они отскочили назад с испуганными воплями.

Но они усвоили повадки стаи. Собаки работали вместе, как волки.

— Убирайтесь отсюда! — закричала Квинн. Страх и отвращение заклокотали в ее душе, она переложила пистолет в одну руку, схватила большую палку и бросила ее в ближайшую собаку. — Уходите! Прочь! Хватит!

Палка ударила коричневого питбуля по задней ноге. Он отшатнулась в сторону с жалобным рычанием. Золотистый ретривер, который кружил вокруг ельника, чтобы оказаться позади Майло, испуганно взвизгнул и убежал, продираясь на юг через густой подлесок.

Квинн бросилась к Майло.

— Встань за мной!

Майло смотрел на нее с ужасом в глазах.

— Не трогай их.

Она прижала его маленькое тело к себе и повернулась лицом к рычащим собакам.

— С этим есть небольшая проблема, Мелкий. Они очень хотят нас прикончить.

Она почти не беспокоилась о себе, только о Майло. Она должна вытащить его отсюда.

Ветви ели простирались далеко над их головами, но они находились слишком высоко, чтобы забраться на них. Ближайшие деревья оказались высокими и тощими, их ветви сломались бы даже под весом Майло.

Квинн рискнула на секунду обернуться вокруг ствола ели и взглянуть назад, моргая от расплывающегося в панике зрения.

Деревья, кусты, еще деревья. Все выглядело одинаково.

Непрекращающийся лай животных разрывал ее барабанные перепонки, вибрируя по всему телу. Запах медной крови перебивал запахи сока, хвои и гниющих листьев.

Она развернулась, достала рогатку, прицелилась и выпустила пару стальных шариков. Собаки увернулись, завыли, но не отступили, а стали еще агрессивнее.

Палки и камни их не отпугнут. Ее выстрел из рогатки тоже не мог их остановить. Если они попытаются бежать, то будут мертвы. Призрак не сможет остановить всю свору.

Они чувствовали ее страх, страх Майло. Даже Квинн чувствовала этот запах — кисловатый металлический оттенок кожи и дыхания. «Сохраняй спокойствие, думай, соображай. Думай!»

Ее охватило разочарование, когда она подняла «Беретту», взяв ее двумя руками. Она чувствовала то же самое, что и Майло. Даже когда они нападали, она не могла их убить.

Во многом это не их вина. Квинн понимала их отчаяние и голод.

В то же время, она не могла позволить им причинить вред Майло. А Призраку? Ни за что на свете.

Немецкая овчарка рванулась вперед, собираясь наброситься на Призрака справа. Квинн выстрелила. Промахнулась. Выстрелила снова.

Пуля попала в грудную клетку собаки. Овчарка завыла, задние лапы подкосились, и она рухнула.

Квинн рискнула еще раз оглянуться за дерево, отчаянно ища выход. На этот раз она его нашла.

— В пяти ярдах позади нас дуб, несколько градусов вправо. Низкие ветви. Витые, как рогатка. На него можно забраться.

Майло пискнул.

— Но как же ты...

— Беги, Майло!

— Я не оставлю...

— Просто сделай это! — заорала она.

Ботинки Майло хрустели по мертвым листьям и веткам, когда он крался вокруг ели, шаги гулко отдавались, когда он побежал к безопасному дубу.

Один ретривер увидел убегающего Майло и бросился за ним, оскалив зубы. Адреналин зашкаливал, Квинн стреляла и промахивалась. Эти собаки так быстро двигались.

С проклятием она крутанулась, стараясь опередить животное, и выстрелила еще два раза подряд. Одна пуля попала в заднюю лапу ретривера, и он упал в двух шагах от Майло, который вскарабкался на самую нижнюю ветку дуба.

Потребовалось еще два выстрела, чтобы убить пса. У нее заканчивались патроны.

Кто-то должен прийти на помощь, верно? Разве толпы людей на ярмарке не услышат выстрелы и не прибегут? При воспоминании о стрельбище Рейносо у нее свело живот. Никто не отличит эти выстрелы от выстрелов Квинн.

Они остались одни.

Четыре собаки набросились на Призрака одновременно, рвали и терзали. А потом еще две. Призрак вертелся, крутился, кусался, огрызался, отбрасывал одну, чтобы на ее место встали еще две, пока они не превратились в клубящееся пятно шерсти, зубов и дикого

рычания.

В бешенстве Квинн смотрела в прицел, целясь в одну собаку, но нападение происходило так яростно, так быстро, что она могла попасть в Призрака.

Со стоном разочарования она перевела прицел, выдохнула и выстрелила в одного из питбулей, прижавшегося к краю деревьев. По крайней мере, она могла быть уверена, что он тоже не присоединится к драке.

Она попала точно; питбуль упал.

Ее желудок сжался, слезы застилали глаза.

Лабрадор с воплем вывалился из груды корчащихся тел, пошатываясь, попятился назад, и кровь хлынула из раны на его шее.

Квинн прицелилась и выстрелила, поморщившись, когда пуля попала в цель.

— Прости, прости.

Она снова нажала на спусковой крючок. Затвор щелкнул. Патроны кончились.

Еще одна собака вскрикнула и упала, ее горло было разорвано в клочья. Собаки топтались по ней и продолжали драться, свирепые и неумолимые. Шесть из них рвали и кусали Призрака. Призрак метался, как рычащий, кружащийся дервиш, сплошные клыки и когти.

Кровь забрызгала мертвые листья и грязь. Квинн не могла понять, чья это кровь.

С нарастающим ужасом она смотрела, как Призрак борется за свою жизнь, за их жизни.

— Квинн! — крикнул ей Майло. — Лезь на дерево!

Она почти пошла. Почти. Но она не могла бросить Призрака, когда он так доблестно защищал их.

Она не позволит этому случиться. Она не позволит ему умереть.

Квинн подняла тяжелую ветку размером с бейсбольную биту и пошла вперед, крича так громко, что ничего не слышала, не могла думать, только знала, что должна бороться, должна попытаться.

До собак она так и не добралась.

Раздались выстрелы. Несколько человек вбежали на поляну, бросились на дерущихся собак, кричали, держали оружие. Еще выстрелы. Бум! Бум!

Напуганные, собаки разбежались. Две упали, захлебываясь кровью. Трое мужчин вступили в схватку, размахивая бейсбольными битами и кувалдами, утыканными гвоздями. Еще три выстрела. Бум! Бум! Бум!

Ротвейлер упал набок, в его голове зияла дыра. Остальные собаки разбежались — хромые, окровавленные, рычащие и визжащие.

Они скрылись в деревьях и исчезли в тени.

Незнакомцы кричали вслед собакам, но Квинн смотрела только на одну.

Призрак лежал на боку, весь перепачканный грязью. Ярко-красная кровь запятнала его белую шерсть. Кровь видна повсюду, в листьях, затоптанная, разбрызганная по грязным комьям снега страшными дугами.

Страх пронзил ее насквозь. Он выглядел мертвым.

— Призрак! — закричала Квинн.

Какое-то мгновение пес не двигался.

Затем по его огромному телу пробежала дрожь. Он поднял голову с тихим воем и осторожно поднялся на ноги, на правой задней лапе зияла кровавая рана.

Он сделал неуверенный шаг к ней.

Сквозь его шерсть определить укусы или повреждения довольно сложно. Она не знала, насколько серьезны его травмы, но Призрак встал, он жив.

Ее облегчение длилось недолго.

Один из незнакомцев повернулся к пиру — тощий чернокожий парень с облезлой кожей, с арбалетом, перекинутым через спину, и топором у бедра. Револьвер в его руке был нацелен на Призрака.

— Стой! — Квинн упала на колени перед Призраком, раскинув руки, прикрывая собаку своим телом. — Не стреляй в него!

Глава 27

Лиам

День восемьдесят девятый

Лиам то приходил в себя, то терял сознание, и единственным его спутником оставалась боль.

Кошмары боя терзали его разум — грохот пулеметов и минометов, снаряды, проносящиеся мимо него со всех сторон, клубы дыма, взрывы гранат, стоны его потерянных братьев по оружию.

Лиам... Ханна каким-то образом присутствовала, но всегда оказывалась вне досягаемости, в ловушке и звала его. Сколько бы он ни бежал, сколько бы ни боролся, он не мог ее найти. Лиам... Ее чистый, звонкий голос манил его, как мотылек на пламя. Лиам...

Но он терял ее снова и снова, и каждый раз чувствовал, что отдаляется от самого себя...

— Лиам, — послышался требовательный голос. — Лиам!

Он резко очнулся, его мозг продирался сквозь слои темноты, когда Лиам инстинктивно потянулся за оружием.

Он схватил свой М4 с сиденья рядом с собой и с трудом сел. Он больше не на поле боя, не прячется от минометного огня. Не в ветреном лесу, не в погоне за призраками.

Боль пронзила ребра, возвращая его в настоящее.

Как только паутина развеялась в его голове, нахлынули воспоминания: нападение на лагерь агентства, полуночное спасение и пти катастрофическое бегство. Эвелин и Тревис, больной малыш ЭлДжей, пулевое ранение в боку.

Грузовик дребезжал на выбоинах, каждая неровность асфальта заставляла Лиам вздрагивать. Боль мучила невероятно. Он даже не представлял, сколько времени прошло.

Эвелин смотрела на него с пассажирского сиденья.

— Как ты себя чувствуешь?

Он посмотрел вниз на себя. Кто-то срезал половину его одежды, и свежие бинты покрывали торс от пупка до ребер.

Лиам скорчил гримасу.

— Все еще жив.

— Вполне достаточно. — Эвелин поджала губы. — Я очистила кожу, как смогла, и заклеила рану. Без доступа к современной медицине ситуация может быстро ухудшиться. Мне нужно осмотреть тебя в стерильной среде и извлечь пулю, желательно с помощью медицинских инструментов, а не на заднем сиденье грузовика.

В кабине было прохладно, но не холодно. Разбитое окно прикрывала ткань цвета хаки. Лиам узнал остатки зонтика с заднего двора кирпичного бунгало. Тревис, должно быть, остановился, чтобы прикрепить тент.

— Я использовала твой нож и скотч из рюкзака, — безапелляционно заявила Эвелин. — Мы должны защитить ЭлДжея — и тебя — от переохлаждения.

Он горестно улыбнулся. Конечно, это сделала Эвелин.

— Это сработало.

Эвелин протянула ему бутылку с водой. Скрежеща зубами, он заставил себя сесть, выпил и осмотрел окрестности.

Утреннее солнце ярко светило в голубом небе. Грязь и слякотный снег покрывали землю. По обе стороны от дороги их окружали плоские сельскохозяйственные угодья, испещренные изредка встречающимися фермерскими домами.

Линия деревьев выглядела далеким коричневым пятном. На этом участке дороги почти не встречалось машин; большинство из них добрались до обочины, что давало мало идеальных мест для засады.

И все же он не расслаблялся. Не мог расслабиться.

— Что я пропустил?

— Ты пробыл без сознания около ста миль, хотя мы проехали вдвое больше, — сказал Тревис. — Это заняло у нас добрых восемь часов. Мы объехали Сент-Энн совсем недавно держа курс на север по шоссе 17.

Лиам подсчитал в уме. Они все еще находились в ста двадцати милях от Фолл-Крика.

— Мне пришлось немного отклониться, но я держался в стороне от основных дорог, включая I-57. Это заняло целую вечность, но мы проехали сюда без особых проблем. За исключением сердитых взглядов некоторых людей и нескольких подростков, бросавших камни. Ранее этим утром, сразу после Клифтона, несколько человек выбежали на дорогу, махая руками, пытаясь остановить нас, но мы не рискнули тормозить.

— Умное решение. — Его желудок сжался. Лиам старался не думать о дюжине злоключений, которые могли их постигнуть. Он не мог защитить никого, находясь без сознания, не говоря уже о себе. — Что случилось?

Эвелин бросила на него взгляд.

— Восемь или девять человек пытались перекрыть дорогу и заставить нас остановиться. Я одолжила твой большой пистолет, и мне пришлось применить силу. Это сработало.

Он проверил пистолет.

— Ты стреляла из него?

— К счастью, мне не пришлось. — Ее лицо потемнело. — Я занимаюсь тем, что сохраняю людям жизнь, а не наоборот. Я хотела помочь им. Они выглядели такими отчаявшимися. И там были дети.

— В Тасколе после краха все пришло в упадок, но люди все равно помогали друг другу. Тетя Тревиса взяла нас к себе, хотя с нами стало больше ртов, которые нужно кормить. Одна из наших соседок поделилась последней молочной смесью, чтобы ЭлДжея выжил.

Тревис взглянул в зеркало заднего вида, в его глазах читалась тревога за жену. Морщины обрамляли его рот. Его волосы и борода стали почти белыми, не седыми, а белоснежными, контрастируя с его смуглой кожей.

— Все в порядке, Эвелин.

— Не все в порядке. В том-то и дело. Я хотела помочь этим людям. Я бы дала им воды, аспирин, что-нибудь, но не могла поверить, что они не причинят нам вреда. Поэтому мне пришлось направить на них пистолет, хотя я ненавидела это.

— Ты поступила правильно, — одобрил Лиам.

Она покачала головой, в ее глазах вспыхнул гнев.

— Мне так не казалось.

Тихое попискивание привлекло внимание Лиам. ЭлДжей скрючился на своем сиденье, не сводя глаз с Лиам, его худые руки тянулись к прикладу М4.

— Это не жевательная игрушка, — сказала Эвелин.

ЭлДжей зашелся влажным кашлем, от которого по позвоночнику Лиам пробежала дрожь ужаса.

Несмотря на свою худобу и болезни, которые сковывали его крошечное тело, он все-таки был чудесным ребенком. У него была медово-коричневая кожа Джессы и удивительные серо-голубые глаза Линкольна. Такие же, как у самого Лиам.

В Фолл-Крике они смогут обеспечить питанием и медицинской помощью, в которой он нуждался. ЭлДжей поправится. Лиам позаботится об этом.

— Мы поможем кому-нибудь другому, когда это будет не так рискованно для всех нас, — пообещал Тревис.

Эвелин смахнула с подбородка ЭлДжея капельки слюны и ласково погладила его по кудрявой голове.

— Я знаю.

Лиам посмотрел на Тревиса за рулем, потом на Эвелин. Они были хорошими людьми. Он спас их, но они оба справились, когда он отключился. Они держали себя в руках и не паниковали.

Он не привык чувствовать себя обязанным перед кем-то или рассчитывать на кого-то, кроме себя. В детстве он научился не зависеть от взрослых.

Только Линкольн оставался рядом с ним. Лиам закрыл глаза от внезапно нахлынувшей печали. Линкольна больше нет.

— Спасибо. За вождение. За то, что остановили кровотечение.

— Это все Эвелин. — Тревис скромно пожал плечами. — Честно говоря, я чуть не наложил в штаны.

— Он просто ждал своего часа, чтобы блеснуть, — с видимой гордостью произнесла Эвелин. — Он всегда любил машины.

— Классические. Я люблю классику, например, Кадиллак Эльдорадо 1959 года или Ягуар 1961 года, возможно, Астон Мартин DB5 1964 года. И я говорю о неспешных летних поездках, а не о смертельной гонке в темное время суток, когда за тобой гонятся бронированные машины с пушками больше, чем меня.

Эвелин улыбнулась ему.

— Мы выбрались, это главное. Благодаря тебе, Лиам.

Смутившись, Лиам сделал вид, что изучает пейзаж за окном.

Он принялся. Пахло чем-то паленым. Впереди и на западе дым поднимался в небо над скоплением далеких зданий.

— Похоже, весь город горит.

— Мы проехали еще несколько таких, — поделилась Эвелин. — Это ужасно.

Через несколько минут Лиам увидел кое-что впереди. Он напрягся.

— Блокпост.

В нескольких сотнях ярдов от дороги бетонные барьеры и катушки с проволокой сужали дорогу до одной полосы. Несколько «Хамви», припаркованных под углом 45 градусов, и полдюжины солдат Национальной гвардии, одетых в комбинезоны, стояли на блокпосте

прямо перед сине-красным знаком с надписью: «Добро пожаловать в Индиану: Перекресток Америки».

Солдаты заметили их и замерли в ожидании, направив винтовки в их сторону. Лиам отметил женщину-солдата, присевшую на колени возле левого «Хамви», вооруженную карабином с оптическим прицелом. Еще одна притаилась за правым бронетранспортером с М4.

Тревис затаил дыхание, замедляя ход грузовика.

— Что мне делать?

Лиам почувствовал прилив адреналина. В наши дни форма не отличала хороших парней от плохих.

— Просто подъезжай медленно и аккуратно.

Тревис вцепился в руль, нервно барабаня пальцами.

— Что мы им скажем?

Лиам взглянул на племянника. Теперь он в безопасности. В безопасности, чтобы вырасти свободным, а не в клетке.

Все, кто оказался в ловушке в центре для беженцев № 109, заслуживали того же.

Лиам всего лишь один человек. Он не мог спасти всех. Если бы осталось хоть одно действующее правительство, возможно, они бы сумели.

Он не доверял правительству, но все еще доверял военным, или, по крайней мере, хотел доверять.

— Правду. — Лиам опустил М4 на пол. Прятать его смысла нет, но и выставлять напоказ тоже не лучшая идея. — Все может пойти наперекосяк в любой момент. Что бы ты ни делал, сохраняй спокойствие. И если скажу, жми на газ и гони.

Глава 28

Лиам

День восемьдесят девятый

На контрольно-пропускном пункте Тревис нажал на тормоза. Он опустил окно, затем вернул обе руки на руль.

Солдат лет двадцати с автоматом М4 обошел машину со стороны пассажира и заглянул в окно. Его лохматые каштановые волосы щекотали воротник, давно преодолев положенную длину.

Солдат китайско-американского происхождения подошла к боковому окну водителя и попросила предъявить права и регистрацию. На ее бейдже было написано «Чанг».

— Индиана закрыта. Никто не въезжает.

Эвелин подняла брови.

— Закрыта?

— Приказ губернатора, мэ. Мы должны перенаправить беженцев из Иллинойса в ближайший спасательный центр агентства по чрезвычайным ситуациям в их родном штате. Ближайший...

— Номер 109 в Шампейне, — подсказал Тревис. — Мы знаем. Мы только что оттуда.

— У вас раненый пассажир. — Мужчина-солдат по фамилии Коллинз сузил глаза. — Это огнестрельное ранение?

— Да, — отозвался Лиам. — Получено во время нашего побега из лагеря.

Коллинз поднял свою винтовку на несколько дюймов. Два гвардейца подошли к нему

сзади, в качестве подкрепления, их оружие находилось в боевой готовности.

— Побег? Что вы имеете в виду?

Бруксы рассказали свою историю. Тревис вел большую часть рассказа, так как он был спокойнее других, а Эвелин добавляла понемногу то тут, то там. В целом, они говорили невероятно убедительно.

Солдаты старались сохранять нейтралитет, но Лиам читал их тревогу, возмущение и растущее негодование, когда Бруксы описывали зверства, свидетелями которых они стали, над американскими гражданами, удерживаемых против их воли. О гибели гражданских лиц, умерших от голода и жестокого обращения.

Один из солдат отошел в сторону и заговорил в рацию.

Коллинз сплюнул на дорогу.

— Иллинойс — это полный пиздец.

Чанг поморщилась, услышав грубое ругательство.

— Вот-вот. Вы не поверите, что творится по всей стране. До нас дошли слухи о том, что лагеря переполнены, но до сих пор мы не получали подтверждения.

— А что насчет этого Александра По? — спросил Лиам.

— По и его Синдикат захватили Чикаго спустя несколько недель после Крушения, — пояснил Коллинз. — Федеральное правительство направило Национальную гвардию в другие места, поэтому солдат не хватало для защиты города. Некоторые говорят, что это решение было вполне расчетливым — позволить Чикаго пасть, чтобы вместо этого консолидировать войска для спасения Нью-Йорка и округа Колумбия. Но По не удовлетворился Чикаго. Он продолжает разрастаться, как самый неприятный в мире вирус.

— Мы свяжемся с нашим командованием, — заявила Чанг. — Мы что-нибудь сделаем. Я не знаю, что, но мы не можем позволить этому продолжаться. По увеличивает территорию и количество людей, как будто намерен захватить весь Иллинойс. Если у него получится, я сомневаюсь, что он остановится на одном штате.

— Такие люди не останавливаются, — проворчал Лиам.

Она кивнула, поджав губы так, что немного напомнила ему Квинн.

— Индиана тоже в смятении. Если он направится к нам, у нас будут проблемы.

Коллинз окинул взглядом бесплодное кукурузное поле на противоположной стороне дороги, прежде чем вернуть свое внимание к грузовику.

— В двух словах, усилия федералов по восстановлению правопорядка и власти сосредоточены на побережье. Средний Запад они на данный момент покинули.

— Но вы здесь, — заметил Тревис.

Коллинз расправил плечи.

— Вице-губернатор Райт-Мэйс — теперь губернатор штата, поскольку губернатор Райсон так и не смог вернуться домой — она вернула несколько подразделений Национальной гвардии Индианы. Так же поступил и Мичиган. Иллинойс отправил всех своих солдат, полагая, что федералы предоставят помощь, когда она им понадобится. Но они этого не сделали.

— Калифорния, Вашингтон и Орегон образовали федерацию, — поведала Чанг. — Они накапливают местные ресурсы и держат своих гвардейцев и военное имущество для себя, пренебрегая федеральными правилами. Техас делает то же самое. Они восстановили частичное энергоснабжение в нескольких районах, так как у них есть своя собственная сетевая инфраструктура. Но желаю удачи при бегстве в Техас; они отказывают нерезидентам

под дулом пистолета.

— Не могу поверить, что все разваливается так быстро, — проговорила Эвелин. — Я имею в виду, мы видели, как это происходит в Венесуэле и других странах, но у нас? Я никогда не думала, что такое может произойти здесь.

Гвардеец принес три бутылки с водой — теплой, но это не имело значения. Тревис взял их, кивнув в знак благодарности.

— Спасибо.

— Как было у вас? — спросил Лиам.

— В общей сложности процентов пятьдесят личного состава, — ответила Чанг. — Большинство из нас пришли в арсенал со своими семьями. Там многолюдно, но мы следим за тем, чтобы у детей была еда и кров. В наши дни — это больше, чем есть у большинства людей.

Коллинз почесал челюсть.

— Но мы теряем людей каждый день. У всех одна и та же проблема. Военные, спасатели, полиция, врачи и медсестры, все. Когда мир катится в ад, большинство людей больше заботятся о том, чтобы помочь своим близким, чем о выполнении своей работы. Не могу сказать, что я их виню, хотя это усложняет нашу задачу.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил Тревис.

Чанг поджала губы.

— Я бы хотела, чтобы мы могли сделать больше. — Ее взгляд переместился с Тревиса на ребенка на заднем сиденье. — Сожалею о том, что с вами случилось, но наши приказы не изменились. Мы не можем принимать беженцев из Иллинойса.

Эвелин фыркнула.

— Беженцев? Seriously?

— Эвелин, — мягко произнес Тревис.

Эвелин откинулась на спинку кресла.

— Да ладно. Мы все американцы. Мы на одной стороне.

— Это не их вина. — Тревис бросил на охранников извиняющийся взгляд. — Мы поняли.

— Извините, — повторила Чанг.

— Я не из Иллинойса. — Морщась от каждого движения, Лиам пошарил в своем рюкзаке и достал водительские права. — Мы направляемся в Мичиган. Я местный житель. У нас нет желания оставаться в Индиане, у нас есть безопасное место — Фолл-Крик. Так что, если вы позволите нам проехать, мы двинемся в путь.

Чанг энергично кивнула, испытыв облегчение.

— Это мы можем сделать. — Она сузила глаза. — Юго-западный Мичиган, верно? У вас там есть ядерный реактор?

— Ядерный реактор Кука в Стивенсвилле, — ответил Лиам. — И завод Палисейдс дальше на север, возле Саут-Хейвена.

Выражение лица Чанг стало мрачным.

— Брэдвуд, одна из станций, обслуживающих Чикаго, расплавилась.

Лицо Эвелин стало пепельным.

— Что?

— На ней произошло расплавление активной зоны в день ЭМИ. Последовательности аварийного отключения — это электронная система, поэтому импульс поджарил ее до того,

как сигнал поступил на генераторы. Брэйдвуд только что обновил свои генераторы до совершенно новой высокотехнологичной интеллектуальной системы. Она тоже получила импульс. Никто не ожидал ни отключения генераторов, ни разрушения защитной оболочки.

— У нас нет полной информации, и, скорее всего, никогда не будет, — сказал Коллинз. — Насколько мы слышали, никто из инженеров не выбрался живым.

Эвелин подавила вздох. ЭлДжей снова начал кашлять, и она стала искать бутылочку, чтобы успокоить его. Он несколько раз лающе кашлянул, прежде чем успокоился.

— Сколько раненых? — спросил Тревис.

— Сотни. Может быть, тысячи. Не знаю, сколько попало в опасную зону, — мрачно сказал Коллинз. — Я знаю только, что не хотел бы оказаться в радиусе двадцати миль от этого завода. Все, кто мог, сбежали. Если вы направляетесь в потенциальную активную зону, будьте осторожны.

— Разве нет завода рядом с Шампейном? — спросила Эвелин, выражение ее лица напряглось. — Мы подверглись облучению?

— Это Клинтонская электростанция, верно? — спросила Чанг. — Из того, что нам сказали, все остальные станции в Иллинойсе закрылись, а если и не закрылись, то бетонные защитные сооружения сдержали радиацию.

Лиам кивнул, почувствовав, как сжалось его нутро. Дейв Фаррис упоминал атомную электростанцию Кука, которая находилась всего в пятнадцати милях от Фолл-Крика.

Он сделал мысленную пометку проверить реакторы. Никто не почувствует, не учует и не увидит радиоактивную утечку — пока не станет слишком поздно.

— Спасибо за помощь, — произнес Тревис. — Не хотим отнимать у вас больше времени. Если мы собираемся добраться до места назначения до темноты, нам пора ехать.

Коллинз и Чанг отошли назад.

— Мы очистили большую часть шоссе I-94 и работаем с местными властями — с теми, кто еще появляется, во всяком случае, — чтобы патрулировать все, что можно. Тем не менее, смотрите в оба. Каждый сам за себя.

Лиам поморщился. Боль становилась все сильнее. Чего бы он только не отдал за морфий или даже за несколько рюмок виски.

— Уже давно так.

Коллинз опустил взгляд на М4 у ног Лиама и слабо улыбнулся.

— Похоже, вы можете о себе позаботиться.

Чанг помахала рукой национальным гвардейцам, охранявшим блокпост. Они отошли назад, освобождая путь для проезда машины.

Чанг снова посмотрела на ЭлДжея и нахмурилась.

— То, что случилось с вами... то, что происходит. Мы не позволим этому продолжаться, пока в жилах Америки еще течет кровь. А она течет, уверяю вас. Дела идут тяжело. Они будут трудными еще долгие годы. Но мы все еще свободны.

— Мы не сдадимся, — заявила Эвелин.

Чанг устало улыбнулась.

— Чертовски верно.

Глава 29

Лиам

День восемьдесят девятый

Тревис ехал по шоссе I-94 со скоростью тридцать миль в час, помня о засадах и опасаясь препятствий на дороге, которые могут проколоть колесо или стать причиной аварии.

Сейчас не время и не место для отдыха. Час назад они остановились только для того, чтобы заправиться из канистры, которую Лиам припрятал в багажнике.

По обе стороны дороги простирались плоские бесплодные поля и деревья, лишенные листвы. Шоссе в Индиане не были забиты, как в больших городах, и пробираться между заглохшими машинами не составляло труда.

Несмотря на холод и пульсирующую боль в боку, Лиам держал М4 наготове, обшаривая взглядом обе стороны шоссе в поисках угрозы.

Тревис вел машину, полностью сосредоточившись на дороге. Эвелин развлекала ЭлДжея, меняла ему подгузники и кормила последней порцией их жидкой, водянистой смеси, не сводя с него глаз.

Проезжая один маленький городок за другим, Эвелин и Тревис смотрели в полнейшем ужасе. Лиам видел разрушения по дороге сюда, но от этого зрелище легче не становилось.

Улицы усеяны кучами мусора, повсюду валялись стекло, кирпичи, щепки дерева и прочий хлам. В нескольких городах здания представляли собой обгоревшие остовы, другие были разбиты, изрешечены пулями и выпотрошены.

Они увидели не одно тело, лежащее без присмотра, оставленное гнить там, где оно упало. Лиам поморщился от зловония разлагающихся трупов, гнилостная вонь смешивалась с запахом экскрементов и других телесных жидкостей.

С наступлением теплой погоды оттаяла мерзлая земля, а вместе с ней и трупы животных и людей. Болезни, такие как дизентерия и даже холера, распространялись как лесной пожар.

Последние сто миль прошли без происшествий. Несколько встречных на дороге смотрели на них с отчаянной жадностью, но М4 Лиам отбил у всех желание нападать.

С каждой последующей милей тревога и предвкушение Лиам росли. Уже несколько дней он был отрезан от Ханны, Шарлотты и остальных, от связи и тепла, которых он так жаждал.

Он мечтал увидеть ее лицо, услышать смех Ханны, почувствовать ее теплые нежные руки, массирующие его спину, его душу. Ее присутствие вернуло его из бездны.

Через несколько часов они беспрепятственно пересекли границу с Мичиганом, охранники из Индианы пропустили их без остановки.

Через час после этого они достигли последнего поворота дороги, вдали показался мост через Фолл-Крик.

Сердце Лиам заколотилось в груди. Несмотря на боль под ребрами, он сел ровнее.

Фолл-Крик был таким же маленьким городком, как и все остальные. Снаружи он не представлял собой ничего особенного. Но в его пределах жили люди, о которых он заботился.

— Вот и добрались. — Его голос захлебнулся эмоциями — облегчением, нетерпением, благодарностью. И чем-то еще, чего он не ожидал почувствовать снова, но знал, что это правда с каждым ударом сердца.

Здесь, действительно, ему самое место

Глава 30

Ханна

День восемьдесят девятый

— Это не мы, — заявил Бишоп Флинну со спокойствием, которого Ханна не чувствовала. — Мы уже говорили вам, это сделали ополченцы. Мы не знали, что они творят, а когда узнали, противостояли им невероятной ценой, включая жизни нескольких наших людей.

Даллас скрестила руки на груди.

— Удобное оправдание, как по мне.

Перес угрожающе шагнула вперед.

— Что, черт возьми, ты только что сказала?

— Ладно, ладно, мы пришли сюда, чтобы обсудить условия..., — начал Мик, пытаясь сохранить мир среди своей группы, но у него ничего не получалось.

— Мы не будем обсуждать с вами никаких условий! — прошипел один из мужчин.

Перес выглядела достаточно разъяренной, чтобы выцарапать кому-нибудь глаза.

— Серьезно. А где вы были, когда мы сражались с ополчением, а? Мы просили вас о помощи, но вы не появились. Вы бросили нас на произвол судьбы.

— Я пытался, — проворчал Мик.

— Пытался — это недостаточно хорошо...

— Насколько мы знаем, вы могли быть на стороне ополчения и устроить нам засаду, — заявил Флинн. — Мы защищаем своих людей. Зачем нам рисковать ради вас?

— Вот именно, — отозвалась Перес. — Не ждите, что мы поможем вам в следующий раз, когда вы позовете нас.

— Мы поможем, — пообещала Ханна, сдерживая свое разочарование. — Разве не в этом суть Общественного альянса? — Она бросила острый взгляд на Мика, затем на Флинна. — Общины собираются, чтобы помогать друг другу, защищать друг друга от более сильных угроз. Вот в чем мы заинтересованы. Работать с вами, чтобы сформировать большую, более сильную группу. Сила в количестве.

— Ни за что, — отмахнулся Флинн. — Мы не будем работать с Фолл-Крик. Ни за что на свете.

Флинн и его люди появились с оружием в руках, злые и жаждущие драки. Они хотели крови.

Все были на взводе, нервы у всех натянуты.

Она радовалась, что Призрак остался с Майло и Квинн. Пир бы точно покусал хотя бы одного из них. Перес и так достаточно зла, и ей тоже не терпелось кого-нибудь разорвать.

— Отдайте нам наши припасы! — воскликнула Даллас. — Ну, знаете, все то, что вы украли.

Бишоп напрягся, его челюсть сжалась, хотя голос сохранил спокойствие.

— Как уже не раз объясняли, мы их не крали.

— Кто сказал, что мы вам что-то отдадим? — зашипела Перес.

Лицо Флинна побагровело.

— Таков уговор! Именно поэтому мы и пришли, а не для того, чтобы брататься с ворами и лжецами. Вы нам должны!

Перес вздрогнула.

— Ни черта мы вам не должны!

Далекое жужжание заполнило уши Ханны. Казалось, что она наблюдает за крушением поезда, которое пассажиры не видят. Она ничего не могла сделать, чтобы остановить это.

Все вот-вот рухнет. Все, за что они боролись и чем жертвовали. То, ради чего погибли Орен Труитт, Уэйн Маршалл и даже Ноа.

Они свергли тирана не для того, чтобы поддаться междоусобицам, мелким разногласиям и недоверию.

Они лучше этого. Человечество было выше подобного.

Она знала это, чувствовала в глубине души. Им просто нужно раскрыть глаза и увидеть правду. Но как заставить их увидеть? Как она может изменить ситуацию?

В конце концов, она уже пыталась и потерпела неудачу с Ноа.

Очередной приступ горя разорвал ее сердце. Она отодвинула боль и сосредоточилась на настоящем. Как бы они ни не доверяли друг другу, путь вперед возможен только вместе.

— Прекратите! — заорала она.

Ее не слушали. Флинн продолжал кричать на Перес, тыча пальцем ей в лицо. Перес оттолкнула его, в ее глазах горела ярость. Люди, стоявшие за Флинном, двинулись вперед, руки потянулись к стволам пистолетов на бедрах.

Перес выхватила свой табельный пистолет.

— Не двигаться!

Флинн поднял свой дробовик и прицелился в Перес. Его люди направили оружие на Бишопа и Ханну. Пистолет Бишопа был извлечен, но оставался низко на боку.

— Подождите минутку! — крикнул Мик, но его люди уже не слушали.

— Оружие опустить! — прокричал Бишоп. — Сложить оружие!

«Ругер» Ханна оставался в кобуре. Хотя пульс стучал в ушах, а ладони увлажнились от адреналина и страха, она отказывалась доставать его. Если кто-нибудь выстрелит, то шансы на мир улетучатся в трубу и никогда не будут восстановлены.

Сейчас или никогда.

— Мы на одной стороне! — воскликнула Ханна.

— Правда? — усмехнулась Перес. — Потому что мы пришли сюда, чтобы говорить о любви, мире и прочем дерьме, а эти придурки обвиняют нас в рейдерстве и саботаже. Никто не будет приходить в наш дом и проявлять к нам такое неуважение. Никто.

Флинн разразился целым потоком грубых оскорблений.

— Вы можете голодать, нам все равно, — отчеканила Перес.

— Тогда мы возьмем то, что принадлежит нам, силой!

— Хотела бы я посмотреть, как вы попробуете!

Ханна положила два пальца между губами и издала громкий пронзительный свист.

— Достаточно! Всем вам!

Она протиснулась между Перес и Флинном, вытянув руки, разделила их, оттолкнув Перес назад к Бишопу, который с силой надавил на ее руку. Перес попыталась стряхнуть его, но Бишоп был силен.

— Разве вы не видите, что происходит? Что поставлено на карту? У нас нет выбора. Мы должны работать вместе.

Перес покачала головой и сплюнула в солону.

Разочарование и страх вцепились в Ханну когтями. Они так упрямы, так ослеплены.

— Если мы поднимемся, мы поднимемся вместе. Если упадем, то упадем вместе.

Флинн нахмурился еще больше.

— Красивые слова. Жаль, что за ними нет никакой конкретики.

— Есть, — ответила Ханна. — Мы привезли припасы в шести трейлерах. Они стоят

сзади за ареной. Мы можем прицепить их к вашим грузовикам, лошадям, к чему угодно. Вы можете их забрать. Прямо сейчас. От вас ничего не требуется взамен. Никаких условий.

— Ничего взамен...? — Перес зашипела.

Бишоп бросил на нее тяжелый взгляд, и она замолчала.

Флинн поднял свои кустистые рыжие брови.

— Почему я в это не верю?

— Верь во что хочешь. Трейлеры прямо здесь. Иди и посмотри сам.

— Этого недостаточно. Это не компенсирует...

— Это начало, — вмешался Бишоп, его рокочущий голос эхом разнесся по арене. — И довольно щедрое, полагаю. Я уверен, что ты согласишься, Мик.

— Я согласен. — Мик наклонил голову к Даллас. — Почему бы вам с Ортегой не взять несколько человек для погрузки припасов. А Флинн, собери команду охраны, чтобы мы благополучно вернулись. У нас всего несколько часов до темноты. Нам нужно двигаться.

Напряжение нарастало, пока обе стороны смотрели друг на друга и на свое оружие.

— Мы на одной стороне, — повторила Ханна, ее сердце билось в груди, как бешеное. — Самое время начать вести себя соответственно. Опустите оружие. Все вы. Мы не будем сражаться друг с другом сегодня — или когда-либо.

Уголкем глаза она уловила одобрителный кивок Бишопа. Он убрал пистолет в кобуру и протянул руки ладонями наружу.

— Если будете стрелять в нас, вы будете стрелять в безоружных людей.

Челюсть Флинна сжалась, глаза сузились.

— Если вы думаете...

— Флинн, — с твердостью в голосе обратился Мик. — Дело сделано.

— Мик прав. — Даллас положила свою руку на руку Флинна. — Пойдем. Мы получили то, за чем пришли.

Потерпев поражение, Флинн опустил плечи, его большое тело сдулось. С очередным пробормотанным проклятием он опустил ружье. Его люди последовали его примеру.

Нахмурившись, Перес направила свой табельный пистолет на землю, но на всякий случай не убрала его в кобуру. Она немного расслабилась.

Угроза миновала — на данный момент.

Ханна выдохнула, не помня, как задержала дыхание.

— Так-то лучше.

— Это ничего не меняет, — прорычал Флинн. — Меня вы не обманете. Мы никогда не будем доверять Фолл-Крик...

Снаружи раздались шаги. Все, как один, повернулись на звук, руки снова потянулись к оружию.

Дейв Фаррис ворвался на арену, тяжело дыша, с красным от напряжения лицом.

— Это Лиам!

Огромное облегчение разлилось по венам Ханны.

— Он вернулся.

Дейв посмотрел на нее, в его глазах читалась тревога.

— Вернулся. Но он ранен.

Глава 31

Квинн

День восемьдесят девятый

Дикие собаки удрали, но у Квинн не нашлось времени на благодарность.

Она обнаружила, что окружена угрозой другого рода.

Не менее четырех десятков человек столпились на небольшой поляне, образовав вокруг нее свободное полукольцо, как и собаки.

Они были одеты в обычную одежду — джинсы, брюки, кожаные куртки, полуботинки, но все поголовно носили оружие причудливой формы: копья, арбалеты, косы, дубины и топоры.

Сначала Квинн подумала, что это взрослые. Большинство выглядели старше, но некоторые смотрелись ее ровесниками, как, например, худощавый чернокожий парень, стоявший в центре группы.

Им на вид около двадцати лет, нескольким чуть меньше. Большинство парней щеголяли бритыми головами, в то время как девушки выбривали боковые части черепа, а центральную часть оставляли длинной, собранной либо в толстую одинарную косу, либо в несколько локонов, ниспадающих по спине.

Они только что спасли ее, но выражение их лиц оставалось мрачным, подозрительным, почти откровенно враждебным.

Группа наблюдала за ней, шаркая и бормоча, в их глазах читался странный предвкушающий блеск, и Квинн потребовалась секунда, чтобы понять — предвкушение. Но предвкушение чего?

Она не знала почему, не могла объяснить, откуда, но в ее голове звенели предупреждающие колокольчики. Кисло-сладкое чувство страха сковало ее внутренности.

Квинн безмолвно умоляла Майло оставаться незаметным в ветвях дуба позади нее. Кем бы ни оказались эти ребята, лучше бы они не знали о Майло.

Так далеко в лесу шум с ярмарки затих. Даже отдаленные раскаты с полигона Рейносо не долетали сюда.

На деревьях трещали птицы. Ветер шелестел в подлеске, сквозь бесплодные ветви деревьев пробивались лучи серого света.

Сердце колотилось в груди, Квинн медленно поднялась на ноги — влажные листья прилипли к коленям, грязный снег налип на ладони и ногти — и подняла руки.

Призрак стоял рядом с ней, прижав уши, дрожа всем телом. Из его груди раздавалось грозное рычание.

— Не двигаться! — закричал здоровяк с огромной шипастой булавой, похожей на средневековое оружие ближнего боя, украденное из музея. Каждый дюйм его тела бугрился мышцами. У него были плоские черты лица и широкий, неправильно сформированный нос.

Он напоминал вышибалу или правую руку какого-нибудь бандита. Парень, который делает всю грязную работу и наслаждается этим.

— Я не вооружена, — сказала Квинн. — Не стреляйте в меня. Не стреляйте в Призрака. Он дрался с другими собаками. Он не одичал, как они.

— Мы любим собак, — заявил мужской голос откуда-то из середины группы. — Разве нет?

Парень лет двадцати шел вперед, длинный меч был засунут в ножны на правом бедре, на левом висел серп с изогнутым лезвием. Он выглядел сильным, скорее жилистым, чем крупным, с удлиненными чертами лица и стянутыми в хвост пшенично-русыми волосами.

— Все в порядке, Джетт, — сказал он парню с булавой, который с неохотой опустил

оружие, а затем повернулся к худому, прыщавому пареньку. — Ты убил всех этих собак, Тарел? Ты знаешь, как я отношусь к убийству собак.

Худой парень — Тарел — нервно переминался с ноги на ногу. Он указал на тушу мертвого пса.

— Они дрались друг с другом. Мы просто разнимали их. Вот и все.

— Вот и все? — с усмешкой сказал блондин, сверкнув глазами. — Может, мне стоит побить тебя твоим топором, как ты бил тех невинных собак. Вот и все.

— Они напали на нас, — объяснила Квинн. — Призрак отбивался от них.

Как по команде, Призрак издал низкий предупреждающий рык.

Взгляд блондина метнулся к псу. Его глаза расширились, когда он увидел огромные размеры Призрака, его царственную голову, пасть, из которой капала красная слюна, белую грудь, окрашенную в красный цвет.

Гнев на его лице исчез, сменившись чем-то сродни восхищению, благоговению.

Парень отодвинул ножны в сторону и опустился на одно колено, так что оказался на уровне глаз Призрака.

— Это прекрасное животное справилось с теми собаками?

— Да.

— Проклятье. Я впечатлен.

— Так и должно быть.

Он посмотрел на нее, как будто увидел Квинн впервые. На его лице появилась улыбка, но она выглядела не совсем дружелюбно.

Он поднялся на ноги, легко и грациозно, одна рука лежала на рукояти его меча.

— Прости мои манеры. Я Ксандер Торн.

Он показал большим пальцем на двух парней по обе стороны от него.

— Это Тарел, а этого грубияна мы зовем Джетт. Далия где-то здесь. Она тебе понравится.

Квинн не сводила глаз с Ксандера Торна.

Остальные реагировали на него с уважением, с каким-то восторженным обожанием, но она чувствовала раздражение, нервное возбуждение, как будто он не слишком предсказуем и ему это нравится.

Перед ней стоял главарь группы.

— Как ты нашел нас — меня? — спросила она.

Ксандер улыбнулся, его взгляд остановился на ней.

— Мы просто ехали по Старому 31-му шоссе, занимаясь своими делами, и слышали шум. Дорога находится в нескольких сотнях ярдов. Не то чтобы у нас есть какая-то неотложная цель. Той жизни больше не существует, не так ли?

— Думаю, нет.

— Мы можем идти куда хотим и когда хотим. Поэтому, когда услышал лай, я решил проверить. Похоже, хорошо, что я это сделал.

— Ты спас нас — меня и Призрака. Спасибо. — Ксандер производил впечатление человека, которому хочется восхищения и благодарности. — Я в долгу перед тобой.

На этот раз Ксандер не улыбнулся, но и не нахмурился. Он не стал доставать одно из этих безумных оружий, что уже немаловажно.

— Что ты хочешь, чтобы мы сделали, Ксандер? — спросил Джетт, большой парень с булавой.

Ксандер почесал голову и устался на нее, его взгляд блуждал от ее ботинок до макушки и снова вниз.

Волоски поднялись на ее шее. Квинн стояла и не двигалась. Возникло ощущение, что ее взвешивают или оценивают, и если она окажется не на высоте, результат будет не очень хорошим.

Эти люди только что спасли ей жизнь. Но это не делало их хорошими парнями.

Глава 32

Квинн

День восемьдесят девятый

— Ты одна? — спросил Ксандер.

Квинн надеялась, что густые ветви ели скрыли Майло от их глаз. Если бы они стали искать, то нашли бы его, но если вы не ищите маленького ребенка, прижавшегося к дереву над вами...

Она подняла подбородок.

— Только я.

Ксандер смотрел на нее с подозрением.

— Уверена?

Квинн заставила себя встретиться с ним взглядом. В его глазах горел дикий, почти безумный блеск. Это нервировало.

— Уверена.

Он заметно расслабился.

— Отлично, отлично. Ну, тогда. Поскольку ты, как и я, любишь собак, то дам тебе пропуск.

Он не сказал, на что именно. Квинн поняла, что лучше не спрашивать. Группа позади него отреагировала по-разному — облегчением, разочарованием, волнением.

У Квинн зачесалась шея.

— Могу я теперь опустить руки? У меня «Беретта» без патронов и рогатка в кармане.

Он приподнял бровь.

— Рогатка! У нас в арсенале нет ни одной рогатки.

— Она может выбить глаз, если постараться. Или оставит неприятный синяк. Не более того. — Она опустила часть про флешетты.

Он усмехнулся и жестом указал на различное оружие, сверкающее у него за спиной.

— Мы любим креативное оружие, если ты не заметила.

Мечи. Булавы. Древние ножи. Копья. Часть ее хотела посмеяться над нелепостью происходящего, но инстинкт подсказывал, что эти люди относятся ко всему своему снаряжению очень и очень серьезно. Насмехаться над этим явно не стоит.

— Я заметила.

Его ухмылка стала шире.

— Могу я погладить твою собаку?

Квинн перевела взгляд на Призрака. Его тело застыло, а шерсть поднялась.

Хотя он был ранен, из его ноги текла кровь, он не сдвинулся со своей защитной позиции между ней и странной группой.

— У него выдался тяжелый день, — проговорила Квинн. — Он немного на взводе.

— Мы все такие. Я понимаю. — Ксандер присел на корточки в паре ярдов от него и

установился на Призрака. Призрак установился в ответ. Ксандер просиял, его узкое лицо посветлело.

На мгновение дикий блеск в его глазах померк, и он стал казаться нормальным, обычным мальчишкой, любящим собак — если бы не средневековое оружие, прикрепленное к его поясу.

Джетт прочистил горло.

— Ксандер.

Вздыхнув, Ксандер поднялся и отошел. Его взгляд вернулся к Квинн, и он наклонил голову, изучая ее.

— Что ты думаешь о состоянии дел? После Коллапса, я имею в виду.

Еще одно испытание. Она все еще не знала о последствиях провала, но то, как Джетт сжимал свою булаву, словно ему не терпелось использовать ее — или, возможно, он ожидал этого — заставило Квинн напрячься.

Опасение закралось в ее душу, но она не могла позволить напряжению отразиться на лице.

— Этот мир — отстой. Все отстой. Что еще тут нового?

По выражению его лица она поняла, что ответ правильный. Он потирал руки, словно наслаждался этим моментом, напряжением, испытанием, что бы оно ни значило.

— А электричество?

— Я прекрасно обхожусь без него.

— Ты скучаешь по нему?

Едва уловимый вдох. Группа настороженно наблюдала за ней. То, как она ответит на этот вопрос, имело большое значение.

Квинн оглядела их. Они выглядели неряшливыми, грязными, немытыми. От них разило перегаром. И это примитивное, старое оружие...

В них чувствовалось что-то другое, что-то неправильное.

Она дала неожиданный ответ.

— Не особо. Нет.

В лесу перевели дух. Некоторые в толпе закивали головами, другие уставились на нее с пустым, нечитаемым выражением на лицах. Правильный ответ.

И все же Квинн не расслаблялась, ее мышцы оставались в напряжении, нервы натянуты как канаты.

Улыбка Ксандера осталась неподвижной, но его глаза стали горячими и яркими.

— Мир до этого был ложью. Все иллюзии и отрицание. Электричество ослепляло нас, технологии отупляли. Но больше нет! — Его голос возвысился с лирическим, почти завораживающим тембром, его группа кивала, следя за каждым его словом. — Мы сносим все это. Кирпич за кирпичом, лампочка за лампочкой.

— Смерть власти, — заявила одна девушка с маниакальной ухмылкой.

— Смерть власти! — проскандировали несколько человек. А кое-кто издал жуткий вой, подняв боевые топоры и винтовки со штыками, высоко вскинув кулаки.

Каждый волосок на шее Квинн встал дыбом. Где она раньше слышала эту фразу? Или видела?

Тело, извивающееся на ветру. Картонная табличка, приколотая к его мертвой груди.

У нее свело живот, на лбу выступил холодный пот. Словно почувствовав ее страх, Призрак поднял голову и глубоко и низко зарычал.

Остальные слишком увлеклись скандированием и воем, чтобы услышать его.

Сохраняя спокойное выражение лица, она положила руку ему на бок, успокаивая. Спокойно, спокойно. Никаких резких движений.

Майло все еще прятался, его не было видно. Им нужно выбраться отсюда живыми и невредимыми. Прямо сейчас, черт возьми.

Ксандер наблюдал за ней с ястребиной пристальностью.

— У тебя с этим проблемы?

— Как по мне, — сказала она, — этот мир может катиться к черту.

Произнести эти слова оказалось слишком легко, как и почувствовать, что Квинн сказала это всерьез. Тьма внутри нее горела ярко, как зажженная спичка.

Он почесал свою жирную голову и кивнул сам себе. Его взгляд метнулся к Джетту справа и Тарелу слева. Тарел кивнул с энтузиазмом; Джетт мог бы быть статуей, так мало он двигался.

Что бы Ксандер ни искал, он, должно быть, это нашел.

— Поздравляю. Мне нравишься ты и твоя собака. Мы всегда ищем новобранцев. Единомышленники и все такое. Хреново оставаться здесь одному.

Он жестом указал на группу позади себя. Несколько человек подняли мачете, арбалеты и кинжалы. Несколько дружелюбно улыбались, но в них чувствовалась какая-то напряженность, что-то бешеное.

Она вернула свое внимание к Ксандеру, осторожно и внимательно анализируя его слова, его позу, его глаза. Казалось, это скорее приглашение, чем требование.

Квинн могла бы уйти, и они бы ей позволили. Возможно.

Небрежно пожав плечами, она заставила себя улыбнуться.

— Я не очень люблю общество. Предпочитаю быть одна.

Разочарование отразилось на его лице, но Ксандер не стал настаивать.

— Если передумаешь в ближайшие пару недель, мы будем жить в штаб-квартире «Вортекса» в Сент-Джо.

«Вортекс Корпорейшн» — известная, общенациональная компания, которая производила бытовую технику — холодильники, посудомоечные и сушильные машины, плиты и микроволновки.

— По-моему, очень подходит, согласишься? Парадигма промышленности и технологии — теперь совершенно бесполезная. — Его глаза вспыхнули. — Мы наслаждаемся иронией.

Она кивнула, ее тревога усилилась. Призрак остался стоять перед ней, из его груди вырывалось низкое рычание.

Ксандер свистнул своей группе и указал в ту сторону, откуда они пришли.

— Вперед!

Когда группа повернулась, чтобы уйти, те, кто стоял впереди, расступились, и на мгновение открылось пространство, открыв взору кое-кого, стоящего в задней части толпы. Человека, которого она не заметила раньше.

Когда он повернулся, чтобы последовать за остальными, то взглянул на нее через плечо. Мужчина лет тридцати, лысый и крепкий, как бульдозер, с широкими плечами и мощными руками, бедрами как стволы деревьев.

Его темные хитрые глаза привлекли Квинн, поймали как муху в паутину, она застыла, когда осознание пронзило ее.

Саттер.

Глава 33

Ханна

День восемьдесят девятый

Ханна с Шарлоттой на коленях сидела рядом с Лиамом, от беспокойства и страха у нее в животе завязывались узлы.

Она почти не дышала с тех пор, как Дейв объявил о возвращении Лиама и его ранении.

Лиам лежал на раскладушке в центре комнаты, его спину подпирали подушки, он беспокойно спал после того, как потерял сознание во время извлечения пули. В комнате пахло бетадином и уксусом. Несколько керосиновых фонарей давали свет.

Ханна не отходила от него с тех пор, как его привезли в школу, где Шен Ли устроил импровизированный медицинский центр в нескольких бывших классных комнатах.

Молли привела Майло и Квинн с Призраком, который держался на ногах, но был весь в крови. «Нападение собак», — неопределенно пояснила Квинн. Майло вообще ничего не сказал.

Рейносо усилил охрану, увеличив количество патрулей с Хейсом и Перес, в то время как Бишоп взял группу для отслеживания остальных членов стаи. Полицейское управление Фолл-Крика сопровождало Общественный альянс с ярмарки со свежими припасами, прежде чем началась новая драка.

Дейв и Аннет занимались закрытием Торгового дня и уборкой ярмарочной площади вместе с Джонасом Маршаллом и некоторыми подростками.

Сердце Ханны разрывалось на части. Ее любимый пес и Лиам пострадали. Она хотела крепко обнять Призрака, но боялась причинить ему боль. Да и Лиаму тоже, если уж на то пошло.

По крайней мере состояние Призрака оставалось стабильным. Ли обработал рану на ноге, вставил гибкую стерилизованную трубку для дренажа и наложил неоспорин, прежде чем перевязать рану.

Он проинструктировал Квинн, как очистить и продезинфицировать оставшиеся порезы — достаточно незначительные, чтобы они зажили сами по себе, если не начнется заражение.

В одном из углов комнаты, рядом с группой неиспользуемых столов, Призрак лежал на боку на нескольких одеялах, время от времени поскуливая.

Квинн стояла над ним на коленях, держа в одной руке бутылку яблочного уксуса, в другой — чистую тряпку, синевато-черная челка мешала ей смотреть, кольца на бровях и губах блестели в свете фонаря.

Майло помог расправить шерсть Призрака и успокоить его, пока Квинн смазывала порезы уксусом, который действует как природный антисептик и противомикробное средство против инфекций, бактерий и грибка.

Они хорошо ухаживали за Призраком, не хуже, чем Ханна могла сама, хотя ей очень хотелось быть рядом и с Призраком, и с Лиамом.

Ей не нужно переживать: Призрак в надежных руках.

Молли сидела на металлическом стуле у стены рядом с дверью, опираясь на трость и наблюдая за происходящим.

— Натуральный мед и свежий чеснок также хорошо работают. Чеснок — сильный антисептик с антиоксидантными, антибактериальными, противогрибковыми,

противовирусными и противопаразитарными свойствами.

— Так вот почему он действует на вампиров? — спросил Майло.

— Доказательств этому нет, — с озорной ухмылкой отозвалась Молли. — Найди мне вампира, и мы это проверим.

Шарлотта пицала, ворковала и извивалась на руках Ханны. Она проявляла такое любопытство, желая потрогать и попробовать на вкус все, что попадалось под руку.

Со стоном Лиам открыл глаза.

Сердце Ханны дрогнуло.

— Как ты себя чувствуешь?

Он хмыкнул.

— Как будто меня ранили в ребра.

— Неплохо, да?

Он посмотрел вниз. Она держала его за руку и даже не заметила этого. Смущение пронзило Ханну, и она быстро убрала руку, ее щеки вспыхнули жаром.

Брови Лиамы изогнулись, но он ничего не сказал. Он переместился на раскладушке и сел прямее, поморщившись.

Он выглядел похудевшим после путешествия, немного потрепанным, но он все еще оставался Лиамом. Широкоплечий и мускулистый, с грубыми чертами лица и каштановой щетиной на челюсти. И эти притягательные серо-голубые глаза, пронизывающие ее насквозь.

Ханна прочистила горло.

— Я могу попросить Ли дать более сильное обезболивающее.

— Оставьте для того, кто в нем нуждается.

— Тебе оно не помешает.

— Боль — это просто отвлекающий фактор. Я научился жить с ней. — Он развернул ноги и встал.

— Ты уверен, что тебе стоит...

— Я в порядке.

— О нет, не в порядке! — Высокая, стройная женщина вошла в комнату, нахмурив лицо. — Лиам Коулман, вернись в кровать.

— Я просто...

— Ни в коем случае. Тебе нельзя вставать, по крайней мере, еще сутки. Тебя нужно наблюдать на предмет шока, потери крови и гемодинамической нестабильности.

Лицо Лиамы поникло, но он не стал спорить. С пораженным вздохом он опустился обратно на койку.

— Ханна, познакомься с Эвелин Брукс.

— Мы познакомились, когда ты лежал без сознания, — сообщила Эвелин, взглянув на Ханну.

— Было очень приятно, — отозвалась Ханна.

— Мне тоже это доставило удовольствие. — Эвелин жестом указала на Лиаму. — Он спас нас.

Ханна улыбнулась.

— Он умеет это делать.

Эвелин была привлекательной женщиной лет пятидесяти, хорошо одетая, несмотря на усталость на лице. Даже в грязной, помятой одежде она излучала элегантность и изящество.

Ее муж, Тревис, шел следом за ней. На руках он держал племянника Лиама, который старше Шарлотты на несколько недель, но выглядел меньше, худее и слабее.

Ханна пожимала руки и знакомила присутствующих. Молли скрывала свою обычную язвительность и демонстрировала непревзойденную любезность. Квинн была вежлива, хотя и занималась Призраком. Майло так увлекся помощью ей, что не поднимал глаз.

Эвелин и Тревис держались вежливо, тепло и доброжелательно. Ханна уже поняла, что они прекрасно впишутся в Фолл-Крик.

— Чувствуйте себя как дома, — произнесла Ханна. — Мы не можем обещать, что все будет легко, но прилагаем все усилия, чтобы создать здесь общину. Место, где будет безопасно и свободно — независимо от того, что происходит снаружи.

— Спасибо, — поблагодарил Тревис, — от всего сердца.

Эвелин проверила повязки Лиама.

— Я извлекла пулю. Рана чистая. Повязки нужно менять раз в день, если кровотечение остается минимальным. Если не следить за чистотой, инфекция может быстро распространиться. В пулевых ранах часто размножаются бактерии.

— Понял, — отозвался Лиам.

— И тебе нужны жидкости с электролитами. Я попрошу у Ли что-нибудь. — Эвелин поставила на койку рядом с ним маленькую белую бутылочку с синей этикеткой с изображением счастливых плавающих рыбок. — Возьми это.

— Я не рыба.

— Амоксициллин — это амоксициллин. Он действует на людей, даже на невероятно упрямых и капризных.

Лиам фыркнул.

— Намек понял.

— Ты подвергаешь свое тело огромным нагрузкам, — предупредила она его. — Ты в прекрасной форме, но тело изнашивается. Это физика. Тебе нужно побережться. Вопреки тому, что можешь чувствовать, ты не Супермен, а сейчас еще и ранен. Я хочу, чтобы следующие несколько недель ты провел очень, очень спокойно.

Лиам хмыкнул в ответ.

— Это не «да», — заметила Молли. — Ты должна следить за этим. Он такой неугомонный.

Эвелин положила руки на бедра.

— Тогда, полагаю, мне нужно письменное соглашение, подписанное кровью.

— Удачи в этом, — пробормотала Ханна.

— Возможно, придется привязать его к кровати. — Молли оперлась на трость и одарила Лиама злобной ухмылкой. — У меня есть стяжки. Или скотч. А еще паракорд отлично работает.

— У вас есть опыт привязывания мужчин к кровати? — спросила Ханна.

Молли подмигнула.

— Конечно, есть. Один из величайших моментов в моей жизни, если уж на то пошло.

С пола Майло смотрел на них с растерянным выражением. К счастью, он ничего не понял.

Квинн не подавала никаких признаков того, что она слушает — настолько сосредоточилась на Призраке, что не слышала их. А может, дело в чем-то другом.

Эвелин ткнула пальцем в Лиама.

— Я серьезно. Пуля пробила мышцы и связки. Если ты не будешь осторожен, можешь сделать хуже. Намного хуже. У меня нет ни инструментов, ни оборудования, ни анестезии, чтобы сделать экстренную операцию, по крайней мере, такую, после которой у тебя появится приличный шанс на выздоровление. Необходимо, чтобы ты позаботился о себе, не доводя до крайностей.

— Я с первого раза тебя услышал, — проворчал Лиам, не желая встречаться с Эвелин взглядом.

Эвелин повернулась к Ханне.

— Если он не хочет слушать меня, может быть, послушает тебя?

Ханна подняла подбородок.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Не обращая внимания на них обеих, Лиам протянул руку Шарлотте, которая ворковала и теребила его пальцы.

— Она так выросла.

— Дети растут быстро. У нее все хорошо. Счастливая и здоровая.

— Можно мне ее подержать?

Сердце Ханны сжалось.

— Конечно.

Когда Лиам взял малышку на руки, на его лице появилось выражение чистой радости. Ханна могла сказать, что ему физически больно держать ее на руках, но он не показывал этого.

Лиам прижал Шарлотту к себе, и она прильнула к его груди, уткнувшись своим маленьким личиком в шею. Маленькая вязаная шапочка Лиамы очень шла Шарлотте, как будто они идеально подходили друг другу.

Ханна не могла оторвать от них взгляд. В этом сильном мужчине, держащем на руках хрупкого ребенка, было что-то такое, что не давало покоя ни ее сердцу, ни душе.

— Я скучаю по тем долгим ночным поездкам на машине, которые мы совершали, когда Джесса была маленькой, — с тоской в голосе проговорила Эвелин. — Она никогда не спала больше двух часов в первый год жизни.

Ханна уловила в глазах Лиамы отблеск потери. Он любил Джессу. Если родители Джессы могли служить хоть каким-то показателем, она определенно была особенной.

Эвелин сжала руку Ханны.

— Очень приятно познакомиться с тобой. Мы с нетерпением ждем возможности освоиться, узнать, чем мы можем помочь, и встретиться со всеми. Не могу выразить, как я рада, что у ЭлДжея будет товарищ по играм.

Тревис напрягся, когда у ЭлДжей начался очередной приступ кашля.

— В центре мало кто из малышей пережил зиму. Думаю, в большинстве мест произошла та же история.

— ЭлДжей — настоящее благословение, — добавила Эвелин. — Как и твоя дочь.

— Я знаю это.

ЭлДжей снова закашлял, ужасный хриплый звук, как будто его маленькие легкие разрывались на части.

Молли нахмурилась.

— У него жуткий кашель. Чайная ложка свежего чесночного сока, принимаемая два-три раза в день, — мощное средство для лечения респираторных заболеваний. Я могу его

напоить. Нужно отварить зубчики чеснока в течение полусуток и подсластить отвар медом и имбирем, чтобы получился натуральный сироп от кашля. Ему понравится вкус. Сироп бузины тоже подходит. И тот, и другой помогают избавиться от застойных явлений при бронхите.

— Спасибо, — сказала Эвелин с облегчением в голосе.

— Может, у вас тут и молочная смесь есть? — Тревис жестом указал на ЭлДжея. — У нас закончилась. Он уже несколько недель получает слишком мало.

Лицо Эвелин потемнело.

— Смесь, которую они нам дали, была ужасной. Я делала все, что могла, но под моим присмотром умерло четверо младенцев, а они не давали нам ни антибиотиков, ни смеси. Мы бы попробовали коровье молоко, но нам его не дали. Я делала пюре из того, что могла, но к концу они уже почти никого из нас не кормили.

Молли поцокала языком.

— Мы можем решить эту проблему довольно быстро. Коммерческие детские смеси не существовали до 1950-х годов. Как, по-твоему, все эти дети выжили? Младенцы могут пить концентрированное молоко. Я сама выросла на нем, и сегодня стою здесь как яркий пример здоровья и физической формы.

Она оглядела всех присутствующих, ожидая, что они будут спорить. Никто не возразил.

— Я помогала маме кормить младших братьев и сестер. До сих пор помню рецепт, на самом деле. 13 унций концентрированного молока, смешанного с девятнадцатью унциями кипяченой воды и двумя столовыми ложками сиропа Каро, чтобы помочь при запорах.

Эвелин перевела взгляд с младенца на руках мужа на Молли.

— Есть ли в наличии хоть пара банок? Я не могу вам заплатить, но мой медицинский опыт в вашем распоряжении...

— Глупости! — Молли махнула рукой в знак отказа. — Лиам Коулман поручился за вас, это все, что мне нужно знать. У меня есть несколько банок, которые я могу вам отдать, а еще у меня есть ручной кухонный комбайн. Мы можем измельчить фрукты и овощи до состояния пюре и даже процедить воду, чтобы кормить его жидкими витаминами, если понадобится. Пройдет немного времени, и обоим малышам можно будет начинать давать твердую пищу. С ними все будет хорошо. — Она кивнула в сторону ЭлДжея. — Просто нужно нарастить немного жира на костях этого мальчика.

— Низкая доза амоксициллина в его бутылочках тоже поможет, — добавила Эвелин.

— ЭлДжей слаб и болен, — заметила Ханна. — В его случае нет ничего лучше материнского молока. — Она колебалась лишь мгновение. — Я могу его кормить. По крайней мере, пока он не поправится.

— Ты уверена? — прошептала Эвелин.

— Кормилицы существуют уже тысячи лет. А грудное молоко передаст ему и мои антитела, верно?

Эвелин кивнула.

— Тогда, да. Я уверена.

— От всего сердца благодарю тебя. — Эвелин посмотрела на внука, затем перевела взгляд на Ханну. В ее глазах читалась озабоченность, но и надежда. — Я навсегда в долгу перед тобой.

— Ты сохранила жизнь Лиаму, — сказала Ханна, ее горло сжалось. — Я считаю, что все наоборот.

Ханна взяла ребенка на руки и вышла взатемненный коридор с шкафчиками, чтобы уединиться. Если она будет хорошо питаться, то ей хватит молока для обеих малышек, пока ЭлДжей не наберет вес и его здоровье не улучшится.

Мальчик продолжал кашлять, издавая влажный, болезненный звук, от чего Ханну охватило беспокойство. Он был таким худым по сравнению с пухлыми ручками Шарлотты. Такой легкий на руках, как будто, если она не будет держать его крепко, он может испариться и исчезнуть.

— Мы с тобой будем крепко держаться, малыш Лиам, — прошептала она в его крошечное ушко, он уже занял место в ее сердце. ЭлДжей был племянником Лиама. Уже за одно это она любила его. — Я обещаю тебе.

Глава 34

Ханна

День восемьдесят девятый

Уже через двадцать минут ЭлДжей насытился и уснул.

Когда Ханна вернулась в комнату, Эвелин стояла, прислонившись к шлакоблочной стене, глаза ее были закрыты, лицо серое от усталости и изнеможения. Тревис стоял рядом с ней, обхватив ее плечо одной рукой, покачиваясь на ногах.

— Простите меня, вы измучены, — сказала Ханна. — Нам нужно отправить вас в теплую постель, чтобы вы могли отдохнуть.

Тревис взял младенца и похлопал его по спине.

— Это была долгая ночь.

— Еще мягко сказано, — отозвался Лиам.

— Дейв Фаррис приготовил для вас комнату в гостинице «Фолл Крик». В ближайшие несколько дней мы подберем место, где вы сможете обосноваться. — Ханна снова взглянула на ЭлДжея, который спал на руках у Тревиса, неровно сопя, когда его грудь поднималась и опускалась. — У нас отличная улица; соседи заботятся друг о друге.

Молли фыркнула.

— Она была отличной и до того, как туда стали съезжаться всякие оборванцы.

— Нечестно издеваться над ранеными. — Лиам выдал редкую полуулыбку, полугримасу. — Правила ведения боя и все такое.

Молли обратила внимание на Квинн, которая закончила смазывать яблочным уксусом порезы и царапины Призрака.

— Пора и нам возвращаться домой. Нужно разобраться с нашими покупками.

Неохотно Квинн погладила Призрака по голове и поднялась. Что-то было в ее глазах, отстраненный, устремленный в никуда взгляд.

— Ты в порядке, Квинн? — спросила Ханна.

Квинн безразлично пожала плечами, ничего не сказав. Ханна хотела прижать девушку к себе и выпытать у нее все, но день был долгим и напряженным для всех. Правда заключалась в том, что ее внимание сейчас приковано к Лиаму.

Позже, сказала она себе. Завтра она снова встретится с Квинн.

Молли бросила на Ханну понимающий взгляд и подмигнула.

— Мы возьмем с собой Майло, так что ты уделишь Лиаму столько времени, сколько тебе нужно, дорогая.

Ханна покраснела. Квинн, которая обычно закатывала глаза вверх и драматично

вздыхала, не подавала признаков того, что замечала других людей в комнате.

Через пять минут заехал Дейв, чтобы забрать Бруксов и отвезти их в гостиницу. Молли, Квинн и Майло уехали с большим шумом, после того как Майло дюжину раз обнял и поцеловал Призрака. Молли обещала принести выпаренное молоко для ЭлДжея.

Ли зашел, чтобы дать Лиаму немного адвила и взять из шкафа свежие простыни для другого пациента. После его ухода они остались одни, не считая Шарлотты и Призрака, который свернулся калачиком на одеялах, расстеленных Квинн у изножья кровати.

Лиам погладил шелковистые тонкие волосы Шарлотты. Малышка прижалась к его шее с довольным воркованием.

— Что я пропустил? Похоже, многое.

Ханна села на край кровати, осторожно, чтобы не потревожить его, и рассказала все. Торговый день. Собрания в мэрии, переросшие в споры о судьбе Джеймса Лютера. О вражде с Общественным альянсом и разрушениях, причиненных неизвестными силами.

— И, если этого недостаточно, я беспокоюсь о Квинн.

— Ей становится хуже. — Утверждение, а не вопрос.

— Я пыталась поговорить, но, по-моему, она ничего не услышала из того, что я сказала.

— Может быть, поможет что-то еще, кроме разговоров. Я навещу ее завтра.

— Когда ты будешь здоров, и не раньше. Ты слышал Эвелин.

Он закатил глаза, но со страдальческим видом.

— Мир не будет ждать.

— Он подождет.

— Сомневаюсь.

Шарлотта заерзала и издала голодный крик. Лиам передал ее обратно с кривой ухмылкой.

— Ничем не могу помочь, малышка.

Ханна незаметно кормила Шарлотту грудью, пока они продолжали разговаривать, обсуждая все, что случилось с Лиамом во время его путешествия. Суровое лицо Лиамы ожесточилось, его глаза стали стальными.

— То, что Синдикат сделал с этими людьми...

Ханне потребовались все силы, чтобы снова не схватить его за руку.

— Ты спас своего племянника. Ты вернул их домой.

Лиам кивнул, его взгляд стал отстраненным, как будто он все еще пытался убедить себя.

— Да.

Как бы она ни переживала за него, Ханна никогда не упрекнула бы Лиаму за то, что он рискует своей жизнью ради других. Он был солдатом, воином. Защитником. Это вложено в него, часть его, вросшая в каждую клетку тела.

И все же ее сердце учащенно забилося при мысли о том, как легко она могла его потерять.

В этом новом мире умереть слишком просто.

— Я... я соскучился по вам, — признался Лиам, старательно глядя куда угодно, только не на нее. Он разглаживал простыни, проверял и перепроверял повязку, намотанную на ребра. Наконец, поднял голову и встретил ее взгляд. — Я скучал по тебе.

Ее тело запыхало, сердце сильно забилося. А лицо покраснело.

Несмотря на все — мир, рушащийся вокруг них, Пайка и Розамонд, ополченцев, Ноа — ее сердце шептало правду, с которой Ханна пока не была готова столкнуться. И до сих пор

не готова.

Тем не менее, правда не изменилась.

То, что она чувствовала к Лиаму, никуда не исчезало. Оно становилось глубже, сильнее, день за днем. Она скучала по нему, как скучала по солнцу в своей подвальной тюрьме, как будто ей не хватало частички себя.

Теперь, глядя в эти стальные голубые глаза, Ханна чувствовала, как эта недостающая часть встает на место.

Вместо радости в ее сердце вонзилось копьё страха.

— Ханна?

Лицо Пайка мелькнуло у нее перед глазами. Тонкая красная линия его рта. Щелчок, щелчок, щелчок этой ужасной зажигалки, громко звучащий в ее ушах.

— Ты в порядке?

Она не осознавала, что вскочила на ноги, что отступает назад, во рту пересохло, ладони намокли, лицо горело.

Призрак поднялся на ноги, заметив ее состояние. Она крепко обняла Шарлотту.

— Прости, мне нужно идти. Прости.

Ханна повернулась и убежала, Призрак последовал за ней.

Глава 35

Саттер

День девяносто второй

Саттер схватил спутниковый телефон и отвернулся от костра.

Прошло несколько дней, прежде чем Ксандер доверился ему настолько, что вернул вещи, и еще несколько дней, прежде чем он смог отойти от толпы подальше, без дюжины подозрительных взглядов и оружия, нацеленных на него.

Последнюю неделю он выполнял роль штатного слуги в лагере — готовил еду, убирал за грязными, ленивыми подонками. Они относились к нему с теплотой, но Ксандер упорно стремился держать его на привычном месте.

Как только Саттер совершит свою месть Фолл-Крику, Ксандер Торн станет следующим в его списке. Но сначала о главном.

Саттер не считал себя садистом. Он не был психопатом, не то что первенец Розамонд, Гэвин Пайк.

Он убивал не потому, что ему это нравилось; он делал это в интересах выгоды, как средство достижения цели, устранения проблемы. Когда Саттер убивал, он преследовал свои интересы.

Однако в случае с Лиамом Коулманом он сделал бы исключение. Он сотни раз представлял себе это в своих мечтах, вплоть до мельчайших деталей.

Он планировал наслаждаться каждой секундой медленной и мучительной смерти Коулмана.

Если это означало, что Фолл Крик должен сгореть вместе с ним, то так тому и быть.

В его сознание закралось опасение. Саттер надеялся, что его прикрытие не раскрыто. Элемент неожиданности чрезвычайно важен. Он не до конца уверен, но подозревал, что синеволосая девчонка его узнала.

Зачем этим идиотам понадобилось подбираться так близко к ярмарочной площади — он не понимал. А потом они ввязались в собачью драку, прежде чем Саттер успел сделать

хоть что-то, чтобы их остановить.

Неважно. Это конечно прискорбно, но не меняет конечной цели.

Коулман все равно умрет, независимо от того, знает или нет, что Саттер придет за ним. Он продолжит действовать, как и раньше.

Саттер рискнул взглянуть на толпящихся у костра людей.

Десятки катающихся стульев окружали костер; кучка сумасшедших идиотов металась вокруг, натываясь друг на друга и истерически хохоча, звук выходил высокочастотным и резким, как крики гиен. В качестве растопки они использовали обломанные ножи от столов и сломанные куски книжных шкафов.

Маттиас пытался и не мог игнорировать восхитительный запах жарящегося мяса, его пустой желудок сводило. Они ели куски жареной оленины руками, облизывая пальцы.

Он охотился и убивал оленей для них. В охоте на дичь эти придурки ничего не смыслили; в охоте на людей они разбирались немногим лучше.

В любом случае мяса предостаточно — скоро он им полакомится, но сначала нужно наладить контакт.

— Это я, — произнес Саттер, когда связь установилась.

Шипение помех, а затем голос на другой стороне, настолько знакомый и похожий на голос его собственного отца, что по позвоночнику пробежал холодок.

— Придется объяснить конкретнее.

— Маттиас Саттер.

Пауза, переходящая в напряженное молчание.

Саттер сжал челюсти.

— Ваш племянник.

— Откуда, черт возьми, у тебя этот номер? — С хрипотцой бывшего курильщика, ворчливый и нетерпеливый голос дяди, словно каждое слово означало ужасную трату его драгоценного времени, энергии и внимания. — Это защищенная линия. У тебя нет допуска...

Новая волна негодования прокатилась по Маттиасу. Байрон Синклер, он же Генерал, был высококлассным придурком. Всегда таким был, и никогда не изменится.

Саттер никогда не страдал сентиментальностью или семейными привязанностями, но дядя поднял эгоистичный, скупой нарциссизм на совершенно новый уровень.

Тем не менее Генерал был ослом, обладающим властью, которая так нужна Саттеру, поэтому он проглотил свою огромную ненависть и заставил себя изображать вежливость.

— Я знаю, что случилось с вашей дочерью, — произнес Саттер.

Это заставило Байрона Синклера замешкаться. Саттер сомневался, что дядя способен на такое человеческое чувство, как любовь, но кровь есть кровь. И она что-то да значила.

На это и рассчитывал Саттер. Генерал мало заботился о своем своенравном брате или сыне брата, но его дочь принадлежала ему по крови, была его наследницей.

Если дядю и волновало что-то помимо власти, так это его наследие.

— Где Розамонд? — прорычал Генерал.

Вокруг костра раздался крик, опять эти проклятые песнопения. Саттер сделал несколько быстрых шагов и обогнул угол ближайшего здания.

Тени здесь лежали плотно, холод лизал его открытое лицо, шею и руки. Он сторбил плечи, собираясь с силами.

— Ваша дочь мертва.

На другом конце молчали.

— Несколько недель назад ее убили.

Тишина в трубке казалась настолько густой, что Саттер чувствовал, как она сочится сквозь телефон, плотная и угрожающая.

— Это случилось в Фолл-Крике. Ее люди ополчились против нее.

Маттиас представил, как тишина, словно черный дым, вьется вокруг его пальцев, закручивается по руке, обволакивает шею.

— Я подумал, что вы захотите узнать.

Дыхание дяди в его ухе стало единственным звуком, когда смех и крики у костра сошли на нет.

— Расскажи мне, что случилось. — Холодный голос прорезал время и пространство как коса. — Ничего не упусти.

Саттер рассказал сокращенную версию событий с Лиамом Коулманом в самом сердце катастрофы «Винтер Хейвена».

— Этот бывший солдат организовал расправу над моими людьми. Он убил вашего внука, Гэвина Пайка. И он убил Розамонд. Я сделал все, что мог, но я всего лишь один человек. Ничего не мог поделать, чтобы это остановить.

Конечно, к тому времени, когда Розамонд умерла, Саттер уже сбежал. Возможно, он не присутствовал при смерти кузины, но точно знал, что ее больше нет, и кто в этом виноват.

— Я скоро появлюсь, — отрывисто произнес Генерал. Его голос прозвучал глуше? Густой от редкого проявления эмоций? Саттер не мог сказать. — Мои планы немного... затянулись. Но теперь все встает на свои места. Осталось завершить несколько дел, и я отправлюсь в путь.

— А пока продолжай изводить город, не нападая на него напрямую. Когда я прибуду, то свяжусь с тобой и дам дальнейшие инструкции. Отправь мне свое текущее местоположение согласно GPS-координатам. Не позволяй никому получить доступ к этому телефону. Все понятно?

Саттер вздрогнул. Генерал говорил так, словно считал Маттиаса слишком глупым, чтобы думать самостоятельно. Хотя, конечно, он мало что знал.

— У вас есть армия? Она пригодится.

— Не беспокойся о моих ресурсах. Не сомневайся, я приду подготовленным. — Пауза. — Более подготовленным, чем был ты.

Саттер вздрогнул от оскорбления. Едкая обида прожгла его насквозь, ненависть сделалась настолько ощутимой, что он почувствовал ее горечь на языке.

Он заставил себя сосредоточиться на награде — смерти Коулмана, возможности снова получить в свои руки управление «Винтер Хейвеном», даже на возможном повышении в должности самого ценного помощника генерала.

— Уверен, вы оцените важнейшие сведения, которыми я только что поделился, — сказал он.

На другом конце снова тишина.

— Я ожидаю, что буду должным образом вознагражден.

— Я вознаграждаю своих людей в соответствии с их ценностью.

Как будто Саттер уже не доказал свою ценность сотни раз. Он сжал толстые мозолистые пальцы свободной руки, представляя себе Коулмана, попавшего в его ловушку, без выхода, без спасения. Он сжимал руку в кулак, пока обгрызенные ногти не впились в

ладони.

— Это все? Я довольно занят. — Резкое замечание, до жути похожее на стиль Розамонд.

Саттер стиснул зубы. Оставалось еще кое-что, что дяде следовало знать, но Саттер не собирался говорить ничего, пока Генерал не отнесется к нему так, как он того заслуживал.

— Все, — солгал он.

Глава 36

Квинн

День девяносто пятый

Квинн вздохнула.

— Скажи мне, что мы почти закончили.

— Я стараюсь никогда не врать, — заявил Лиам.

Последний час они строили печь-ракету из шлакоблока на заднем дворе патио нового дома Бруксов на Тэнглювд- Драйв. В доме отсутствовала дровяная печь, но теперь они могли готовить еду на улице в любое время года.

Лиам сделал основание из брусчатки, взятой из чьего-то сарая. Затем требовалось уложить горизонтальный блок и поставить другой вертикально на брусчатку, а потом использовать смесь брусчатки и шлакоблока, чтобы сформировать букву «Н» сверху.

— Мы использовали печь-ракету в походах, — поделилась Квинн. — Но не такую, как эта.

Лиам рукой показал на разные части.

— Конструкция опирается на L-образный туннель, созданный в полых шлакоблоках. Порывы воздуха раздувают пламя и сжигают топливо, создавая невероятно жаркий огонь.

Лиам наклонился и указал.

— Набиваем горизонтальную трубу всем, что горит — палками, травой, даже высушенным собачьим дерьмом. Это создает ровный, почти чистый жар с небольшим количеством дыма.

Квинн укрепила «Н» последним шлакоблоком и положила сверху решетку для гриля.

— И мы закончили.

Выдался на редкость солнечный день, хотя все вокруг по-прежнему представляло собой серую мешанину из грязи и снега. Воздух бодрил, но после нескольких часов ручного труда они оба сбросили куртки и перчатки.

Лиам поморщился и потянулся, положив одну руку на поясницу.

— С тобой точно все в порядке?

Лиам скривился.

— Не тебе говорить.

Квинн пожала плечами.

— Эй, не моя вина, что ты стареешь.

Лиам фыркнул.

За шесть дней после его возвращения Квинн ни разу не видела Лиаму валяющимся в постели. Он все еще передвигался осторожно, но уже поднялся на ноги и вернулся к патрулированию с Призраком и занятиям по обучению горожан владению огнестрельным оружием и навыкам защиты.

Вчера он руководил сбором 55-галлонных бочек, хранящихся на близлежащих фермах. Сегодня Джонас и Уитни вместе с несколькими другими ребятами наполняли бочки землей,

чтобы укрепить блокпосты и баррикады по периметру города.

В случае нового нападения бочки, наполненные грунтом, послужат укрытием для защитников города.

Гулкий лай Призрака потряс воздух. Он находился в нескольких домах от них, держась поближе к Майло.

Эвелин Брукс зашила его заднюю лапу и два больших укуса. Антисептические свойства укуса подействовали, и кожа вокруг ран хорошо зажила.

Как и Лиам, пиреней должен был отдыхать и расслабляться.

Подобно Лиаму, он не делал ни того, ни другого.

Пес вернулся к своей роли опекуна и защитника Ханны, Майло и Шарлотты, никогда не покидая их, если только не патрулировал дом и окрестности каждую ночь.

По крайней мере, он оставил свои швы в покое, так что им не пришлось помещать его в «конус позора». Никто не хотел видеть, как Призрак терпит такое унижение.

После нападения собак Квинн чувствовала себя ошеломленной, словно в трансе. Она никому ничего не сказала о странных незнакомцах, с которыми они столкнулись. Или о том, кого она увидела с ними. Она попросила Майло тоже никому не рассказывать.

Саттер все изменил.

Квинн все еще обдумывала, как и что она собирается с этим делать.

Лиам вытер пот с лица тыльной стороной руки и посмотрел на нее.

— У меня есть кое-что для тебя.

Она удивленно моргнула.

— Что?

— Тебе это нужно или нет?

— Определенно, да.

Он подошел к рюкзаку, что притулился у ближайшего дерева, и достал предмет, развернул ткань, затем протянул его на ладонях.

Изогнутое лезвие ножа-карамбита Десото сверкало в лучах холодного весеннего солнца. Нож напоминал когти велоцираптора — оружие, созданное для того, чтобы разделять и обезглавливать врагов.

Квинн судорожно вдохнула. Она не видела карамбит с той ночи в сарае, когда на нее напал Десото. Тогда она почувствовала, как карамбит прижимается к ее мягкому уязвимому животу.

— Следовало давно тебе его отдать. Он больше твой, чем мой.

Квинн взяла нож почти благоговейно. Тяжесть оружия ощущалась в ее руках. Она взмахнула, и увидела, как лезвие рассекает воздух, разрезая молекулы кислорода, разделяя лучи солнечного света. Оно настолько острое, что могло разрезать человеческий волос.

— Ты должна держать его наточенным.

— Буду.

— Обращайся с ним осторожно. Это не игрушка.

Квинн посмотрела на Лиам из-под своей отросшей челки.

— Не планирую использовать его как игрушку.

Слабая ухмылка тронула его губы.

— Заботься о своем оружии, и оно позаботится о тебе.

Она кивнула, восхищаясь красотой ножа, и без раздумий поднесла руку к горлу. Синяки от драки с Десото исчезли несколько недель назад. А вот воспоминания, кошмары — они

оставались гораздо дольше.

Тем не менее в обладании ножом человека, который пытался и не смог убить ее, чувствовалось определенное удовлетворение, поэзия.

Лиам потянулся в карман и достал небольшой жесткий футляр для солнцезащитных очков. Он открыл его, достал пару таблеток аспирина и проглотил их без воды.

Квинн ткнула карамбитом на футляр.

— Что это?

— Мой повседневный набор. Он повсюду со мной. — Лиам похлопал себя по бедру. — Как и мое оружие. Я никогда никуда не хожу без своего «Гербера».

Он протянул футляр, чтобы она могла заглянуть внутрь. Вместо пары солнцезащитных очков в нем лежали мультитул, тактическая ручка из нержавеющей стали, маленький светодиодный фонарик, две зажигалки, складной нож, носовой платок с паракордом и набор отмычек.

Квинн подняла брови.

— Отмычки? В прошлой жизни ты был вором?

— Никогда не знаешь, когда тебе понадобится попасть в здание или выйти из него. Лучше быть готовым ко всему.

Она впитывала слова Лиамы, запоминая все, что хранилось в футляре. Большинство предметов она могла собрать сама, за исключением набора для отмычек, но у нее имелись шпильки для волос и скрепки. Квинн жестом указала на мультитул.

— У дедушки в мастерской, в одном из ящиков, лежал такой же.

Ее сердце сжалось при воспоминании о том, как она в пять или шесть лет сидела в мастерской на табуретке, пока дедушка показывал ей все свои инструменты и как ими пользоваться. Над ними светила единственная лампочка, воздух наполняли запахи масла, смазки и пыли.

Дедушка проводил там большую часть своего свободного времени, работая над всякими мелочами, ремонтируя кондиционер, строя курятник или устраняя утечку масла в грузовике.

Как только она перешла в среднюю школу, то потеряла интерес и редко присоединялась к нему. Ей стоило проводить с ним каждую свободную секунду.

Квинн отогнала воспоминания. Как только она вернется к себе домой, сразу же соберет свой собственный повседневный футляр. У них с бабушкой уже имелись тревожные чемоданы — Дед всегда держал один в «Оранж Джулиусе», — но он рассчитывал на день-два, проведенные в метели, а не на длительное выживание или самооборону.

Лиам захлопнул футляр и сунул его в карман. Он повернулся к ней, и с нечитаемым выражением лица спросил.

— Итак. Ты готова или нет?

Квинн подумала, что он имеет в виду строительство еще одной ракетной печи. Или колку бесконечных дров. Или, может быть, еще больше трудней за рытьем туалетов для людей в городе, у которых нет септических систем.

— Для чего?

Он уставился на нее.

— Для чего, по-твоему, ты здесь?

Она сложила руки на груди, собираясь защищаться.

— Ты привел меня сюда, чтобы еще раз поговорить?

Как будто слова могли ее исправить. Все спрашивали Квинн, все ли в порядке — Ханна,

бабушка, Бишоп. Даже директор. Они спрашивали ее о Ноа, о Розамонд.

Они смотрели на нее с жалостью, беспокойством и немного настороженно, как будто внутри нее что-то сломалось.

Проблема в том, что они не ошиблись.

Чем больше ее спрашивали, тем больше Квинн замыкалась в себе. Она чувствовала их заботу, их доброту, их любовь, но не могла впустить их в свою душу, загоняя свою боль еще глубже.

Она не хотела говорить о том, что она чувствует, убив Розамонд, или о том, как Ноа предал ее, о том, каково это — наблюдать, как друг в один момент оборачивается против тебя, а в следующий умирает.

Или о том, что она больше не узнает лицо, которое видит в зеркале.

Лиам наблюдал за ней.

— Я привел тебя сюда, чтобы научить сражаться. Ты согласна или нет?

Глава 37

Квинн

День девяносто пятый

Квинн потребовалась секунда, чтобы осмыслить слова Лиама. Волнение вспыхнуло в ее груди.

— Да, черт возьми, я согласна!

— Тогда ладно.

— Ты будешь учить меня? Тренировать? По-настоящему?

— Разве я только что не это сказал?

— Да, абсолютно. Это то, что я услышала. — Внутренне Квинн проклинала себя за то что ведет себя как полная идиотка.

Лиам смотрел на нее пристальным, испытующим взглядом, заставляя Квинн чувствовать, что он видит каждую часть ее личности, которую она отчаянно пыталась скрыть — сомнения, гнев, страх.

Она расправила плечи.

— Что заставило тебя передумать? Насчет меня?

— Думаю, ты заслужила это. Вы с Ханной противостояли суперинтенданту. Именно ты поразила цель.

Любой комплимент от Лиама Коулмана доставался с большим трудом, но вместо гордости в животе Квинн забурлила кислая тошнота. «Поразила цель». Он сказал так, словно это не более чем вынос мусора.

Если бы все оказалось так просто.

Лиам с минуту смотрел на деревья, поджав губы.

Квинн ждала.

— Теперь ты должна нести это бремя. И тебе нужно понимать, как.

— Я буду. Я смогу.

— Подумай, что собираешься броситься в следующий бой независимо от того, есть у тебя разрешение или нет. Лучше уж иметь представление о том, что ты делаешь.

Она проигнорировала намек на то, что у нее нет ни малейшего представления. По сравнению со смертоносными навыками Лиама, практически все на планете были любителями. Это ничуть не ослабило волнение Квинн.

— Я готов учить тебя, но только ты должна прикладывать усилия, тратить время, энергию, заниматься...

— Да. Я буду.

Он кивнул.

— Встречаемся здесь каждый день в шесть. Дождь или солнце. Никаких отговорок.

— В шесть вечера? — Время ужина, когда у нее сотня домашних дел, чтобы помочь бабушке...

— На рассвете.

— Нет проблем. — Она бы вставала в три утра, если бы потребовалось. Она бы вообще отказалась от сна.

— Ты перестанешь высыпаться, — предупредил Лиам, словно прочитав ее мысли.

Она одарила его лукавой улыбкой.

— Сон сильно переоценен.

Он нахмурился, как будто не одобряя, даже когда произносил эти слова.

— Ты присоединишься к городской команде охраны. Я тренирую их ежедневно с четырех до шести часов вечера в парке «Волчья прерия» у реки. Не пропускай ни одного занятия.

— Также запишись на смену для патрулирования периметра и охраны. Это значит не спать всю ночь и работать на следующий день. Это предполагает долгие часы и усталость. Ты станешь частью команды, и все члены этой команды будут зависеть от тебя. Весь город будет зависеть от тебя.

Ему важно прояснить, готова ли она к умственным и физическим нагрузкам. Она готова. Квинн знала, что готова.

Дедушка брал ее на охоту с самого детства. Она могла колоть дрова наравне со всеми, а последние три месяца каждое утро таскала 5-галлоновые ведра с водой из колодца.

Чему бы ей ни предстояло научиться, она успешно справится с этой задачей. Ее энтузиазм возрастал стремительными скачками. И так же росла ее решимость.

— Я справлюсь.

Лиам изучал ее с минуту, как бы проверяя на слабинку, на трещины в ее броне.

Квинн подняла подбородок и ответила ему прямым взглядом. Она не собиралась показывать ему ничего. Она в порядке. Абсолютно, на 100 % в порядке, в полном порядке.

— Ты уверена? Нет ничего постыдного в том, чтобы подождать еще.

Она собрала свои спутанные иссиня-черные волосы в хвост и усмехнулась.

— Уверена.

Лиам кивнул, как бы что-то решив сам для себя.

— Мы начнем с ножа. Ты уже удовлетворительно владеешь огнестрельным оружием и наработаешь навыки на групповых занятиях. Тебе нужно знать, как защитить себя, когда закончатся патроны или ты окажешься в ситуации ближнего боя. Учитывая твой недостаток в размерах и силе по сравнению с твоими противниками...

— Эй!

— Сейчас не время тешить самолюбие. Ты как выглядишь? Девчонка ростом метр с кепкой, которую сдует легкий ветерок? При любом раскладе твоими вероятными противниками будут взрослые мужчины, превосходящие тебя на сотню фунтов. Размах рук у них будет больше твоего, а значит, ты окажешься в зоне их поражения раньше, чем они в твоей. Бравата приведет к тому, что тебя подстрелят, выпотрошат и еще хуже.

Квинн сглотнула.

— Да, хорошо.

— Рукопашный бой — это последнее средство защиты. Если у тебя закончились патроны или нет доступа к оружию, насилие должно стать твоим последним средством. Понимаешь? Я не могу не подчеркнуть сказанное. Если ты можешь избежать физического столкновения или убежать, сделай это.

— Поняла.

— Я серьезно.

— Я поняла!

— Карамбит — более длинный нож, который поможет тебе. Он создает пространство, хотя с таким изогнутым лезвием его трудно спрятать. — Его глаза сузились, когда Лиам изучал ее стойку. — Колени согнуты, ноги на ширине плеч. Левая нога вперед, правая назад и под углом в положение «на три часа». Держи вес по центру бедер, чтобы сохранить равновесие и возможность нанести удар без толчка.

После целой вечности отработки правильной формы, боевой стойки и умения держать нож по сто раз каждый, Лиам взял палку длиной около фута и шириной в запястье.

— Подними левую руку, локоть согнут, ладонь ребром направлена в сторону нападающего. — Он продемонстрировал. — Сделай выпад, отталкиваясь задней правой ногой, сохраняя равновесие и концентрацию.

Квинн повторяла за Лиамом, впитывая все, изучая его движения, запоминая каждое слово.

— Понятно.

Он взмахнул палкой, как ножом, и поманил ее.

— Нападай.

— Серьезно?

Он кивнул.

— А что, если я наврежу тебе?

Уголки его рта дернулись — улыбка в исполнении Лиамы.

— Попробуй.

Квинн крепче сжала свой новый нож.

— О, не сомневайся.

Глава 38

Квинн

День девяносто пятый

Они дрались несколько часов. Лиам почти ничего не говорил, только ворчал, выражая либо недовольство, либо одобрение — в основном недовольство.

Когда он говорил, то только для того, чтобы поправить ее.

— Ноги шире. Держи равновесие. Работа ног — это половина успеха. Прячь клинок как можно дольше, а когда придет время ударить, не медли. Скорость и неожиданность играют решающую роль.

Каждый раз, когда Квинн бросалась на него, он уклонялся или отбивал ее нож в сторону. Лиам сбивал ее с ног или опрокидывал на спину простым толчком или ловким движением руки, которого она не ожидала.

— У тебя плохой захват. Возьми нож, но не слишком крепко, чтобы рука оставалась

гибкой для удара. Гибче!

Снова и снова он наносил ей легкие удары палкой по животу, груди, бедрам, подчеркивая уязвимые места, которые она оставила открытыми для атаки.

Каждый раз он говорил:

— Ты мертва.

Она бурчала «Еще раз» и поднималась на ноги.

С наступлением полудня солнечный свет потускнел, косо падал на двор, отбрасывая все более длинные тени.

— Ты каждый раз чересчур усердствуешь, — объяснял Лиам. — Когда бьешь, держи себя в руках и не перенапрягайся. Это выводит тебя из равновесия. Тебя обезоружить так же легко, как отнять конфету у ребенка.

Лиам мог сбить ее с ног сто раз сегодня, но Квинн твердо решила подняться еще сто и один раз. И в конце концов, когда-нибудь, она сама собьет его с ног.

— Твои локти разгибаются. Помни, когда ты делаешь выпад, двигай верхней частью тела, поворачиваясь в движении, держа локти близко к бокам. Все тело будет генерировать силу за счет этого крутящего момента. Проведи первое режущее движение, затем сделай режущее движение на возврате, как перевернутая восьмерка.

Она собрала всю свою злость, боль, ярость и направила их на Лиаму. Рыча от досады, Квинн бросилась на него, нанося удары, как он ее учил, с максимальной свирепостью.

— Средненькая попытка. — Он пожал плечами. — Сделай это снова.

Она так и сделала. Лиам отразил атаку и оттолкнул ее в сторону, ударив своей палкой по ее правому бицепсу.

— Ты дерешься как дикая кошка, одни зубы и когти. Никакого контроля, никакого мышления.

Она повернулась к нему лицом.

— Разве это плохо?

— Ты торопишься. Ты безрассудна. Ты сражаешься сердцем, а не головой.

— Я стараюсь.

— Старайся больше.

У нее не осталось сил, даже чтобы кивнуть.

— Будь внимательна. Следи за тем, какую жизненно важную цель нападающий оставляет открытой. Он всегда будет оставлять что-то открытым. Он будет недооценивать тебя; это единственное преимущество, которое ты сможешь получить, поэтому лучше быть достаточно хитрой, чтобы использовать его. Стремись к крупным артериям. Все, что меньше, не нанесет того ущерба, который тебе нужен.

Он указал на различные точки на своем теле.

— Сонная артерия. Из-за жесткого хряща в горле нужно резать глубоко острым лезвием. Лучше проткнуть шею насквозь и дернуть в сторону. Плечевая артерия находится в верхней части руки. Засунь нож подмышку нападающего и направь его под углом к сердцу.

Лиам изучал ее мгновение, губы превратились в тонкую линию.

— Учитывая твои размеры, против более крупного противника лучше всего использовать бедренную артерию. Старайся рассечь верхнюю внутреннюю часть бедра, здесь и здесь. Кроме того, подколенная артерия является продолжением бедренной. Бей в заднюю часть коленей, вот так. Подколенная артерия находится близко к поверхности и вызовет быструю потерю крови.

А потом они снова дрались, Квинн нападала, Лиам защищался, а потом наоборот.

Тренировка отняла у нее все силы и энергию. Обучение оттеснило тьму, по крайней мере, на некоторое время. За последние несколько часов она почти снова почувствовала себя самой собой. Почти.

После того как Лиам в двухсотый раз ударил ее по заднице, она уже не так быстро встала. На самом деле, Квинн вообще не вставала.

Она задыхалась, грудь вздымалась, легкие горели, каждая мышца ныла. На животе, торсе, руках и плечах уже расцвели синяки.

Лиам навис над ней.

— Время перерыва.

Она смотрела на прямоугольник неба над головой, облака теперь казались белыми, а не серыми, с оттенками розового, фиолетового и абрикосового, когда солнце опускалось за линию деревьев на западе. Воздух становился все холоднее, но Квинн этого не чувствовала: час назад она разделась до футболки.

— Ты теряешь внимание. — Лиам сидел на краю большого пня и проверял бинты под своей рубашкой, практически не чувствуя ветра. — Ты уже забываешь, чему я тебя учил.

— Вы собираетесь отпустить Лютера. — Слова вырвались у нее прежде, чем она успела подумать. Это не давало ей покоя с момента дурацкой встречи в мэрии.

Вчера Дейв Фаррис объявил, что завтра днем совет освободит Джеймса Лютера, изгнав его из Фолл-Крика под страхом смерти.

Ханна и Бишоп не изменяют своего мнения. Лиам, между тем, был другим. Лиам был солдатом, воином. Он делал то, что требовалось.

Если кто-то и мог изменить результаты голосования, то это он.

Лиам смотрел вдаль на деревья, его лицо оставалось невозмутимым.

— Это не мне решать.

— Черта с два. Ты спас наш город. Как скажешь, так и будет.

— Здесь не диктатура. Я даже не в городском Совете. Пока что Совет решает.

— И ты собираешься просто стоять и смотреть, как убийца остается безнаказанным?

— Если Совет так проголосует.

— Это полное дерьмо, и ты это знаешь.

Долгое время никто не говорил. Сила вернулась к ее измученным конечностям, даже когда гнев разгорелся внутри нее, горячий и опасный, как провод под напряжением.

— Тебе следовало бы его прикончить.

— Я же сказал не мне решать.

— Ты должен покончить с ним. Ты знаешь, что это правда!

— Тебя что-то беспокоит. — Лиам сказал это как утверждение, а не как вопрос. — Что-то большее, чем Лютер.

Сомнение зародилось в ее душе. Квинн почти сказала ему. Чуть не проболталась о том, что произошло после нападения собак, о странных, угрожающих незнакомцах.

И о Саттере.

Возвращение Лиамы идеально отвлекло внимание. Никто не задавал вопросов по поводу истории Квинн и Майло. Солгать оказалось легко. Возможно, слишком легко.

Чувство вины укололо ее, когда она наблюдала за Лиамом. Квинн не любила врать, и ей не нравилось просить Майло подыграть ей, но она знала, что они скажут, знала, что скажет Лиам.

Пусть взрослые разбираются с Саттером. Те, у кого больше навыков, больше опыта, кто-то больше, старше, лучше. А может, они вообще ничего не будут делать с Саттером.

Глупый городской Совет ни черта не сделал с Лютером. Они собирались его отпустить.

Она больше не могла им доверять. Она не могла доверять никому, даже собственному предательскому сердцу.

Но Квинн знала одно — она могла позаботиться обо всем сама. Она ведь убила Розамонд Синклер своими собственными руками?

Лютер все еще жив.

Саттер все еще на свободе.

Воющая боль внутри нее, страдание, пустота и отчаяние — это не закончится, пока они не окажутся на глубине шести футов.

Лютер находился под вооруженной охраной. Квинн не могла добраться до него. Как только совет отпустит его, он уйдет прочь. Далеко.

Саттер, с другой стороны...

Саттер управлял ополчением, вступил в стовор с Розамонд и посеял хаос в Фолл-Крике. Саттер убил ее мать.

Ужасные образы промелькнули у нее перед глазами: Октавия стоит на коленях на снегу перед ступенями здания суда, руки связаны, иссохшие щеки, пустые глаза. Трупы, падающие с каждым выстрелом из ружья, Саттер, держащий оружие, удовлетворенно кривящий губы, его глаза, сверкающие жестокостью.

— Квинн, — позвал Лиам.

Она чувствовала это — опасное подводное течение прямо под ногами, тьму, которая готова поглотить ее целиком. Это низкое жужжание под кожей, режущее, как тысяча бумажных порезов.

Тогда она поняла, что будет делать. Почему она не хотела никому рассказывать о том, что видела.

В ее голове возникли зачатки плана, грубые и бесформенные, меняющиеся, как масло на воде. Семя чего-то, формирующееся в жизнь.

Это исправит то, что сломалось внутри нее.

— Квинн? Ты закончила на сегодня?

Квинн моргнула, переключая внимание на Лиам, на лезвие в своей руке, на деревья, двор, дрова, сложенные у сарая.

Она могла бы проваляться неделю на холодной твердой земле. Но не будет. Предстояло сделать слишком много. Она поднялась на ноги.

Маттиас Саттер — покойник.

И она та, кто его убьет.

Не обращая внимания на мучительную боль в мышцах, Квинн выпрямилась, напрягла бедра и приняла боевую стойку.

— Ещё раз.

Глава 39

Лиам

День девяносто седьмой

Джеймс Лютер стоял в центре пустого шоссе, со связанными руками. На нем была та же одежда, которую он носил уже несколько недель, его исхудалое лицо покрывали пот и грязь.

Он стоял перед ними, вызывая и гневно.

— Вы не можете так со мной поступить!

Ханна напряглась. Сбоку от нее Призрак издал предупреждающий рык.

— Считай, повезло, что ты еще дышишь, — сказал Лиам.

С Лютером, привязанным в импровизированной тележке за велосипедом Лиам, они с Ханной проехали двадцать миль на север от Фолл-Крика, мимо местных ферм и кварталов, туда, где Напьер-авеню пересекается со Старым 31-м шоссе, рядом с колледжем Лейк-Мичиган.

Лиам просил Совет высадить Лютера в глуши в шестидесяти милях от города, чтобы затруднить его возвращение и посеять хаос, но Совет проголосовал против.

Запасы бензина сокращались до критического уровня; нужно побережь то, что осталось, для нужд и чрезвычайных ситуаций.

Слова Квинн эхом отдавались в его голове. «Ты должен прикончить его». Лиам не был уверен, что она не права — или что их сегодняшний поступок не вернется и не аукнется им.

— Куда мне идти? — воскликнул Лютер. — Никто меня не примет!

Лиам достал свой нож и разрезал стяжку, связывающую запястья Лютера.

— Это не наша проблема.

— Вы приговариваете меня к смерти!

Лиам фыркнул.

— Если бы это было правдой, ты бы уже был мертв.

— По крайней мере, у тебя есть шанс. Я предлагаю тебе им воспользоваться. — Голос Ханны звучал твердо, глаза оставались непреклонными. — Если ты вернешься, я сама тебя убью.

Лиам не сомневался, что она подразумевала каждое слово. Ханна умела сострадать, но она не похожа на мягкую снежинку.

Лицо Лютера исказилось.

— Вы сказали, что отличаетесь от ополченцев.

— Мы отличаемся.

— Но ты такая же неверная? Лгунья и обманщица. Ты поклялась. Дала мне слово.

Ханна поморщилась, но ее подбородок остался поднятым.

— Я не святая. И никогда не говорила этого.

Лютер смотрел на Ханну так, словно поверил ей настолько, насколько мог, но он сейчас не в том положении, чтобы спорить. У него ничего нет, и он это знал.

Он должен молить их о милосердии, хотя не заслуживал ни унции доброты Ханны.

— Еще раз заговоришь с ней в таком тоне, и пойдешь отсюда со сломанной рукой, — заявил Лиам. Обещание, а не предупреждение.

Лютер сдулся.

— Просто позаботьтесь о моем отце. Ты обещала сделать это. Или твое слово совсем ничего не стоит?

— Оно не бесполезно, — отозвалась Ханна.

— Не наказывай его за мои поступки. Пожалуйста. — Его голос надломился на слове «пожалуйста», в глазах появился намек на отчаяние. — Может, я и несу ответственность, но он — нет.

— Я обещаю, что позабочусь о твоём отце, — сказала Ханна с доброжелательностью и мягкостью, которые удивили Лиам, хотя и не должны были.

Он поражался ее великодушию. Проявление доброты перед лицом ненависти свидетельствовало о силе и мужестве, а не о слабости. Ненависть — это самый легкий путь, но не без серьезных издержек, что Ханна понимала лучше других. Лиам тоже.

Ее сострадание вызывало еще большее восхищение, учитывая ад, который она пережила. Большинство людей сломались бы душой, телом и духом. Те немногие военнопленные, которых он знал, подвергшиеся пыткам в руках ИГИЛ или Аль-Каиды, представляли собой оболочку себя прежних.

Лютер поджег дом Ноа, в котором все еще находился Майло. Кто бы осудил Ханну, если бы она повесила его на ступеньках здания суда и оставила тело гнить?

Лиам и сам подумывал поступить именно так.

Лютер принялся говорить, но Лиаму надоело. Он и так проявил слишком много терпения — ради Ханны, а не ради этой пустой траты кислорода.

— Уходи, пока у тебя еще есть шанс.

Твердость в голосе Лиама остановила Лютера. Не говоря больше ни слова, он повернулся и пошел на юг, сторбив плечи, словно его синий камуфляжный рюкзак нес на себе тяжесть всего мира, а не припасов, которыми снабдил его Фолл-Крик: двухдневный запас еды и воды, смена одежды, брезент, карта и маленький перочинный ножик, спрятанный на дне.

Совет проявил гораздо больше доброжелательности, чем Лиам.

Лиам и Ханна смотрели, как он начинает долгий путь туда, где окажется, и его темная форма исчезает на мрачном горизонте. Их дыхание струилось в воздухе раннего утра. Туман, словно ленты, стелился по бесплодным деревьям, окутывая все серой дымкой.

Призрак, который оставался рядом с Ханной во время разговора, рысью направился к краю шоссе, приюхиваясь к тающему снегу, в поисках чего-нибудь интересного на завтрак.

Лиам держал правую руку на прикладе своего «Глока», пока Лютер не скрылся из виду. Не раз он испытывал искушение достать свой длинноствольный пистолет и положить конец этому нелепому эксперименту еще до его начала.

Вместо этого он достал из рюкзака бинокль и изучил местность.

Он чувствовал Ханну рядом с собой, как чувствовал ее всегда, даже когда она находилась в соседней комнате, даже когда уходила за много миль.

Ее плечи напряглись, позвоночник застыл. Лиам видел борьбу на ее лице.

Его голос смягчился.

— Мы не могли позволить ему остаться.

— Знаю. — Она вздохнула. — Но мы дали ему слово.

— Ситуации меняются. Мы сделали то, что должны были сделать, чтобы победить.

— Я понимаю умом, но чувствую, что этого недостаточно.

— А если бы мы позволили ему остаться в Фолл Крике? Дали бы ему дом и сделали постоянным членом общества? Что бы произошло?

Несмотря на то, что Ханна понимала всю важность ситуации, Лиам все равно задал этот вопрос. И она все равно ответила. Произнесенные вслух слова как-то придавали им обоим уверенности.

— Мы никогда не смогли бы ему доверять. Его команда убила невинных людей; нажал ли он сам на курок — не имеет значения. Семьи погибших хотят справедливости и мести. Пока он остается в городе, насилие и смерть будут следовать за ним. Мы пытаемся объединить Фолл-Крик, а его присутствие только разделит нас.

— Ты сделала все, что могла, в трудных обстоятельствах. Лютеру лучше поверить в свои счастливые звезды, потому что его голова все еще прикреплена к телу. Насколько я понимаю, он легко отделался.

Ханна повернулась к нему лицом, сомнение затаилось в ее глазах.

— Порой я не знаю. Верно ли мы поступаем. Не жертвуем ли мы слишком многим, чтобы поступить правильно. Или же подвергаем всех риску, совершая серьезную ошибку во имя чести.

— Оставив его в живых.

Она кивнула.

— И другие вещи.

Он почесал подбородок и тяжело вздохнул.

— Вот в чем загвоздка. Это балансирование. Как пройти по краю ямы, не упав в нее, и не став монстрами, с которыми мы сражаемся. Надеюсь, на этот раз у нас все получилось.

— Правда?

Он перевел вопрос в ее адрес.

— А ты как думаешь?

— Возможно. — Ханна прищурилась, прикусила нижнюю губу. — Кажется, да. Его отец здесь. Он не может взять отца с собой, потому что тот болен и ему нужен кислород. Поэтому единственный способ, чтобы его отец остался жив, это если мы позволим ему остаться и позаботимся о нем. Если Лютер вернется по какой-либо причине, он поставит под угрозу благополучие единственного человека, о котором заботится больше, чем о себе.

Три месяца назад Лиам всадил бы пулю в череп Лютера, не задавая вопросов и не получая разрешения. Три месяца спустя он изменился: в душе он по-прежнему оставался солдатом, но теперь понимал желание Ханны добиться большего, чем насилие и возмездие.

Он тоже хотел этого. Жить ради чего-то большего. Быть чем-то большим.

— Я доверяю твоим суждениям, Ханна. — Лиам понял, что действительно доверяет. Ханна умела читать людей. Возможно, даже лучше, чем он, поскольку Лиам предполагал худшее в каждом, видел злой умысел там, где она видела разочарование, боль, ошибки. Отношения и люди, способные к искуплению.

— И я доверяю тебе. Мы должны делать трудные вещи, даже те, которые заставляют нас немного ненавидеть себя. — Она лукаво улыбнулась. — Но только немного.

Ханна задрожала. Лиам сопротивлялся желанию обнять ее за плечи и притянуть к себе. Сейчас неподходящее время. Он не представлял, когда оно наступит.

Мысли Лиамы вернулись к той ночи, когда он вернулся, и Ханна держала его за руку. Тогда в ее лице читалось беспокойство, паника и что-то еще — то, что Лиам так хотел увидеть, но не верил, что это реально. В конце концов, от боли он перестал соображать, и даже бредил.

Прежде чем он успел сказать то, что у него накопилось в сердце, она выбежала из комнаты. Они так и не поговорили об этом. Может быть, ему все привиделось.

Они направились обратно к велосипедам, прислоненным к ограждению. Лиам сдержал дрожь. Его поясница постоянно горела, но к старым болям добавились новые.

В него уже стреляли, но эта рана заживала не так быстро.

Может быть, дело в отсутствии первоклассного медицинского обслуживания, а может быть, он просто старел: три десятилетия, потраченные на то, чтобы довести свое тело до предела, настигли его. В конце концов, всегда приходится платить.

Ханна бросила на него обеспокоенный взгляд.

— Ничего страшного.

— Я знаю, что мне не нужно читать тебе нотации. Эвелин прекрасно справляется с этой ролью, полагаю.

Лиам наполовину улыбнулся, наполовину скривился.

— Это точно.

Эвелин и Тревис освоились в Фолл-Крике, как он и предполагал. Они были крепкие, не добрые и щедрые, как Джесса. Эвелин прекрасно ладила с Молли, ее не пугал колючий характер старухи. Ее не пугал никто другой, даже Лиам.

Поскольку Эвелин работала медсестрой в отделении скорой помощи, она взяла на себя руководство медицинской клиникой, а Ли выполнял вспомогательные функции. Тревис ухаживал за ЭлДжеем и вместе с Аннет разрабатывал план по возобновлению обучения детей: обычные уроки математики, естественных наук и иностранных языков, дополненные тренингами по обращению с оружием, приготовлению пищи и навыкам выживания.

Когда они подошли к велосипедам, Ханна заколебалась.

— Если ты хочешь массаж сегодня вечером, чтобы снять боль... я свободна после ужина.

Как же Лиаму не хватало близости Ханны, ее дыхания на шее, ее сильных и умелых рук, разминающих боль в его избитом теле.

— Хочу.

Она прикусила нижнюю губу.

— Ладно. Хорошо. Сегодня днем Дейв, Бишоп и я помогаем Альберту Эдлину и еще нескольким фермерам разработать план на сезон посадки. Я имею в виду, уже апрель. Можешь поверить? Я ничего не знаю о фермерстве, но, думаю, мы все учимся. Это должно быть весело.

— Твое определение «веселья» сильно отличается от моего.

Она улыбнулась.

— Конечно, то, что делаешь ты, вот это настоящее веселье.

Он не спешил садиться на свой велосипед. Не хотел отпускать ее.

— Ну, вроде того. Завтра утром мы с Бишопом отправляемся в Стивенсвилл, чтобы проверить атомную электростанцию. Лютер утверждал, что там расквартировано подразделение Национальной гвардии. Возможно, у них есть какая-то информация для нас. По крайней мере, они должны знать, как обстоят дела в регионе.

— А еще я хочу проверить информацию Общественного альянса, увидеть своими глазами все эти разрушения имущества. Нам нужно знать, с чем мы можем столкнуться. — Лиам заколебался. — Хочешь отправиться с нами? Уверен, Молли не откажется немного присмотреть за Шарлоттой и Майло.

Улыбка Ханны затмила солнце.

— Хочу.

Глава 40

Квинн

День девяносто девятый

Квинн прокралась за угол кирпичного здания и заглянула в массивный склад, расположенный в стороне от дороги. Его площадь достигала двух-трех сотен тысяч

квадратных футов, четырехэтажные стальные стены имели шиферно-черную металлическую крышу.

К складу примыкали еще два строения: большой офисный комплекс из стекла и кирпича и производственный цех, где изготавливались холодильники, плиты и посудомоечные машины. Несколько грузовых полуприцепов загромождали огромную парковку, их двери стояли раскрытыми, мусор, пластик и картонные коробки валялись повсюду. Это и есть штаб-квартира «Вортекс».

Ксандер Торн сказал, что будет здесь. А значит, и Саттер тоже.

Ей потребовалось несколько часов, чтобы добраться на север до окраины Сент-Джо, недалеко от соседнего города Бентон-Харбор. Двадцать миль на велосипеде, но эти мили таили в себе опасность.

Она столкнулась с несколькими попытками устроить засаду, но прислушалась к предупреждающим знакам, прежде чем подойти слишком близко. Прошлой ночью выпало немного снега, и тонкий налет белой пыли выдавал осторожные шаги вдоль обочины, автомобили, стоящие под углом к дороге.

Она внимательно следила за окружающей обстановкой, как учил Лиам, говоря, что умение ориентироваться в ситуации не даст погибнуть.

Квинн планировала остаться в живых.

Ее одолевала тревога. Теперь, когда она оказалась здесь, Квинн не знала, как действовать. Просто подойти и объявить о себе? Выкрикнуть о своем присутствии, пока кто-нибудь не пристрелил ее, случайно или по другой причине?

Она задрожала и затянула шарф на шее, сгибая пальцы в перчатках, чтобы согреться.

Если судить по расположению солнца высоко в небе, уже полдень, около пяти градусов, но резкий ветер резал лицо и пробивался сквозь куртку и джинсы.

Она заметила движение перед зданием, но до него еще слишком далеко. Чего бы Квинн не отдала за бинокль.

Она собрала все, что ей могло понадобиться, в свой рюкзак. Она использовала школьный рюкзак, откуда высыпала скомканные тесты по алгебре, потрепанные учебники, карандаши и ручки, ластик, фантики от конфет и калькулятор.

Сколько перемен могут принести несколько месяцев и ЭМИ, уничтожающее мир.

Теперь рюкзак наполнился спасательным майларовым одеялом, свежими носками и бельем, запасными патронами к «Беретте» и рогатке, едой на два дня, фильтром для воды и бутылкой с водой, компасом и бумажной картой Юго-Западного Мичигана, которую она нашла в мастерской дедушки.

Карамбит она держала на поясе под двумя свитерами и курткой, а пистолет — в кобуре на бедре.

Для ежедневного ношения она использовала футляр для солнцезащитных очков, как и советовал Лиам — он прятался в одном кармане куртки на молнии, а в другом лежала ее верная рогатка.

Винтовка 22 калибра служила частью ее прикрытия. Она сказала бабушке, что собирается на охоту, переночует у Уитни, а следующий день проведет с Уитни и Джоном, наполняя грязью бочки. Бабушка разрешила Квинн остаться на две ночи у Уитни, что само по себе невиданно.

Бабушка смотрела на нее так, словно она могла сломаться, как на загадку, с которой не знала, что делать. Возможно, она даже обрадовалась, что сможет отдохнуть от внучки

несколько дней.

Это давало Квинн от сорока восьми до семидесяти двух часов, прежде чем кто-то заметит ее отсутствие.

И вообще, бабушку отвлекали новые знакомцы — Эвелин и Тревис Брукс. Квинн старалась не чувствовать себя обиженной или ревнующей и потерпела фиаско.

В конце концов, почему у бабушки не должно быть друзей, жизни отдельно от Квинн? Должны. Квинн хотела этого для нее.

И все же, ускользнуть оказалось так легко, слишком просто, как выбросить старый свитер, который больше не нравился. Словно она уголек, который в одну секунду вспыхивает — есть, а в следующую исчезает.

Нельзя так просто уйти из собственной жизни.

Надев куртку и рюкзак и открывая входную дверь, она все ждала, что сейчас начнется бой. Бабушка разгадает ее уловку и набросится на с нотациями, указующими перстами и язвительными выражениями — последнее с ее стороны, не с бабушкиной.

Но этого не случилось. Тор и Локи обвилились вокруг ее ног, жалобно мяукая, пока бабушка бормотала проклятия по поводу отсутствия наполнителя для кошачьего туалета, а затем Квинн закрыла дверь и спустилась по ступенькам к месту, где ее ждал велосипед, прислоненный к бесполезному почтовому ящику.

Ей хотелось заехать к Майло, но она устояла. Майло, как никто другой, знал ее лучше всех. Кроме того, он знал ее секрет.

Не то чтобы она не планировала возвращаться. Она планировала. Она вернется.

Порыв холодного воздуха ударил ее как пощечина. Приготовившись, Квинн перевела дыхание и сунула одну руку в карман, нащупав знакомую и удобную рукоятку рогатки.

«Ты еще можешь повернуть назад», — прошептал голос в ее голове.

Сесть на велосипед и проехать двадцать миль обратно в город, отправиться к Джонасу и Уитни, как и собиралась. Или, может быть, она вернулась бы домой: огонь в дровяной печи, бабушка готовит свой знаменитый чили и кукурузный хлеб, кошки лежат вокруг Призрака. Ханна и Майло сидят за столом с Шарлоттой.

Дома тепло, уютно и правильно, как и должно быть.

Нет, не совсем. Ноа там больше нет.

Потому что Ноа мертв.

Она закрыла глаза, когда приятная сцена сменилась кровью, криками и смертью. Темная сосущая энергия окружила ее, превратив сердце в черную дыру.

Назад дороги уже нет. Пока она не доведет дело до конца.

Справа от нее послышался звук шагов по бетону.

Квинн открыла глаза и обернулась, сердце бешено колотилось.

Пять человек вышли из-за здания справа. Семь или восемь других появились слева. Несколько человек несли в руках мечи, копья и топоры.

Два дробовика направлены прямо на нее.

С противоположной стороны японо-американская девушка, одетая в черное, с завязанными в косичку волосами, направила АК-47 в лицо Квинн. На ее бедре висел нож для колки льда.

— Ты забрела слишком далеко от дома, девочка.

Адреналин подскочил, Квинн потянулась за пистолетом, но поняла, что уже слишком поздно. Всегда держи оружие под рукой, говорил Лиам. Ошибка номер один.

— Не-а. — Девушка прищелкнула языком. — Не думаю. Руки вверх.

Повинуясь, Квинн подняла обе руки. Она заставила себя не показывать страха, унять дрожь в голосе.

— Я здесь ради Ксандера Торна. Он сказал, что вы остановились именно здесь.

Глаза девушки сузились.

— И что?

— Я хочу присоединиться к вам. — Ее голос прозвучал в тишине, отражаясь от бетона, стали и стекла. Целый город заброшенных зданий. — Я хочу стать одной из вас.

Группа не двигалась, не опускала оружия, выражение их лиц оставалось мрачным, в глазах не отражалось ничего, кроме настороженной подозрительности.

Высокий, коренастый парень с угловатым лицом указал подбородком угрюмому подростку с самурайским мечом.

— Иди и приведи Ксандера.

Несколько напряженных мгновений прошли в абсолютной тишине. Ветер шумел вдоль стен зданий. Мусор метался по бетонным тротуарам и асфальтовой парковке, пластиковые пакеты цеплялись за некогда ухоженные кусты.

Вокруг царила пустота и заброшенность, если бы не вооруженные убийцы, окружавшие ее.

Ладони Квинн стали влажными, во рту пересохло. Она не сводила глаз с девушки с косичками, ее палец поглаживал спусковой крючок АК, словно ей не терпелось нажать на него.

— Назови мне причину.

Квинн не успела.

Глава 41

Квинн

День девяносто девятый

Позади нее послышались шаги, но Квинн не осмелилась оглянуться.

— Ты пришла! — раздался громкий голос.

В поле ее зрения появился Ксандер Торн. Два его дружка, тощий прыщавый паренек с арбалетом и гигант с булавой, шли по бокам от него.

Он велел ей:

— Опустит руки. В этом нет необходимости.

Квинн опустила руки и позволила им повиснуть по бокам. Ее ноги напоминали спагетти.

— Спасибо.

Ксандер был одет в ту же одежду, что и неделю назад. В ноздри ударила вонь немытого тела. Они все были грязные, засаленные и вонючие. Она постаралась не скривиться.

— Долго же ты тянула. Я полагал, что ты уже не придешь.

— А я думала, что могла разминуться с вами, — выдавила она. — Боялась, что опоздала.

— Мы собирались отправиться в Стивенсвилл, чтобы заправиться и двинуться в путь, но Аксель и Макс заболели, так что нам пришлось задержаться еще на несколько дней. Тебе повезло. — Он заглянул ей за спину, его лицо скривилось. — Где твой пес?

Квинн сглотнула. Ошибка номер два. Которую лучше исправить, и побыстрее.

— Он не выжил. После нападения одичавших собак он был слаб, а вчера нас окружила

банда, и... — Она замолчала, в ее глазах появились слезы. Из-за ветра, дувшего ей в лицо, сделать это оказалось довольно легко.

Ксандер выругался.

— Проклятье!

— Но я здесь, — заявила Квинн. — Хочу присоединиться к вам.

Он нахмурился.

— Я хотел этого пса.

— Что мне нужно сделать, чтобы завладеть подобным оружием? — спросила она, пытаясь отвлечь Ксандера.

Его хмурое лицо прояснилось, и он резко рассмеялся.

— Мне нравится твой энтузиазм. У меня хорошее предчувствие на твой счет. Пойдем, я покажу тебе все вокруг. — Он указал на остальных членов своей группы, которые опустили оружие. — Мы собираемся взорвать твой разум, девочка. Взорвем его полностью.

Квинн последовала за Ксандером, когда они, обогнув пару небольших офисных зданий, добрались до огромного склада.

Внутри было темно, огромное здание тускло освещалось высоко расположенными промышленными окнами. У нее возникло ощущение громадного пространства, когда она увидела длинные проходы и массивные стеллажи, возвышающиеся над ней на два или три этажа и уходящие вдаль.

Груды строительных лесов, пучки проводов, металлические скобы и прочий хлам выстроились вдоль стен. Вилочные погрузчики горбились, как бесшумные механические звери. За стеллажами находился перерабатывающий комплекс с погрузочными площадками и доками для грузов, которые никогда не будут отправлены.

На складе пахло чем-то несвежим, возможно, гниющей едой из холодильника в комнате отдыха. По углам висели огромные паутины, а бетонный пол устилала кучи листьев и мусора.

Здесь уже царила пыльная, заброшенная, пустынная атмосфера, их шаги и голоса отдавались эхом, как в каком-то древнем заброшенном соборе.

Группа из двадцати человек вошла на склад через одну из погрузочных площадок и направилась к ним, за ней последовали еще пятнадцать человек из бокового офиса. Еще сорок человек толпились в центре, опираясь на поддоны или сидя на стульях, которые они вывезли из кабинок и офисов.

Куда бы она ни посмотрела, людей появлялось все больше. Как термиты. Или крысы. Это приводило в замешательство.

Ксандер обошел группу, представляя их всех, но кроме Тарела и Джетта, которых Квинн помнила с первой встречи, и Далии, приткой девчонки с косичками, она не могла запомнить ни их имен, ни лиц.

Ее волновало только одно имя. Одно лицо.

А вот и он. Стоял в стороне, самый старший из группы и самый большой. Здоровый и грузный, его лысая голова блестела, темные сверкающие глаза смотрели прямо на нее.

Голос Ксандера затих. Парни и девушки, окружавшие ее, оскаленные, вооруженные до зубов — они растворились в пространстве.

Квинн остановилась, прижавшись к бетону. Страх сжимал ее грудь, и она не могла пошевелиться: его взгляд остановился на ней, притягивая как маяк.

Двадцать пять футов между ними. Вот и все.

Ксандер ткнул большим пальцем в Саттера.

— Это Тедди, наш нынешний повар и общий раб. Он работает над тем, чтобы завоевать наше расположение.

— Полагаю, его имя подразумевает иронию, — выдавила она.

Ксандер жестко рассмеялся.

— Ты за словом в карман не полезешь. Мне это нравится! Здесь все зарабатывают себе имена. Как коренные американцы, верно? Пока они их не заработают, они либо сохраняют свои старые имена, либо мы даем им любые прозвища, какие захотим. Но ты права. Тедди хреново готовит, но он удивительно хорош в убийстве людей.

Квинн и Саттер уставились друг на друга. В его движениях, в его взгляде мелькнуло что-то расчетливое. Зловещее. Смертоносное.

Ее нервы сдавали по мере того, как проходили секунды. Целую напряженную, пронизанную страхом минуту Квинн ждала, что он что-нибудь скажет, раскроет ее истинные мотивы.

Эти уроды обратились бы против нее в одно мгновение. Они разделают ее на сотню кусочков, прежде чем она приблизится к Саттеру на расстояние ярда.

Саттер не дурак, он знал, зачем она здесь. Но если он выведет ее на чистую воду, это разрушит историю прикрытия, которую, должно быть, он тоже придумал. Она знала, что у него есть цель; он не стал бы подчиняться банде убийц-бездельников без причины.

Саттер ничего не сказал и не сделал, его глаза и стиснутые челюсти выдавали узнавание и гнев. Острый взгляд обещал страдания.

Квинн, не дрогнув, вернула ему взгляд, пообещав собственное возмездие.

Она подумала о том, чтобы броситься на него, достать «Беретту» или спрятанное лезвие карамбита. Может быть, она успеет добраться до него до того, как Ксандер вонзит меч в ее позвоночник. Может быть, она успеет ударить Саттера, прежде чем он задушит ее голыми руками, но ей не удастся спастись.

Квинн не собиралась жертвовать собой ради таких, как Маттиас Саттер.

Она собиралась убить его. А потом свалить.

Ей придется быть осторожной. И умной.

Игра стала для нее опасной, где добыча была одновременно и хищником, и они оба знали, что охота продолжается.

Саттер улыбнулся ей, как кот, готовый проглотить канарейку.

Квинн не канарейка. Она улыбнулась в ответ.

Не обращая внимания, Ксандер с победным улюлюканьем поднял кулак в воздух.

— Добро пожаловать, новобранец! — Он кружился, почти задыхаясь от радости, вытянув руки к высокому потолку над ними, с длинным мечом в одной руке и средневековой секирой в другой. — Добро пожаловать в новый мир!

Глава 42

Ханна

День девяносто девятый

— Мы на месте, — донесся голос Бишопы с заднего сиденья.

Ханна напряглась, когда Лиам вывел «Оранж Джулиус» на дорогу, ведущую к атомной электростанции Кука в Стивенсвилле, всего в четырнадцать милях от Фолл-Крика.

На удивление, на проходной находился человек, ворота стояли закрытыми. За высокой

оградой из бритвенной проволоки находилось несколько больших бетонных зданий. Два огромных бетонных цилиндрических купола возвышались над коричневым прямоугольным строением. За станцией блестела голубая полоска озера Мичиган.

Лиам положил свой М4 на сиденье рядом с Ханной, чтобы не нагнетать обстановку, но его правая рука лежала на «Глоке» у бедра.

— Смотрите в оба. Будьте начеку.

Они были напряжены, нервы на пределе. Хотя по пути сюда их компания не столкнулась ни с одной опасностью, угроза таилась повсюду.

В это утро Флинн связался с Бишопом по радио, кипя от ярости. Две теплицы в Коломе оказались разрушены. Виноградник в Давагиаке вырубил и растерзали в клочья, и два фермера, пытавшиеся защитить свою собственность, заплатили за это самую высокую цену.

Лиам приказал жителям Фолл-Крика оставаться в пределах периметра и организовать регулярные патрули, чтобы проверять фермы за чертой города. Майло и Шарлотта перебрались в новый дом Бруксов вместе с Молли, а Рейносо и Перес руководили городскими группами безопасности. Ханна же чувствовала себя в безопасности, когда рядом с ней Лиам.

Сейчас она наблюдала через лобовое стекло, как из сторожки вышел одетый в военную форму солдат с М4 в положении низкой готовности.

Он подошел к грузовику и взмахнул стволом.

— Всем выйти. Покажите мне ваши руки.

Они вышли из машины, как приказано. Лиам и Бишоп подняли руки, длинная винтовка Лиамы все еще оставалась в грузовике. Ханна подняла руки, заставляя себя разжать скрюченные пальцы.

Сильный ветер трепал ее волосы и одежду. Так близко к озеру Мичиган воздух нес бодрящие запахи свежей воды, песка и рыбы. Несколько чаек пронесли над головой, крича и попискивая.

— Мы друзья! — заявил Бишоп. — Наш товарищ, Дейв Фаррис, говорил с одним из инженеров о нашем визите, Ямини Варма.

Солдат кивнул.

— Она рассказала нам. Мне все еще нужно посмотреть ваши документы.

У Ханны больше не было водительских прав, хотя Лиам и Бишоп все еще носили свои бесполезные бумажники по привычке. Ханна затаила дыхание, но солдат разрешил им пройти пешком. Они проскользнули за ворота, и он направил их к большому коричневому зданию справа.

Автофургоны и туристические трейлеры заполнили парковочные комплексы. Повсюду стояли тент-палатки, навесы, столы для пикника и десятки походных стульев вокруг костровищ.

Сушащаяся одежда висела на бельевых веревках, натянутых между автомобилями. Дождевые бочки рядом с несколькими фургонами собирали воду для питья и купания.

К ним шла невысокая фигуристая индианка лет сорока в сопровождении двух национальных гвардейцев, которым на вид не дашь и двадцати. Ее волосы были собраны в пучок, движения резкие и уверенные, густые брови изогнуты над умными глазами.

Она протянула руку.

— Я Ямини Варма. Спасибо, что приехали.

— Вы здесь главная? — спросил Бишоп.

Она одарила их усталой улыбкой.

— Как ведущий инженер-ядерщик, я полагаю, вы можете так сказать, хотя мы все подчиняемся нашим друзьям из вооруженных сил.

Два охранника сели на скамейку в нескольких ярдах от них, наблюдая за происходящим и в то же время предлагая уединение.

— Вы здесь живете? — спросила Ханна, хотя ответ, итак, очевиден.

Ямини рукой указала в сторону парковки.

— В день коллапса мы сразу все поняли. Большинство инженеров собрали свои семьи, привезли фургоны и устроили лагерь. Мы знали, что нам придется работать круглосуточно, а на дорогу домой уйдет много топлива, не говоря уже об опасностях открытой дороги. Когда губернатор направил подразделение гвардии для охраны станции, у нас появилось еще больше причин остаться. Здесь безопасно. Или настолько безопасно, насколько это вообще возможно в ближайшее время.

— Как там реакторы? — спросил Лиам, а затем рассказал о ядерной «горячей зоне», о которой он слышал в Иллинойсе.

Ханна смотрела на реакторы-близнецы, и в горле у нее пересохло. Она не могла представить, какие ужасы пережили эти бедные люди. Насколько близко Юго-Западный Мичиган подошел к той же ужасной участи?

Ямини потеряла глаза, качая головой.

— Как страшно. Этого не должно было случиться. Все американские атомные станции способны выдержать отключение станции с нулевым повреждением активной зоны. Аварийные дизели запускаются автоматически, стимулируя автоматическую безопасную остановку станции — управляющие стержни опускаются в активную зону, вода закачивается в реактор для снижения нагрева. Топливо заключено в первичную и вторичную оболочку, разработанную для противостояния потенциальному расплавлению активной зоны.

Она махнула рукой в сторону реакторов.

— В нашем случае автоматическое защитное отключение — или SCRAM — сработало правильно, хотя потребовалось ручное управление. Каждый реактор имеет несколько дизельных двигателей размером с локомотив в качестве резервных. Хотите, верьте, хотите нет, но многие станции обязаны иметь дизельного топлива для работы генераторов только на семь дней. Здесь у нас имелось на тридцать дней. Конечно, нам требовалась непрерывная подача, чтобы продолжать операции по охлаждению.

— Значит, пока у вас есть топливо, реакторы в безопасности? — спросила Ханна.

Ямини кивнула.

— Лансинг все еще снабжает нас — пока что. Но даже если топливо закончится, реакторы достаточно долго охлаждались, чтобы избежать расплавления. Защитные сооружения удержат любую радиацию от утечки. Мы в первую очередь заботимся о поддержании станции, чтобы она снова начала работать, когда придет время.

— Если станции все еще работают, то в чем проблема? — спросил Бишоп. — Что нам нужно для возобновления подачи энергии, по крайней мере, на местном уровне?

— Дело не столько в самой станции, сколько в трансформаторах. Каждый трансформатор весит четыреста тонн, его строительство занимает два года и стоит семь миллионов за штуку, плюс-минус миллион. Так что много их не стоят без дела.

— Не говоря уже о том, что они производятся почти исключительно за границей. Для них требуется зернисто-ориентированная электротехническая сталь или электротехническая

сталь, которая представляет собой ферритные сплавы кремния и железа с магнитными свойствами, увеличивающими электрическое сопротивление, критически важный компонент в трансформаторах.

— Почему бы нам не производить эту сталь самим? — спросил Бишоп.

— Насколько я знаю, в США есть только один производитель, который вообще выпускает сталь специального класса. Там много всего, но в принципе, мы могли бы сами производить достаточное количество электротехнической стали, но только для того, чтобы построить дополнительные заводы по производству стали, потребуется десятилетие. Контракты на производство трансформаторов достаются тому, кто предложит самую низкую цену. Угадайте, кто может проявить агрессию и перебить цену любой американской компании? За последнее десятилетие восемьдесят пять процентов новых трансформаторов для коммунальных служб поставлялись из-за рубежа.

Ханна и остальные замолчали на минуту, пытаясь осмыслить сказанное.

Ямини махнула рукой в сторону атомной станции.

— Это также вопрос масштаба. Американская энергосистема состоит из более семисот объектов электроэнергетики, более семисот тысяч миль высоковольтных линий электропередач, пятидесяти шести тысяч подстанций и более шести с половиной миллионов миль местных линий.

— Теперь представьте, какой ущерб ЭМИ нанесло каждому элементу этой невероятно сложной и запутанной сети. Без заводов и нефтеперерабатывающих предприятий мы не сможем производить миллиарды деталей и частей, необходимых для того, чтобы вернуть целую страну в строй.

Ханна кивнула, не в силах постичь огромную, сложнейшую задачу, стоящую перед Америкой. Это казалось невозможным.

Выражение лица Лиама ожесточилось.

— Значит, это правда. Речь идет о годах.

Ямини кивнула.

— Боже, помоги нам. — Бишоп покачал головой. — Я понятия не имел. Честно говоря, я едва знал, что такое ЭМИ до коллапса. И уж точно не понимал масштабов разрушений. Подумать только, то, что большинство людей не может даже постичь, поставило Америку на колени.

— Недостаточно официальных лиц серьезно отнеслись к угрозе ЭМИ, — добавила Ямини. — Некоторые посмотрели на Хиросиму и Нагасаки, испытавших электромагнитные импульсы из-за ядерных бомб, и решили, что развитая индустриальная страна с населением в триста двадцать восемь миллионов человек может восстановиться так же быстро, как два города в 1940-х годах.

— Проблема в том, что с тех пор технологии развивались скачками. Электричество играет важнейшую роль в каждом аспекте нашей жизни — на работе, дома, в наших автомобилях, компьютерах и телефонах. Поскольку использование микроэлектроники с постоянно растущей чувствительностью к ЭМИ стало повсеместным, наша уязвимость возросла.

Несколько ворон сгрудились на ветке, черные на фоне серого неба и коричневых деревьев. Воробьи порхали тут и там. Белка сидела на куче снега и болтала сама с собой.

Ханна задрожала и обхватила себя руками. На что будет похожа эта страна, когда наконец-то зажжется свет? Узнает ли ее кто-нибудь?

— И вот мы оказались здесь, — сказала Ханна.

— И вот мы здесь. — Ямини взглянула на часы. — Если позволите, у меня есть дела, но я полагаю, что капитан нашей гвардии тоже хочет поговорить с вами. Я скоро проведу для вас экскурсию. Во всяком случае, надеюсь, я оказалась полезной.

Она подняла голову и встретилась взглядом с каждым из них, ее улыбка была искренней.

— Еще раз спасибо, что заглянули. Нам пришлось пережить трудное и одинокое время, но приятно знать, что жизнь продолжается и за этими воротами. Это дает нам надежду.

Бишоп пожал ей руку.

— Надежда — это то, в чем мы все очень нуждаемся.

Глава 43

Ханна

День девяносто девятый

— Неужели это та уродливая рожа, о которой я думаю? — крикнул кто-то.

Человек в форме отделился от группы национальных гвардейцев, патрулирующих ограждение по периметру, и бегом направился к ним.

Лиам нахмурился, когда гвардеец приблизился.

— Может, и так. Но ты старше и уродливее, как я помню.

Мужчина откинул голову назад и от души рассмеялся. Ему было около сорока лет, в военной форме, с сединой в коротких черных волосах. Сложенный как пожарный гидрант, он был невысоким, но мускулистым, с большим носом, густыми бровями и широкой добродушной улыбкой.

Глаза Лиама засветились, на его суровом лице появилось приятное удивление.

Ханна посмотрела на них.

— Я так понимаю, вы знакомы.

— К сожалению, — язвительно ответил Лиам.

— Мы знали друг друга, с тех пор как были молодыми и красивыми, — уточнил гвардеец.

— Я уверен, что ты никогда не был красавцем.

Солдат снова рассмеялся, тепло и дружелюбно. Он понравился Ханне. У него было привлекательное лицо — суровое и обветренное, но открытое и доброе.

Лиам ткнул в него большим пальцем.

— Это капитан Чарли Гамильтон из престижных армейских рейнджеров. Вместе с ним я выполнял несколько заданий в Сирии и Иране. Потом мы какое-то время тренировались с ним в Форт-Беннинге. — Он оглядел капитана с ног до головы, прищурившись, но в его глазах не отразилось ни капли злобы. — Смотрю тебя снова пристроили к делу.

— Я думал, что сбежал, — весело сказал Гамильтон, — но меня вернули на службу после Коллапса, чтобы присматривать за этим молодняком. Как по мне, так они не больше, чем мальчишки. — Он вздохнул и провел рукой по лицу. — Но мы справляемся, учитывая ситуацию.

— Как семья? — спросил Лиам.

Тень пересекла лицо капитана.

— Жена умерла от рака два года назад. Мой сын женился на адвокате из Франции и

живет за границей, в Британии, слава богу. Хотя сейчас там все превращается в помойку, по крайней мере, у них есть электричество. А твой брат? Как поживает?

Рот Лиама сжался. Он лишь покачал головой.

— Ужасное время, — отрывисто произнес Гамильтон. Затем его лицо прояснилось, и он снова заулыбался. — Черт, как приятно видеть знакомое лицо — даже уродливое. Пусть даже из «Дельты». Тебе следовало стать рейнджером, знаешь ли.

Они болтали и шутили несколько минут, расспрашивая о разных общих друзьях по службе, подначивая, подтрунивая и оскорбляя друг друга.

— В чем суть вашей миссии? — спросил наконец Лиам. — Как долго вы здесь пробудите?

— Пока не получим иных приказов. Мы здесь, чтобы защищать станцию и инженеров, и точка. У нас есть четкий приказ начальства не ввязываться в местные междоусобные войны.

— Междоусобные войны, — недоверчиво повторила Ханна. — Так вот как они называют то, что здесь происходит?

— А правительство имеет представление о том, что творится? — спросил Бишоп.

— Имеет. И мы знаем. Гражданское население убивают банды, постоянные набеги мародеров, голодающие соседи ополчились друг на друга. Поля уничтожаются, предприятия сжигаются дотла. Но мы не можем вступить в бой.

Он бросил на Лиама сокрушенный взгляд.

— Я ненавижу это, но если что-то случится с нашей станцией, будет не важно, когда мы получим трансформаторы. Только Кук обеспечивала электроэнергией полтора миллиона человек. Мы должны быть готовы к восстановлению как можно скорее. И наше присутствие необходимо. Нас уже несколько раз пытались захватить, люди пытались украсть наши цистерны. Несколько дней назад очередная банда попыталась поджечь одно из зданий.

— Почему кто-то хочет повредить электростанцию? — спросил Бишоп. — Энергия — это то, что нам нужно.

Гамильтон пожал плечами.

— Люди сошли с ума. Я слышал, что есть несколько групп, придерживающихся культа, пьющих «Кул-Эйд» и утверждающих, что электричество и технологии разрушили нашу страну, поэтому они и устраивают беспредел.

— Мы разберемся с ними, — заявил Бишоп.

— С Коулманом у вас есть шанс. Вам чертовски повезло, что на вашей стороне солдат спецназа.

— Мы знаем это, — тихо отозвался Бишоп. — Бог присматривает за нами.

— В следующий раз, когда будешь с ним разговаривать, замолви за меня словечко, ладно?

Бишоп кивнул.

— Конечно.

Гамильтон прикрыл лицо рукой и проверил своих людей, в его глазах появилась задумчивость.

— Есть шанс украсть тебя, брат? Мне бы пригодился человек с твоим элитным набором навыков. Штату Мичиган то уж точно.

Лиам покачал головой.

— Я так и понял. Ты должен знать, что правительство призывает всех отставных и бывших военных вернуться в строй, чтобы подавить беспорядки дома. Они отчаянно

нуждаются в инженерных войсках для работы над инфраструктурой, налаживанием работы трансформаторов, восстановлением электроснабжения нефтеперерабатывающих заводов... да много чего нужно сделать.

Лиам сказал:

— Мое место там, где я сейчас.

Ханна прикусила губу, ее щеки запылали. Она почувствовала на себе взгляд Бишоп и старательно избегала его глаз, обратив свое внимание на гражданских, сгрудившихся на парковке.

Там проживало более пятидесяти семей — мужчины, женщины и дети всех возрастов. Дюжина детей бегала туда-сюда, играя в пятнашки, их одежда была потрепанной, лица худыми и перепачканными грязью.

— Они выглядят голодными, — заметил Бишоп, вторя ее мыслям.

Капитан Гамильтон мрачно кивнул.

— Последние несколько недель выдались тяжелыми. У нас есть топливо, но это все. На прошлой неделе Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям планировало пополнить наши запасы, но они так и не появились. Мы продолжаем получать отказ. Честно говоря, думаю, у них все закончилось, но они не хотят признать, что мы остались одни.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Ханна.

— Мы не знаем, — признался Гамильтон. — Они подразумевали, что мы имеем право брать все, что нужно, у местного населения. — Он бросил на них еще один виноватый взгляд — они были местным населением. — Но все голодают. Я не смогу оправдать себя, если возьму хоть кусочек изо рта голодного ребенка. Ямине проделала большую работу с гражданскими, заставляя их выполнять задания, работать вместе, давая им цель. Мы ограничивали рацион и обходились своими силами.

Бишоп бросил на Ханну пристальный взгляд; она кивнула.

Эти люди приносили пользу миру — и инженеры, и солдаты. Благодаря им электричество в юго-западном Мичигане когда-нибудь будет восстановлено. Электростанция не расплавилась.

Фолл-Крик, вероятно, обязан этим людям жизнью.

— Я думаю, мы можем вам помочь, — сказала Ханна.

— О?

Лиам бросил на нее взгляд в духе «нам самим мало».

Она улыбнулась ему уверенной улыбкой, возможно, более уверенной, чем чувствовала. У них все получится.

Ханна указала на место, где они припарковали «Оранж Джулиус».

— У нас есть кое-какие припасы в багажнике грузовика. Если вы не возражаете, мы накормим детей сегодня и вернемся завтра с другими продуктами.

— Это... это было бы чудесно, — выдохнул Гамильтон.

— Ничего особенного, в основном рис и бобы.

Гамильтон выглядел так, будто он умер и попал на небеса.

— Еда, подходящая для принца. Подожди, пока я расскажу гражданским. Они будут в восторге.

Бишоп ухмыльнулся от уха до уха.

— Приятно слышать.

— Считайте эту доставку подарком, — добавила Ханна. — В будущем, возможно, мы

сможем обмениваться на патроны, медикаменты или другие припасы, если они у вас есть.

— Конечно, да. Мы открыты для этого. — Капитан покачал головой, его глаза блестели. — В наши дни в мире не хватает доброты. Мы не можем отблагодарить вас, но готовы заправить ваш грузовик перед отъездом. Агентство может забыть нас накормить, но они следят за тем, чтобы у нас хватало топлива для охлаждения реакторов. — Он криво улыбнулся. — По крайней мере, пока что.

Бишоп пожал руку Гамильтону.

— Спасибо, брат. Мы ничего не можем сделать с тем, что происходит там, но кое-что мы можем сделать здесь. Бог все контролирует. Мы делаем то, что можем; это все, что от нас требуется.

Капитан Гамильтон кивнул.

— Будьте осторожны.

— Всегда, — отозвался Лиам.

Когда они возвращались через ворота к «Оранж Джулиус», Лиам осматривал здания на ходу, обращая внимание на окна, крыши, затененные дверные проемы, его глаза блуждали по скоплениям людей. Ханна могла сказать, что он проверяет, нет ли оружия, скрытых движений, чего-нибудь необычного.

Лиам Коулман никогда не расслаблялся. Он всегда настороже, всегда защищал ее и всех остальных.

Лиам замедлился, чтобы соответствовать шагу Ханны, позволяя Бишопу их опередить.

— Я видел, что ты там сделала.

Она бросила на него свой лучший невинный взгляд.

— О чем ты?

— Это не просто альтруизм.

— Полезно заводить друзей, Лиам. Если ты не заметил, теперь у нас как в феодальных государствах в лучшие времена, или как на Диком Западе в худшие. Чем больше союзников мы сможем завести, тем лучше. Я не жду от них ничего в ближайшее время. Может быть, никогда. Но они делают что-то хорошее. Они работают, чтобы помочь всем нам. Немного помощи в ответ — это самое малое, что мы можем сделать.

— Даже если это нам дорого обойдется.

— Да, даже тогда. Особенно тогда.

Он медленно кивнул, его губы подрагивали в уголках.

Она отвернулась, чтобы скрыть жар на щеках, и прочистила горло.

— Иногда звезды сходятся, и правильный поступок — это еще и умный поступок.

Минуту они молчали. Птицы щебетали на деревьях. Детские крики эхом доносились с парковки, запах древесного угля от костров разлетался по ветру.

— Ты знала о Гамильтоне? — спросил Лиам.

— Я понятия не имела, что ты знаешь кого-то здесь. Приятный сюрприз.

Он улыбнулся ей. Настоящей, искренней улыбкой.

— Да. Да, это так.

Глава 44

Генерал

День девяносто девятый

Генерал перевернул стеклянный тумблер и достал из буфета бутылку односолодового

скотча. Скотч нынче стал дефицитом.

Постоянный запас — еще одно преимущество работы, и одна из множества причин, по которым он стремился сохранить ее любой ценой.

Генерал налил себе на три пальца, а затем добавил горсть льда из холодильника для напитков, работающего от генератора, установленного в его кабинете в первую неделю.

Когда-то он был алкоголиком. Именно эта зависимость стала одной из главных причин — хотя и не единственной — его грязного развода, вынужденного досрочного увольнения из армии и потери престижа в высших кругах Вашингтона.

Он все еще разрешал себе иногда поблажки, но его воля оставалась железной, амбиции — огромными, хотя в последнее время не обходился одним бокалом, выпивая сначала два, а затем и три.

С момента его познавательной беседы с Маттиасом Саттером.

С тех пор как Генерал узнал, что его единственный ребенок мертв.

Он задвинул это знание в какой-то темный, заросший паутиной уголок своего сознания. Придет время, и он признает это, но не сейчас.

— Выпьешь, Генри? — Генерал наклонил свой бокал в сторону губернатора, который последние сорок пять минут беспокойно расхаживал по ковру в кабинете генерала. — Скотч помогает от нервов.

Губернатор покачал головой и потер покрасневшие глаза. Он выглядел так, словно не спал неделю, его костюм и галстук были помяты, а старческая кожа изъедена заботами и стрессом.

— Я не знаю, я просто не знаю.

К счастью, в этот вечер они остались вдвоем. Вредная госсекретарь отсутствовала. Эта женщина постоянно досаждала Генералу, подрывала его авторитет, сомневалась в его мотивах, шептала губернатору на ухо.

Чем скорее он от нее избавится, тем лучше.

— Мы получили сообщения, что прославленный бандит Александр По захватил по меньшей мере четыре лагеря Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям, — сказал губернатор Даффилд. — Рассказы сбежавших граждан ужасают. Убийства и изнасилования. Человеческое рабство и торговля людьми. Мы должны что-то сделать.

Генерал усмехнулся.

— Спасти Иллинойс? Отправить наши оставшиеся войска за пределы штата, оставив себя голыми и уязвимыми?

— Мы должны что-то сделать! Он захватит всю страну, если мы ничего не предпримем.

Генерал сделал еще один глоток.

— Давай пока не будем впадать в истерику.

Губернатор Даффилд вышагивал перед окнами офиса, заламывая руки.

— Мы получили приказ из Белого дома немедленно направить все, что у нас есть, на поддержку Иллинойса. Губернатор Иллинойса умоляет о помощи, в то время как его штат полыхает в огне. У По в руках Чикаго. У него в подчинении Рокфорд, Пеория и Спрингфилд.

— Единственная причина, по которой он не контролирует весь Иллинойс, в том, что он продвигается на восток. На восток, к границе Индианы. Согласно нашим последним разведанным, он сосредоточился к северу от Чикаго Хайтс и направляется к Гэри, штат Индиана.

— Время придет, но не сейчас.

Губернатор Даффилд остановился на середине шага и уставился на Генерала, как олень, попавший в свет фар.

— Не сейчас? А когда? Что ты хочешь сказать?

— Мичиган должен позаботиться о себе. Мы уже уклонились от абсурдных требований федерального правительства послать нашу Национальную гвардию сражаться за другие штаты, а не за наш собственный.

Он качнул бокал.

— Как долго, по-твоему, продержится федеральное правительство? С отключением связи они едва могут связаться со своими губернаторами, не говоря уже о том, чтобы руководить страной. Ты ведь видишь, что происходит?

Губернатор Даффилд уставился на него пустым взглядом, страх сделал его слепым дураком.

— Соглашение, подписанное Калифорнией, Орегоном и штатом Вашингтон, — продолжил Генерал с невероятным терпением, которого, впрочем, не чувствовал. — Они защищают друг друга, консолидируют власть. Думаешь, они захотят ее отдать? Нет, не захотят. Когда пыль осядет, страна, которая возникнет, будет совсем не похожа на ту, что была раньше. Я сомневаюсь, что федеральное правительство вообще будет существовать. А если и сохранится, то будет выхолощено. Власть будет начинаться и заканчиваться в штатах, которые выжили.

Покрутив кубики в бокале, он поднес напиток к губам и сделал большой глоток. Закрыв глаза, поставил бокал на стол и стал смаковать вкус, перекатывая жидкость на языке.

После продолжительной паузы Генерал открыл глаза и выдохнул, испытывая наслаждение. Губернатор Даффилд наблюдал за ним с тихой паникой.

Генерал отставил бокал.

— Немногие, если вообще кто-либо, из тех, кто обладал властью до ЭМИ, будут держать бразды правления, когда система вернется в строй. Вопрос в том, будешь ли ты и дальше подчиняться федералам, отчаявшейся и напуганной группе старых, дряхлых, изживших себя людей, хватающихся за прошлое, которое давно прошло? Или захочешь быть тем, кто восстанет из пепла?

Губернатор облизал губы, нервно вздрогнул и посмотрел в окно. Он потер руки, согреваясь.

— Я не знаю...

Для экономии энергии генераторы отключались на вечер. Сумерки окутали Лансинг, тени вторглись в углы кабинета генерала.

— Оставь своих солдат здесь. Пусть Иллинойс горит. Когда придет время, предложи свою помощь. За определенную плату.

— А что если хаос в Иллинойсе перекинется на Мичиган? Чикаго прямо за углом. Все что им нужно сделать, это...

— Они этого не сделают.

— Откуда ты знаешь?

— Мы защитим Мичиган. А когда придет время — и только тогда — весь Средний Запад. Но только когда мы будем у власти.

Его цель заключалась в том, чтобы удержать беспорядки по ту сторону границы на уровне контролируемого кипения — кипения, не выходящего за пределы кастрюли. Беспорядок в Иллинойсе мог пойти только на пользу Мичигану.

Губернатор Иллинойса Джим Строун и новый губернатор Индианы Сьюзан Райт-Мэй оставались единственными игроками на Среднем Западе, представлявшими хоть какую-то угрозу. Мэр Чикаго проводил отпуск в Канкуне, когда произошел удар ЭМИ. Он считался мертвым — его город пылал.

Генералу не важны Огайо, Висконсин или Миссури; он сможет разобраться с ними позже.

— Иногда лучше подрывать своих врагов скрытно, чем бить их прямо.

Губернатор Даффилд почесал свои обвисшие щеки и нахмурился.

— А что думает Лорен?

Генерал с трудом сдерживал свое отвращение. Он представил, как голыми руками сжимает бледную шею секретаря штата. Вместо этого он улыбнулся, безмерно довольный тем, что женщина отсутствует и не может помешать его махинациям.

— У государственного секретаря много достоинств. Как ориентироваться в этом смелом новом мире и выйти на первое место — не одно из них.

— Бросить вызов федеральному правительству — это преступление. Это политическое самоубийство... разве нет?

Губернатор Даффилд хотел, чтобы его убедили. Чтобы Генерал его убедил.

— Белый дом не понимает ни местных сил, ни растущих угроз, стоящих перед нами. У них своя война за границей. Но этот прекрасный штат перестанет существовать, если мы не предпримем меры сейчас, чтобы спасти то, что можем.

— Как?

— Позволь мне прояснить, По придет. И он принесет с собой разрушения. Если мы выйдем ему навстречу под федеральной или иллинойской юрисдикцией, мы потеряем наших людей и преимущество. Тогда По обрушится на нас как цунами, и мы тоже падём перед ним.

— Однако я предлагаю другую тактику. Мы укрепим наши собственные ресурсы. Укрепим наши силы. Выберем, когда и как встретить его, как только он пересечет границу Мичигана.

Пусть Иллинойс тратит свои ресурсы на ослабление По и его Синдиката — тогда он и губернатор придут и уничтожат оставших и укрепят свой контроль над Средним Западом.

Генерал сделал шаг к губернатору Даффилду и положил благожелательно руку на его предплечье.

— Не беспокойся об этом. Тебе и так есть с чем разбираться. Предоставь это мне. Я обеспечу безопасность нашего штата. Дай мне власть, и ты не пожалеешь об этом.

— Я не могу этого сделать. Конгресс должен...

— Конгресс мертв. Старые способы ведения дел мертвы. У тебя есть власть. Тебе решать.

Намек на сомнение затаился в тонких морщинах лица Даффилда.

— Скажи, что у тебя есть план.

— Дай мне солдат, и я спасу Мичиган. Будь уверен, твое имя войдет в историю, и то, как будущие поколения запомнят его, на сто процентов зависит от того, что ты сделаешь сейчас.

Неохотно, губернатор Даффилд кивнул.

И тут все встало на свои места, его морщинистые губы растянулись в тонкую болезненную улыбку. Он был стар, но не дряхл. Он жаждал власти.

Генри Даффилд хотел воспользоваться обещанием, которое давал ему Генерал. В обмен

он даст Генералу все, что тот пожелает.

— Скажи мне, что тебе нужно, — велел губернатор.

Генерал думал о своей погибшей дочери. Он думал о своем наследии. Еще немного, и он будет держать все карты в руках. Потом, и только потом, он расставит ловушку.

Он улыбнулся.

Глава 45

Квинн

Сотый день

Все складывалось иначе, чем думала Квинн.

Они ехали в караване из двадцати пяти машин, проникнув на окраины Сент-Джо, остановились у магазина светильников, чтобы разбить десятитысячедолларовые люстры булавами, начиненными лезвиями. Опрокидывали стеллажи с одеждой и разрывали шелковые платья копьями в бутике одежды. Раскалывали молотками компьютеры и ноутбуки в магазине электроники. Кромсали картины в художественной галерее.

С каждым новым магазином или предприятием группа доводила себя до иступления, впадая в неистовство. Их глаза остекленели, движения стали дергаными и несдержанными, они кричали и визжали в бешеном ликовании.

Похоже, им нравилось жестоко уничтожать все, что попадало в поле зрения, без всякой причины.

Может быть, в этом и заключалось очарование.

Нет причины, нет смысла, нет правильного или неправильного.

Это освобождает тебя, говорил ей Ксандер. Все, чему их учило общество, ложь — срывая эту ложь, они становились свободными и могли делать и быть теми, кем хотели.

Они проскочили через модную кофейню под названием «Жареные бобы» — из тех, что предлагают чай-латте, пирожные без глютена, органические кексы и натуральный кофе, обжаренный вручную.

Они разрушали все, что попадалось им под руку, вырывая приборы из нержавеющей стали со стен и прилавков и бросая их в стеклянные окна, а затем оскверняя каждую стену граффити.

Надпись «Смерть власти» красовалась на каждой поверхности.

Наблюдая за ними, Квинн не могла не содрогнуться. Она вспомнила разграбленные особняки вдоль реки, тело, свисающее с дерева, те же слова, написанные на картонной табличке, приколотой к груди трупа.

Эта часть была глупой, дурацкой. Бессмысленной и нелепой.

Они способны на гораздо, гораздо худшее.

Квинн огляделась вокруг, чувствуя себя не в своей тарелке, нервы были на пределе. Она осмотрела вход в «Жареные бобы» и искала Саттера, пока колотила кувалдой по стенду.

Последний раз она видела его, когда он вместе с Джеттом и Рокко спускался по улице, разбивая витрины магазина ковров и плитки.

Она должна смотреть в оба. Нельзя отвлекаться ни на секунду. В любой момент он мог подкрасться сзади и вонзить лезвие ей между ребер.

Если она не будет осторожна, то не заметит его приближения.

Она стиснула зубы, когда от ее удара раскололось огнеупорное стекло, и веселый желтый стенд разлетелся на мелкие кусочки.

Ее руки дрожали, и не от веса кувалды.

Квинн думала о бабушке, о Майло, Джонасе и Уитни, о Ханне, Лиаме и Бишопе — об всех тех, кто так дорог ей дома.

Волновались ли они о ней? Заметили ли вообще, что она пропала?

Она засунула эту мысль поглубже. Они переживут это. Они поймут, когда она вернется, когда выполнит свою миссию и сделает Фолл-Крик намного безопаснее.

Саттер держался на расстоянии с тех пор, как она присоединилась к компании. У нее почти не выдавалось свободной минутки. Если Далия не преследовала ее взглядом, который говорил о том, что она хотела бы насадить Квинн на копьё, то Ксандер требовал ее полного внимания.

— Привет. — Она вздрогнула, когда Ксандер появился рядом с ней, материализовавшись из ниоткуда, как будто она вызвала его, просто подумав о нем.

Он оглядел ее с ног до головы с ухмылкой, в его взгляде плескалось что-то маниакальное.

— Только подожди, пока не увидишь, что будет дальше.

— Ксандер. — К ним подбежал Рокко, источая зловоние. Хотя он был молод, но выглядел грубовато, с широкой приземистой шеей и покатым лбом, его красноватая кожа кишела капиллярами.

Рокко ткнул большим пальцем через плечо.

— У нас движение на углу Пятой и Семнадцатой. Вооруженные люди собираются. Одна из банд. Похоже, «Подручных Гангстера».

Несмотря на их наглое поведение, даже Ксандер не настолько безумен, чтобы связываться с бандами, ведущими территориальные войны за Бентон-Харбор, которые часто перетекали в соседний Сент-Джозеф. По этой причине Ксандер расставил разведчиков, чтобы не столкнуться с бандами.

Ксандер повернулся к своим людям.

— Отправляемся на пляж!

Они закричали в ответ, бросили все свои дела и устремились из кафе, как муравьи из растревоженного гнезда.

Рокко заговорил в свою рацию, и остальные прибежали, запрыгивая в грузовики и заводя двигатели. Ксандер отправил большой контингент на пристань в нескольких кварталах отсюда, включая Саттера.

— Поедешь со мной, — сказал он Квинн.

Она кивнула. Чем больше Ксандер будет доверять ей, тем скорее она сможет легко передвигаться среди них. Переступая через осколки стекла при выходе из здания, Квинн оглядела улицу в поисках Саттера, но не увидела его.

Разочарование смешалось с облегчением. В его присутствии она испытывала нервозность, ее чувства находились в состоянии повышенной готовности, опасения подтачивали ее концентрацию. Это необходимо, но утомительно.

Через две минуты они направились к Сильвер-Бич в центре Сент-Джозефа. Пляж располагался между береговой линией озера Мичиган и центром города, а устье реки Сент-Джо извивалось, как змея, в северной части парка.

Они пронесли мимо причудливого центра города с его кирпичной улицей, уставленной милыми прибрежными туристическими магазинами, пляжными бутиками и специализированными десертными магазинами, такими как «Килвинс», ее любимое

заведение с мороженым — окна теперь выбиты, повсюду разбросан мусор, в воздухе стоит зловоние канализации.

— У вас все еще есть бензин, — восхитилась Квинн.

— Становится все труднее его достать, — поделился Ксандер, глядя прямо перед собой. — Тедди поведал нам о запасах, хранящихся на электростанции. Но он не упомянул о размещенных там солдатах. Нам пришлось пока уйти ни с чем.

— Ох.

— Есть и другое место, на случай, если здесь не получится. Тедди разрабатывает план. У него есть военный опыт, понимаешь.

Квинн ничего не сказала, не доверяя своему голосу.

Они проехали мимо детского музея, застекленной карусели и знаменитой пиццерии «Сильвер Бич», популярного ресторана, некогда бывшего старым железнодорожным депо. Она ела там дюжину раз. Сейчас там царили тишина и темнота.

Они выехали на Брод-стрит к прибрежной парковке. Джетт и трое парней остались на стоянке, охраняя машину, а двое следовали за ними, выполняя роль телохранителей.

— Пойдем. — Ксандер поманил ее, не потрудившись убедиться, что она последует за ним. Он ожидал, что Квинн пойдет. И она пошла.

Ветер хлестал ее волосы по глазам, песок осыпал ее лицо, когда они перебирались через небольшую дюну между стоянкой и северной частью пляжа. Пляжная трава шуршала под ее ногами.

Над головой пронзительно кричали чайки, взмывая в небо цвета жженой умбры. Она глубоко вдохнула, в ноздри ударил запах мертвой рыбы и дыма костра.

Уродливые граффити украшали туалеты, павильоны для пикников и торговые палатки. В дверях туалетов лежали люди, завернутые в одеяла. Вход в женскую уборную накрыли брезентом, на смятой ткани красной краской нацарапали «Не входить».

Люди жили в туалетах.

Не разговаривая, Квинн и Ксандер взобрались на дюну. Квинн остановилась, ошеломленная. Она бывала на этом пляже сотни раз. Но никогда она не видела его таким. Никогда он не казался ей таким огромным, таким невероятно красивым.

Озеро Мичиган раскинулось перед ними во всем своем великолепии. Голубая вода простиралась до самого горизонта, насколько хватало глаз.

Пирс тянулся к северу в озеро, длинный бетонный подиум заканчивался двумя башнями, ближняя башня была трехэтажной квадратной стальной конструкцией с красной пирамидальной крышей, круглым фонарем и парапетом из черного железа.

Над маяком солнце подобно красному огненному шару опускалось в великое озеро, лизало воду пламенем, пронизывая облака лентами розового, красного, алого и мандаринового цветов.

Ее пальцы подрагивали от внезапного желания написать это, нарисовать, уловить хоть крошечный фрагмент такого величия. Все равно что попытаться поймать облако или радугу в бутылку — невыполнимая задача, но попытаться стоит.

У Квинн зарябило в глазах. Она моргнула, притворяясь, что песок попал ей в глаза, притворяясь, что ее сердце не похоже на тлеющее солнце, воспламеняющееся, сгорающее, сжигающее себя в небытие.

— Это нечто, а? — Ксандер вздохнул.

Квинн сомневалась, что сможет говорить из-за комка в горле.

Ксандер указал налево.

— Теперь смотри внимательнее.

Квинн перевела взгляд с горизонта на берег.

На пляже стояло несколько сотен палаток разных размеров и цветов. Мусор и отходы усеивали песок, пластиковые пакеты зацепились за прибрежную траву и трепетали на ветру, как уродливые флаги.

Десятки рыбацких лодок, надувных плотов и каяков покачивались на мелководье, привязанные по обе стороны пирса. Люди толпились на бетонном подиуме, ссутулившись в походных креслах, с пятигаллонными ведрами на боку, с удочками в руках.

— Они делают это весь день, — пояснил Ксандер. — Весь день, каждый день, просто ради рыбки или двух.

Когда небо потемнело, костры ожили, усеяв пляж, насколько хватало глаз, темные фигуры окружали их, с опущенными плечами, побежденные и несчастные. Плач младенцев и детей заглушал крики чаек.

«Сильвер Бич» напоминал трущобы стран третьего мира, о которых она читала на уроках обществознания. Угнетающе как ад.

Солнце опустилось за горизонт, надвигались сумерки. Волшебство, царившее всего несколько мгновений назад, исчезло, как дешевый трюк.

Она чувствовала себя подавленной, обманутой.

— Это все? — прошептала Квинн, ее горло сжалось. — Это все, на что мы можем рассчитывать?

— Ты же видишь? Ты понимаешь. Все бессмысленно. Все бесполезно. — В голосе Ксандера звучала такая ярость, бездонная, неутоленная ярость, которая отражала ее собственную.

Она встретила его взгляд. В его глазах мелькнула какая-то зловещая тоска, что-то неподвижное внутри него.

Пораженная, Квинн узнала себя. Пропасть внутри нее зияла бесконечной дырой. Боль и гнев теснились в ее сердце, словно в нем что-то сгнило.

Над ними кричали друг на друга чайки, кружась и взвизгивая. Одна порхала, хлопая крыльями с бешеным, неловким отчаянием, отклоняясь в сторону. Другие птицы пикировали, устремившись прямо к ней, и атаковали ее. Она пыталась вырваться, но попытки не имели успеха.

Чайка упала с неба и разбилась о песок, когда тридцать ее товарок спустились на нее, безумно размахивая крыльями и щелкая клювами.

Квинн отвернулась, потрогала кольцо над бровью и попыталась подумать о чем-нибудь, о чем угодно другом.

Она чувствовала тягу, темноту, полную бессмысленность всего этого. Ты работал, боролся и сражался только для того, чтобы наблюдать, как все распадается, как люди, которых ты любил, превращаются в Брутов и разрывают тебя на куски.

Может быть, Ксандер все-таки прав.

Глава 46

Квинн

Сотый день

— Ты знаешь, почему мы здесь? Что с нами случилось? — спросил Ксандер.

Он был трезв, неожиданно серьезен, с гудящим напряжением в глазах. Дрожащий, полубезумный мальчик исчез, сменившись кем-то другим, кого она не могла понять.

— Нет, не знаю.

Каждая история повторяла другую — родители, которые так и не вернулись домой, члены семьи, погибшие в авиакатастрофах и автомобильных авариях, братья, сестры, бабушки и дедушки, умершие от голода, обезвоживания, болезней, переохлаждения. От сердечных приступов, инсультов и несчастных случаев.

И от насилия.

Родителей Рокко убили, когда они вломились в дом соседа, чтобы украсть гриль. Отцу Тарела шесть раз выстрелили в живот, когда воры разграбили их дом в поисках упаковки лапши «Рамен». Далия потеряла брата и мать в драке между бандами за контроль над магазином «Хоум Депот».

Слушая о каждой трагедии в отдельности, Квинн чувствовала, что все рассказы об отчаянии и душевной боли смешиваются вместе, сливаются в нечто огромное и неисчислимое. Возникшее опустошение, казалось слишком большим чтобы его описать словами, слишком подавляющим для одного человека.

Но она чувствовала это — огромное давление, сгусток горя, скопившийся в ее груди. Жизнь, которую они знали, ушла навсегда. Мир, в котором они жили, умер и исчез.

И они не могли его вернуть.

— У меня была собака. Ринго, — произнес Ксандер. — Лучшая немецкая овчарка, которую только можно представить. Чертовски умный пес. Он мог выключить свет в спальне, если я ему говорил. Включал и выключал его носом. Он везде ходил со мной. Пришел бы в колледж и остался в моем общежитии, если бы это разрешили.

— Ты учился в Гранд-Вэлли? — спросила Квинн, имея в виду университет штата в Гранд-Рапидс.

Он кивнул.

— Выпускник. Изучал бизнес и ненавидел каждую секунду. Был бы в кампусе, когда это случилось, если бы не рождественские каникулы.

— А как насчет твоей семьи? Где они были?

— Они все находились дома. Мои родители, два моих старших брата. Наши телефоны и свет отключились, но никто не понял, что произошло. Папа хотел сбегать в продуктовый магазин за льдом для морозилки, чтобы наша рождественская индейка не испортилась, но «Камри» не завелась.

Его губы скривились.

— Мы наконец-то дошли до магазина, но там не принимали ничего, кроме наличных. Мои родители пользовались только кредитными картами. С собой у нас нашлось только три бакса и немного мелочи. В магазине кто-то сказал, что скоро приедет Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям, и они позаботятся о нас. Как они это делают при любом стихийном бедствии, что мы должны сидеть тихо и ждать. После этого мои родители так и поступили. Они сидели в доме и ждали, пока правительство доставит им еду. В течение нескольких недель, дрожа и замерзая, без электричества, без воды, все замерзло.

— Они даже не пошли к соседям или на заправку в соседнем квартале, чтобы взять то, что им требовалось силой. Все время говорили, что кто-нибудь придет. — Ксандер покачал головой в отвращении, в горьком негодовании. — К тому времени, когда они опомнились, все магазины уже обчистили. Черт, в кинотеатре не осталось даже конфет.

Он тяжело дышал, ноздри раздувались, глаза стали отрешенными, словно Ксандер видел разыгравшуюся перед ним сцену, не имеющую ничего общего с пляжем.

— У нас закончился собачий корм. Моя мама просто сказала: «У нас ничего нет для него».

Квинн уставилась на него, пораженная.

— Что?

— Я знал, что ты поймешь, — проговорил он напряженным голосом. — То, как ты сражалась вместе со своей собакой. Я видел эту связь. То же самое у меня было с Ринго. Я бы никогда не сделал этого. Я бы лучше умер. Они тоже это знали. Вот почему они послали меня на поиски, хотя я понимал, что там уже нечего искать. Я пошел, а когда вернулся, они ждали меня с ужином.

Желудок Квинн забурчал, кислота поднялась в горле. Конечно, такое могло случиться. Если вы умираете от голода, а выбор стоит между домашним животным и вашими детьми...

Она стиснула челюсти. Она не могла представить, что пожертвует Призраком. Не могла. Пес с радостью положил бы себя за свою семью, отдав все благородные, рыцарские кости своего тела. Он демонстрировал свою беззаветную преданность снова и снова.

Что-то похожее на жалость зародилось в ее груди.

— Что ты сделал?

Ксандер уставился на маяк, ярко-белый на фоне сумрачной воды. Нигде не было огней, ни одного фонаря, чтобы направить заблудившихся моряков домой.

— Внутри меня что-то сломалось. Во мне появилось столько злости. Я знал, что если останусь, то сделаю что-нибудь, наврежу своим родителям, может быть, не знаю. Я собрал свои вещи и ушел. Сказал им, что они меня больше не увидят. Они перестали быть моей семьей.

Он вздрогнул, словно выходя из оцепенения.

— Они все равно уже мертвы. Они никак не могли выжить.

— Мне жаль, — проговорила Квинн, не зная, что еще сказать.

Его лицо ожесточилось.

— Это время моей жизни закончилось. Я вернулся в общежитие, нашел нескольких своих друзей, которые все еще пытались выжить, и мы ушли вместе. Пробирались через город, подбирая по пути новобранцев. Чем сильнее мы становились, тем легче нам было. Я не думаю о прежних днях. Мы просто живем настоящим. Это лучший способ.

Ксандер чувствовал себя потерянным, подавленным и злым. Они все такие. Черт, она тоже. Может, в конце концов, они не так уж сильно отличались от нее.

Но Квинн не спятила. Пока нет.

— Почему? — спросила она, искренне желая понять.

— Потому что это дает тебе то, что ты хочешь. Думаешь, хоть одно правительство когда-либо преследовало наши интересы? Любимый закон? Любое агентство или компания? Это все для того, чтобы держать нас внизу, сделать нас рабами, украсть американскую мечту прямо у нас из-под носа. Они дали нам форму власти, но сделали нас бессильными!

Его голос возвышался с бесстрастным гневом, когда Ксандер говорил, размахивая руками, чтобы подчеркнуть свои слова. Казалось, он жаждал объяснить, привлечь ее на свою сторону. Он хотел, чтобы она поверила.

— Вот так мы вернем эту власть, так сделаем мир нашим!

— Уничтожив все?

— Не все — только то, что поработает нас, искушает, тянет обратно в рабство. Овцы все еще цепляются за старые вещи, за мертвые мечты — угловой офис, слепое стремление вверх, шикарная работа, шикарные дома и выходные на яхте. Они хотят, чтобы их телефоны, планшеты и телевизоры вернулись, чтобы они могли омертветь, онеметь, как наркоман от наркотика.

Квинн с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза.

— Значит, вы пытаетесь помочь людям?

— Неа. Это не наша работа — приводить их в чувство. Мы заботимся о себе, живем так как хотим жить, и распространяем послание через нашу работу. Те, кто похож на нас, придут к нам по своей воле. Как ты.

Он говорил как сумасшедший. Она не могла понять, верит ли он в ту чушь, что несет, или понимает, что его последователям нужно вероучение, догма, какая-то идеология, за которую можно держаться, когда привычный мир распадается на части.

Квинн сжала руки в кулаки. Она больше не знала, во что верить. Все, что Квинн понимала, это то, что она зла, невероятно зла.

Ей хотелось ударить что-нибудь, причинить боль, как причиняли ей, испытать хоть что-то. Что угодно, лишь бы это освободило ее от этой горькой, бездонной чаши печали.

Она указала на длинный меч, висевший у него на бедре.

— А оружие?

— Оно из старого мира. Из времени, когда электричество не загрязнило все вокруг и технологии не захватили наши жизни. Оно напоминает о войнах, которыми мы когда-то были. И о том, кем мы стали сейчас.

Он усмехнулся, вытаскивая меч, металл заскрежетал в ножнах. Ксандер сделал злобный рубящий взмах, и Квинн уклонилась от его смертоносной дуги. Воздух пронесся мимо ее лица.

Меч был огромным и тяжелым, сделанным из прочной стали, не подделка, а настоящий, и Ксандер с легкостью орудовал им. Он был сильнее, чем казался.

— Цивилизация нужна людям примерно так же, как им нужна сыпь или дырка в голове.

— Значит, ты нигилист?

— Ничто не имеет значения. Ничто не реально. Ни добро и зло. Ни правда ни ложь. Это просто конструкции, чтобы контролировать нас.

Квинн не смогла удержаться.

— Кроме убийств собак.

Он оскалился в злобной ухмылке, его зубы почти сверкали в тусклом свете.

— Да, кроме этого.

Когда спустились сумерки, на горизонте появились густые темные облака. Стена грозовых туч над водой направилась в их сторону.

Рация Ксандера затрещала. В эфире раздался скрежещущий голос Тарела.

— Ты нужен нам на пристани. Все готово.

Ксандер повернулся к Квинн, в его глазах появился маниакальный блеск, яркий на фоне потемневшего неба.

— Мы еще не закончили.

Глава 47

Квинн

Сотый день

Поднявшийся ветер трепал одежду Квинн и хлестал ее по лицу.

Когда молния сверкнула в черном небе, отдаленные раскаты грома стали ближе. Волны накатывали на причал, лодки поднимались и опускались, вода заливала ноги.

Квинн стояла на белом стальном причале, держа фонарик в руке, пока остальные обыскивали лодки на пристани. Как и ожидалось, большинство из них оказались разграбленными.

Позади нее возвышалось огромное трех— или четырехэтажное стальное здание. Внутри ряды лодок размещались на зимнее хранение — все, от скоростных катеров до массивных яхт, стояли на огромных металлических стеллажах и были упакованы в защитную пленку.

Снаружи в воде покачивалось несколько небольших лодок, привязанных к докам. Огромный гидравлический подъемник, использовавшийся для транспортировки лодок из складского здания в доки, лежал, собирая пыль. Должно быть, люди использовали какой-то другой способ их перемещения.

Ксандер приказал своим людям разрубить привязи и освободить все лодки на пристани, а затем велел Джетту поджечь хранилище.

Рокко выбросил пару спальных мешков и подушек из трюма гладкой белой яхты. Ксандер пнул их ногой в воду.

— Здесь кто-то спит. Несколько человек.

Далия загоготала.

— Уже нет.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Квинн.

— Шторм побьет их друг о друга и унесет в озеро.

— Но зачем?

Ксандер пожал плечами.

— Ты задаешь неправильные вопросы. Почему нет?

— Может быть, некоторые из них все еще работают. Люди зависят от этих лодок.

— Это не имеет значения. Ничто не имеет значения. — Его глаза ожесточились, наблюдая за ней. — Помнишь?

Тарел приостановился, перерезая привязь, его взгляд уперся в Ксандера, словно ожидая приказа — приказа относительно Квинн.

Далия тоже наблюдала за ней, ее лицо освещал луч фонарика, улыбка напоминала лезвие бритвы.

Желудок Квинн подпрыгнул. Еще одно испытание.

То, что прошла первые несколько, еще не означало, что она справилась.

Ксандер все еще мог отвернуться от нее в любой момент. Он был капризен и непостоянен; его банда столь же непредсказуема. Ей нужно быть осторожной.

— Я помню. — Она заставила себя пожать плечами и отвернулась — расстроенная, недовольная собой и чертовски виноватая.

Через два причала Саттер перерубил канат, швартующий парусную лодку, и встал, темная и угрожающая фигура на фоне волн, бьющихся о причал. Квинн скорее почувствовала, чем увидела его взгляд, впившийся в ее кожу как клеймо.

После напряженного момента он повернулся к ней спиной и присел на корточки для выполнения своей задачи.

Квинн замерла, сопротивляясь желанию броситься на него и нанести дюжину ударов

ножом.

Почему нет? Сейчас ночь. Никто не увидит. Никто не узнает, что произошло.

Все погрузилось в темноту и хаос, фонарики светили, люди кричали и вопили, тени натыкались друг на друга. Ветер и волны заглушали все.

Даже если он закричит, возможно, никто его не услышит. Он просто упадет в воду и погрузится в глубину. Один всплеск, бульканье.

Если бы она могла сделать это достаточно тихо. Если он не заметит ее приближения. Возможно, это ее момент. И как только все будет сделано, она сможет исчезнуть в ночи.

Волны вздымались и переливались через причал, тянули ее за ноги и лодыжки, угрожая схватить и унести в черную воду. Осторожно Квинн перебралась с причала на сушу.

Саттер находился через два дока. Футов сорок, не больше. Ксандер чем-то помогал Далии, остальные занимались своими делами.

Переложив фонарик в левую руку, она засунула правую под куртку, и нащупала рукоятку карамбита.

— Эй! — прокричал глубокий голос. — Эй! Прекрати это!

Квинн замерла. Пульс бешено колотился в горле. Неужели этот крик предназначался ей? Неужели ее узнали?

— Вы, воры! Убирайтесь оттуда!

Нет. Это кто-то другой.

Дюжина фонариков устремила на говорившего как прожектор. На бетонной стоянке перед большим складским зданием, в десяти ярдах от первого дока, стоял человек.

На нем была помятая темная куртка, ботинки и кепка дальнобойщика, низко надвинутая на глаза. Лет сорок, наверное. В руках он держал дробовик.

Мужчина щурился от яркого света, ствол дробовика колебался.

— Отойдите черт возьми от этих лодок! Я буду стрелять!

— НЕТ! — Ксандер спрыгнул со скоростной лодки, пронесся по покрытому водой причалу и остановился в нескольких футах от незваного гостя. — Это ужасная идея. Для тебя.

— Эти лодки вам не принадлежат!

— Кто сказал? — выкрикнул кто-то из толпы — Далия. — Мы считаем, что они не принадлежат никому!

Квинн стояла на месте, не зная, что делать, страх и ужас бились у нее в голове в такт приливу.

Раздался раскат грома. Волны, бьющиеся о причал, ревели в ее ушах. Иглы сильного дождя жалили лицо, как шрапнель.

Она вывернула шею, моргая от влаги, и судорожно искала Саттера. Разглядеть что-то не удавалось. Ее шея дрожала, во рту пересохло, Квинн прекрасно понимала, что он может подкрасться к ней и, воспользовавшись тем, что она отвлеклась, отомстить.

Ксандер направился к незнакомцу. По меньшей мере сорок человек сомкнулись вокруг них в свободную подкову. Потом их стало пятьдесят, потом шестьдесят.

— Я буду стрелять! — крикнул мужчина, дрожащим голосом. — Не приближайтесь!

Они подошли ближе. Не обращая внимания на ветер и дождь, они стремились к добыче, попавшей в их сети.

Ксандер вытащил свой меч.

— Если бы у тебя в стволе имелись патроны, ты бы уже выстрелил.

«Беги», — мысленно прошептала Квинн. Если он побежит, у него может появиться шанс. «Беги!» Ее губы шевелились, сырые и потрескавшиеся, слова подхватывались ветром и уносились прочь.

Ствол дробовика колебался, когда мужчина переводил прицел с одного человека на другого.

— Не подходите! Я предупреждаю вас!

Далия засмеялась и посветила фонариком в толпу. Луч поймал знакомую фигуру, громоздкую тень рядом с Ксандером.

Значит, Саттер с группой. А не преследовал ее в темноте. На этот раз.

— Покиньте это место! — прокричал мужчина.

— Теперь оно наше, — ровно сказал Ксандер. — Тебе не нужны эти вещи. Это тебе не поможет.

Квинн не мог разобрать ни одного выражения лица, кроме лица мужчины — белки его глаз расширились и округлились, рот открылся, словно его челюсть не держалась. Он пребывал в полном ужасе.

— Что мы делаем с теми, кто не с нами? Кто сражается с нами? — громко спросил Ксандер.

Растерянный, мужчина обшаривал толпу в поисках союзника, того, кто мог бы ему помочь. Он не нашел никого. Ни пощады, ни милосердия.

— Это наши лодки! Моя работа — защищать это место!

— Взять его. — Квинн едва слышала слова Ксандера за воем ветра и собственным пульсом, но остальные расслышали. — Взять его!

Они набросились, как стая волков, с криками и рычанием, с оружием ближнего боя.

Квинн не могла разглядеть детали, да и не хотела. Размытые, меняющиеся формы в темноте и под дождем. Ворчание, глухие мокрые удары, крики боли вперемешку с мольбами о пощаде, которые оставались без ответа.

«Прекратите!» Ее сознание кричало, но не издавало ни звука.

Попытка остановить избиение означала бы верную смерть. Стая почует кровь и набросится на нее с такой же уверенностью, с какой чайки набросились на свою товарку.

Поэтому Квинн ничего не делала, ненавидя себя. Она стояла на месте, ощущая металлический привкус страха во рту.

Ксандер что-то крикнул. Группа оторвалась от жестокого избиения. Квинн не могла видеть жертву, хотя его крик, как и крик чайки, оглашал воздух. Слишком много тел загораживали ей обзор, все превратилось в неясные тени и тусклый свет сквозь хлещущий дождь.

Ксандер махнул рукой громоздкой фигуре рядом с собой.

— Твоя очередь.

Фонарики повернулись к фигуре, высветив знакомую лысую голову, мокрую и блестящую, и сверкающие темные глаза, когда Саттер вошел в круг. В одной руке он сжимал нож.

Для этого мужчины все кончено. У него не осталось надежды.

Промерзшая до костей Квинн стояла и дрожала, когда небеса разверзлись и хлынул дождь. Волны разбивались вокруг нее, ударяясь опесок, каждая сильнее другой, и шторм обрушивался с неумолимой яростью.

Крик в ее голове звучал громче грома и волн, громче даже криков умирающего

человека.

Глава 48

Ханна

Сотый день

Ханна открыла дверь и выпустила Призрака на задний двор.

Стояла глубокая ночь, может быть, два или три часа. Шарлотта поела и погрузилась в сон от выпитого молока. Но Ханна все равно не могла уснуть.

Густые черные облака заслоняли звезды. Она прищурилась, моргая, чтобы прояснить зрение, но холодный дождь размывал темноту.

Ханна хлопнула Призрака по загривку.

— Давай, мальчик.

Пока Призрак ковылял по ступенькам крыльца, чтобы найти место для своих дел, она терла усталые глаза тыльной стороной руки. Сон не давался ей легко уже много лет. Он всегда оставался беспокойным, с кошмарами и частыми пробуждениями в холодном поту.

Когда не снились кошмары, то это была Шарлотта, жаждущая очередного кормления, или непрекращающаяся потребность Ханны провести Майло, хотя он всегда спал в своей кровати, в целостности и сохранности.

Она обследовала двор, рассматривая все по порядку, как учил ее Лиам. Платан, клен и дуб, их голые ветви колыхались на ветру. Сарай, двери которого закрыты на замок. Между двумя соснами — куча дров высотой по грудь, накрытая синим брезентом. Забытый велосипед Майло, прислоненный к дождевой бочке.

Что-то шевельнулось в кронах деревьев у сарая. Тень, не похожая на другие; она выглядела темнее, глубже и имела форму человека.

Адреналин забурлил в ее жилах, страх накатил волной. За две секунды Ханна достала из кармана куртки «Ругер» и, держа его в обеих руках, левой рукой стабилизируя положение, прицелилась в незваного гостя.

Отработанным движением она сняла пистолет с предохранителя большим пальцем.

— Не заставляй меня стрелять. Я сделаю это.

— Я не сомневаюсь, — раздался знакомый голос из тени.

Облегчение захлестнуло Ханну. Она опустила пистолет.

— Лиам.

Он вышел из темноты между сараем и штабелем дров, одетый в плащ с капюшоном, закрывающим лицо. Но она узнала бы его голос где угодно, знакомый высокий рост, широкую фигуру, уверенную манеру двигаться.

— Прости, — сказал он с сожалением. — Следовало предупредить тебя.

— Да. Что ты здесь делаешь? Дождь льет.

Стыдливое пожатие плечами.

— Не мог заснуть. Решил сделать еще один обход окрестностей.

— Прогулка в грозу оказалась лучшей альтернативой, чем теплая постель?

— Что-то вроде того.

Он прошел через двор и остановился на краю заднего крыльца в нерешительности. Не обращая внимания на дождь, Призрак рысью подбежал к нему и обнюхал его руку.

Лиам почесал ему под подбородком. Пес довольно заворчал, поднял голову, чтобы его почесали поглубже, и прижался боком к бедру Лиама.

— Ты молодец, — похвалил Лиам. — Ты не колебалась. Действовала на инстинктах — и на подготовке. — Что-то изменилось в его голосе, появился намек на поддразнивание. — В этот раз ты не забыла о безопасности.

Щеки Ханны запылали, и она порадовалась темноте.

— Я помню об этом все время.

— У тебя был хороший учитель.

— Может быть, я просто прилежная ученица. — Она прикусила нижнюю губу, в животе затрепетало. — Ты промок. Зайди на несколько минут.

— Ты уверена?

Гроза прошла, но дождь не прекращался. Он бился о дом и колотил по земле, во дворе образовывались маленькие лужицы, которые превращали все в грязь.

Ханна вдыхала запах дождевой воды и мокрой земли. Воздух был холодным, резким — она уже проснулась. Температура приближалась к нулю. Еще несколько градусов холода, и пошел бы снег.

— Мне бы не помешала компания.

Не просто компания — а его компания.

Ханна засунула пистолет обратно в карман и направилась к качелям на крыльце, распушив подушки и переложив самую большую из них на противоположную сторону скамьи для Лиама. Опора поможет его спине.

Призрак вскочил на ступеньки крыльца, опираясь на перевязанную заднюю лапу, и уткнулся мордой в колени Ханны. Она потрепала его за уши, прежде чем он грубо стряхнул брызги дождевой воды и грязи со своей шерсти, забрызгав и Лиама, и Ханну.

Лиам отступил назад.

— Эй!

Призрак наклонил голову, словно говоря нахально «простите, извините», и опустился на брюхо у их ног с самодовольным ворчанием.

— У него есть чувство юмора, — сказала Ханна.

— Очевидно. — Лиам вытер брызги грязи со своих штанов и сел рядом с ней. — Ему лучше.

— Да. Эвелин говорит, что его нога должна полностью зажить, но вот с отдыхом у него проблема. Как и у одного моего знакомого.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Он даже стал немного самоуверенным.

— Герои. Они так самодовольны.

— Именно. — Она усмехнулась. — Что подводит меня к тебе. Как ты себя чувствуешь?

— Лучше не бывает.

Что, как Ханна знала, было огромным преувеличением, но она не стала давить на него. Лиам двигался лучше, меньше морщился. Он тоже выздоравливал.

Они погрузились в уютное молчание. Подушки отсырели, но никто не жаловался и не хотел уходить. Дождь барабанил по крыше, капал с карниза.

— Это из-за кошмаров? — спросила Ханна.

— Всегда.

— Они когда-нибудь проходят?

— По моему опыту — нет. — Она почувствовала на себе его взгляд. — Хотя со временем они уменьшаются.

— Я надеюсь на это. — Ради ее и его блага.

Они слушали дождь. Ханна закусилла нижнюю губу, осторожно покачиваясь.

— Ты хороший человек, ты знаешь.

Лиам фыркнул.

— Так и есть.

Однажды она прочитала, что люди могут спокойно спать ночью в своих постелях только потому, что суровые мужчины и женщины готовы совершить насилие от их имени.

Лиам был таким мужчиной для нее, для них всех.

Он нес бремя всего этого, чтобы другим не пришлось. Он делал трудные вещи, сталкивался с самыми страшными демонами из адских ям. И теперь ее сердце принадлежало ему.

Ханне хотелось, унять его боль, как-то смягчить тени в его глазах.

Она сказала:

— Ты помогаешь отгонять волков.

Он некоторое время молчал.

— Я боюсь, что этого недостаточно.

— Достаточно. И будет.

— Там есть что-то еще. Что-то большое. Я чувствую это, ощущаю. Как хищника, преследующего нас в темноте. Но не могу его увидеть, не могу остановить, что бы я ни делал.

Кто-то поджег ферму на окраине Найлса. Женщина, владевшая усадьбой у Старого 31-го шоссе между Фолл-Криком и Сент-Джо, была найдена мертвой в своем доме. У нее в хозяйстве содержалось более пятидесяти кур; их всех зарезали.

Несмотря на многочисленные сообщения о передвижении крупной банды по району, Флинн и большинство членов Общественного альянса продолжали винить Фолл-Крик. Вчера Флинн в ярости вышел в эфир по радио и разразился ненавистнической тирадой, в которой содержались угрозы уничтожить городские теплицы в отместку — и даже хуже.

«Вы хотите уморить нас голодом, тогда мы будем голодать вместе!» — заявил он, бросая слова Ханна обратно в их адрес.

Что еще хуже, Дейв делился новыми сообщениями о насилии в Иллинойсе. Города захвачены, женщины и дети украдены, тысячи невинных людей заперты в лагерях или убиты.

Армия По становилась все мощнее. И они двигались на юг, приближаясь к границам Индианы и Мичигана.

Над их головами разразилась сильная буря, принесшая с собой надвигающееся чувство обреченности, от которого Ханна не могла избавиться.

— Я тоже это чувствую, — сказала она. — Но если мы сможем работать вместе как община, то сможем противостоять, что бы ни случилось дальше.

Лиам хмыкнул, не убежденный.

— Мы сможем, Лиам. Обязательно.

— Похоже, общество не хочет работать вместе.

— Тогда мы их заставим, — заявила Ханна с примесью досады. — Мы продолжаем пытаться. Это сработает.

— Продолжай верить, Ханна. Может быть, только силой воли ты сможешь сделать это. Но я этого не вижу. Мы слишком расколоты, слишком разобщены.

— А я верю. Я должна верить.

— Флинн и его люди ослеплены своим горем. Я не знаю, не могут ли они увидеть правду или не хотят, но, похоже, стремятся ухватиться за свой гнев. Они так просто от него не откажутся.

— Знаю. Но это не значит, что мы должны от них отказаться.

— Дело может дойти до насилия, — предупредил ее Лиам. — Ты готова к этому?

Ханна вскинула подбородок.

— Я готова ко всему, что потребуется. Но это еще не значит, что я принимаю это или не буду бороться до последнего за другой исход. — Она колебалась. — Я серьезно, Лиам. Если мы не сможем объединиться, у нас ничего не получится.

Дождь барабанил по крыше. Призрак вздохнул и перевернулся на бок. Ханна вдыхала сладкий влажный воздух, чувствовала тепло Лиама рядом с собой, его поддерживающую силу.

Лиам сказал:

— Я понимаю.

Глава 49

Ханна

Сотый день

Ханна краем глаза наблюдала за Лиамом.

Он сохранял повадки солдата. Даже сейчас, в темноте и под дождем, сидя на качелях на крыльце ее заднего двора, его глаза метались туда-сюда, никогда не оставаясь неподвижными, его разум обрабатывал информацию, анализировал, реагировал и готовился.

— Ты все еще беспокоишься, — проговорила она.

— Есть и другие угрозы.

— Ты думаешь о Саттере.

— Да.

— И о Лютере.

Лиам кивнул.

— Лютер не вернется.

— Может быть. Может быть, нет. — Он колебался. — Как прошел твой визит к Лютеру-старшему?

Она тяжело вздохнула.

— Хорошо, да?

— Они сделаны из одного теста.

Решив сдержать свое обещание, Ханна вчера навестила отца Лютера, чтобы проведать его и составить график регулярных визитов. Он встретил ее с яростным гневом и недовольством, что не удивило Ханну.

Сначала он отказался от еды, которую она ему принесла.

— Мне не нужны подачки! Я прекрасно справляюсь. — Он смотрел на нее из своего инвалидного кресла. — Оставьте меня в покое!

Быстрый осмотр пустых шкафов показал истинное положение вещей. Без вмешательства он умрет с голоду. Прикованный к инвалидной коляске, не имеющий возможности самостоятельно выйти из дома, он нуждался в помощи.

Как бы он ни злился, как только Ханна развернула свежий хлеб, клубничный джем и два вареных яйца, он набросился на еду, как голодный зверь.

— Это ничего не значит, — огрызнулся он, его ревматические глаза сузились. — Я вам ничего не должен.

— Конечно, нет. — Она колебалась. — Я дала обещание вашему сыну, сэр. Я не смогла сдержать обещание Лютеру и позволить ему остаться, но это обещание намерена выполнить. Старик выругался.

— Мальчишка. О чем, черт возьми, он думал?

Ханна ничего не ответила, не зная, как реагировать.

Лютер-старший махнул на кислородный баллон рядом с его инвалидным креслом и трубки в его носу.

— Кислород скоро закончится. И что тогда? Все равно я ходячий мертвец. — Он насмешливо фыркнул. — А я ведь даже не хожу.

— Простите, сэр...

— Простите? Ты сожалешь? Что вообще для кого-нибудь сделало сожаление? Ты выгнала моего сына из единственного сообщества, которое может сохранить ему жизнь — после того, как он дал тебе ключ к спасению города. Не очень-то похоже на справедливость?

— Он ведь не на веревке болтается, — напомнила ему Ханна.

Лютер-старший открыл рот, чтобы возразить, шишковатые губы растянулись в усмешке, но потом что-то в нем дрогнуло. Если он и увидел правду в словах Ханны, то не признал ее.

— Я вернусь завтра.

Он посмотрел на нее, горько и покорно.

— Как я уже сказал, не возвращайся сюда.

— И я попрошу Эвелин Брукс проверить вас. Она отличная медсестра.

Он закашлялся, рваный звук, от которого у Ханны свело зубы, выглядя при этом совершенно несчастным.

— Вы ничего не можете для меня сделать. Ничего.

Хотя она намеревалась вернуться, как обещала, он не ошибся. Ничто из того, что Ханна могла сделать, не могло вылечить его, обеспечить надлежащую медицинскую помощь, в которой он нуждался, устранить раскол, вызванный ополчением, или вернуть его сына.

Грудь Ханны сдавило, наполнив ее жалостью, состраданием и чувством вины.

Она ушла, чувствуя себя хуже, чем, когда пришла.

— Он страдает, — сказала она теперь. — И он зол.

— Сейчас это не редкость.

Она знала, что они оба думали о Квинн.

— Да, это так.

Холод пробирал ее до костей. Под курткой на ней лишь фланелевая пижама и толстовка. Ханна дрожала.

— Вот. — Лиам стянул с себя плащ и накинул его ей на плечи, накинув капюшон на голову. Она не могла разглядеть его черты в темноте, едва могла различить фигуру, но чувствовала Лиама.

Даже с ранением, каждое его движение излучало силу, компетентность и власть. Ее пульс участился, а желудок совершил странное сальто.

Он замер, так близко, что его теплое дыхание коснулось ее щеки, посылая искры по ее телу от пальцев до пят.

— Ты тоже это для меня делаешь, — сказал Лиам так тихо, что дождь почти заглушил его слова. — Ты держишь волков подальше.

Ханна перестала дышать.

Лиам протянул руку и заправил влажную прядь волос ей за ухо. Он прикоснулся к ее лицу, его пальцы словно огонь на ее коже.

— Ханна...

Перед ее глазами промелькнуло лицо Пайка. Его красный рот, пустые глаза. Ее кости трещат. Боль.

Страх пронзил Ханну насквозь.

Прежде чем она успела подумать, прежде чем ее мозг смог рассортировать мириады мыслей и эмоций, сжигающих ее синапсы, инстинкт взял верх. Она отпрянула в сторону, как испуганная лошадь.

Вскочив на ноги, Ханна схватилась за поврежденную руку.

— Я... я не могу. Прости.

— Ты не должна мне ничего объяснять. Я подожду, Ханна. Я...

Ханна не слышала продолжения. Она стряхнула с плеч плащ Лиама и убежала в дом, чуть не поскользнувшись на мокром крыльце от спешки.

Призрак протиснулся следом за ней, и дверь заскрипела на ветру. Затем дверь захлопнулась.

Ханна рухнула на колени посреди темной кухни. Рыдания сотрясали ее тело.

Призрак лизнул ее в лицо и прижал свою огромную голову к ее плечу, предлагая утешение, как только мог. Она прильнула к нему и обхватила за грудь, уткнувшись щекой в его мокрый мех, вцепившись плохо слушающейся рукой в шерсть, вдыхая влажный собачий запах.

— Что со мной не так? — прошептала она, боясь, что уже знает ответ.

Она сломлена.

Не важно, как сильно она заботилась о Лиаме, как глубоко росли ее чувства к нему — а они росли. Ханна чувствовала это каждым ударом своего сердца.

Пайк не умер — не в ее сознании. Отнюдь. Он ушел, но его сила осталась, как какой-то извращенный и садистский призрак, злобный демон из глубин ада, все еще преследующий ее.

Вред, который он причинил, жил в глубинах ее души. Страх и боль, внушаемые днями, месяцами и годами, проникали в душу, вязли в костях.

Ханна боролась, чтобы убить Пайка, чтобы избавить вселенную от его злобного присутствия, но этот поступок оказался лишь первым шагом на пути к исцелению, который займет годы, а может быть, и вечность.

Борьба со страхом. Встреча с этой болью. Снова, снова и снова.

Это просто непреодолимо.

Как она могла дать такому мужчине, как Лиам Колман, хотя бы малую толику того, что он заслуживал?

Она не могла. Такова правда, с которой Ханна не могла смириться. Она не могла.

Глава 50

Лиам

День сто первый

Лиам стоял перед камином Молли и смотрел на весело мерцающий огонь, сам чувствуя себя совсем невеселым.

В гостиной витали запахи печеного хлеба и древесного дыма. Хотя на улице стемнело — надвигалась очередная гроза, — керосиновые фонари, развешанные по стенам, отбрасывали теплый свет. Смех и негромкие голоса наполняли дом.

В то время как бесконечные дела заполняли их дни, после захода солнца их маленькая община расслаблялась и наслаждалась обществом друг друга за играми, разговорами и хорошей, хотя и ограниченной едой.

Сегодня вечером все собрались у Молли. Ее дом хоть и маленький, но уютный, и никто, похоже, не возражал против тесного соседства.

Эвелин помогала Молли на кухне, к ней присоединился Рейносо. Оказалось, что этот большой замкнутый коп любит готовить. Он приготовил отличный суп с фасолью пинто и гарниром из дважды запеченного картофеля и зеленой фасоли.

Бишоп совершал свой обычный обход, болтая с каждым, предлагая щедрые подбадривания и комплименты, его частый звонкий смех возвышался над гулом разговоров.

Дейв и Аннет обсуждали следующий День торговли и лучшие методы расширения общественных садов. Они сидели близко друг к другу на диване, колени почти соприкасались.

Перес увлеченно играла в шашки с Тревисом. Майло сыграл несколько партий, даже немного улыбался, но в основном он сидел на кухне в одиночестве.

После того как их потискали и понянчили, малыши играли на животиках на одеяле, расстеленном в центре гостиной. Лиам провел большую часть вечера, держа их обоих на руках. Они пахли детской присыпкой и сладким молоком, их кожа ощущалась бархатисто-мягкой.

Его сердце разрывалось от неистовой привязанности каждый раз, когда Шарлотта обхватывала его палец своей крошечной ладошкой или, когда ЭлДжей хихикал, выдувая пузырь из своего идеального розового ротика.

За последние две недели кашель ЭлДжея уменьшился. Благодаря молоку Ханны, домашней смеси и чесночному сиропу от кашля Молли, он набрал фунт и стал полнеть.

Впервые он выглядел здоровым. Сын Линкольна процветал в Фолл-Крике.

Как Лиам и надеялся, родители Джессы тоже. Голодный, осунувшийся вид исчезал с их лиц, сменяясь чем-то живым и цветущим.

Эвелин отличалась резкостью и бесцеремонностью, в то время как ее муж был мягче, добрее и нежнее. Он рассказывал удивительные истории с искрометным чувством юмора, которое все ценили. Эвелин привнесла свои медицинские навыки, а Тревис добавил острый ум и готовность учить.

Они с энтузиазмом помогали там, где это необходимо, и никогда не жаловались. Бруксы прекрасно вписались в их коллектив.

Наблюдая за ними троими, его грудь расправлялась, как будто какой-то сломанный кусочек внутри него снова собирался воедино.

«Ради тебя, Линкольн, — подумал Лиам с болью. — Я привел их домой, Джесса».

Звонкое хихиканье Шарлотты вернуло его в реальность. Хвост Призрака, машущий совсем рядом с ними, совершенно очаровал обоих малышей. Озорной кот Локи не менее очарован ими и постоянно бьется об их маленькие пинающиеся ножки, к удовольствию ЭлДжея.

Тор и Один спали у камина, а Валькирия бродила по дому, подозрительно обнюхивая ноги людей. Как обычно, Хель, пушистая белая правительница подземного мира, вершила

суд на холодильнике.

Лиам наслаждался компанией больше, чем думал. Но все же чего-то не хватало.

Его взгляд то и дело останавливался на Ханне, которая, как и Бишоп, порхала среди группы, ее голос звучал весело и оживленно, она наклоняла голову, слушая рассказы Тревиса или смеясь над редкими шутками Рейносо.

Они не разговаривали весь вечер. Несколько раз Лиам ловил ее неуверенный, полный боли взгляд. Душевная боль в глазах Ханны его убивала.

Лиам мог выдержать пулю — да что там, он выдерживал несколько пуль, — но причинять страдания любимой женщине было для него невыносимо.

Прошлой ночью он все испортил. Внутренне он корил себя за то, что слишком поспешил, за то, что вел себя как идиот и открыл свой большой чертов рот.

Ханна одним махом расправилась с его защитными барьерами и склеила кусочки его разбитого сердца.

Возвращение к жизни причиняло боль. Как будто его замороженные, переохлажденные конечности оттаивают, колот и жгут, когда онемение уходит, а острое великолепное тепло проникает внутрь.

Но эта боль того стоила.

Ханна показала ему проблеск того, какой осмысленной может быть жизнь, какой может быть любовь.

Он хотел этого. Хотел ее.

Лиам жаждал большего, но он готов принять все, что Ханна ему даст. Ей нужно это знать. Несмотря ни на что пока Лиам живет и дышит, он будет рядом с ней.

Как только гости разойдутся по домам, он поговорит с ней. Ему нужно придумать, как сказать это вслух, не показавшись полным идиотом. Будь он проклят, если потеряет Ханну из-за собственной тупости.

Еще раз проверив окна и двери — снаружи никакого движения, небо черное как смоль, ни одной звезды, — Лиам прошел на кухню. Вкусный запах свежее испеченного хлеба смешивался с пряным фасолевым супом.

— Давно не видел Квинн. Она хорошо себя чувствует? — спросил он Молли, пытаясь отвлечься.

Последние несколько дней Квинн не появлялась на утренних тренировках, что на нее совсем не похоже.

— Где этот ребенок? — пробормотала Молли, помешивая суп на дровах и в десятый раз выглядывая в окно. — Я жду ее уже несколько часов.

Раздался стук в дверь. Лиам напрягся, мгновенно насторожившись.

Молли оглянулась, как бы удивляясь, что Квинн все еще нет дома, чтобы ответить, отложила деревянную ложку и потянулась за своей тростью, прислоненной к кухонным шкафам рядом с ее верным «Моссбергом».

— Я разберусь, — остановила ее Ханна. — Вы и так делаете достаточно, Молли.

Ханна вытерла руки о полотенце и прошла через гостиную, перешагивая через кошек, которые пытались обвиться вокруг ее лодыжек.

Бишоп, уже стоявший у окна гостиной и наблюдавший за главным входом в дом, оглянулся на Лиаму, кивнув. Кто бы ни подошел, он не представлял угрозы.

Лиам все равно держал одну руку на своем «Глоке».

Открыв дверь, Ханна с улыбкой отступила назад.

— Привет, Джонас. Рада тебя видеть.

Из кухни донеслось ворчание Молли.

— Наконец-то! Думала, что больше никогда не увижу свою внучку. Она все выходные отлынивала от работы. Пришла как раз к ужину, как я вижу. Надеюсь, ты захватила с собой оленя или хотя бы дикую индейку или двух.

Ханна пригласила Джонаса внутрь и отошла в сторону. Джонас вытер ноги о входной коврик. Он был одет в толстовку «Old Navy» под армейской зеленой холщовой курткой и потертые джинсы. И он пришел один.

Его взгляд метался по комнате, на губах играла вежливая улыбка.

— Привет, мисс Молли, мисс Ханна, мистер Коулман, пастор Бишоп. Похоже, я пропустил вечеринку.

Молли помахала тростью.

— Вы двое, тащите свои задницы сюда, и я покажу вам вечеринку! У меня куча посуды, которая не хочет мыться сама.

Джонас нахмурился, его брови сошлись в замешательстве.

— Я зашел узнать, не хочет ли Квинн потусоваться и поиграть в «Монополию». Но от ужина я точно не откажусь. Если вы не возражаете, я отнесу его маме.

С раздраженным ворчанием Молли зашаркала в гостиную.

— Что за чушь ты несешь, парень? Квинн торчит с тобой и этой Уитни уже три дня подряд.

На лице Джонаса промелькнуло недоумение.

— Что? Нет, это не так. — Он взглянул на Лиаму. — Она сказала, что не может пойти с нами на охоту, потому что у нее слишком много тренировок.

Лиам покачал головой.

— Она не тренировалась по утрам последние три дня. И на групповой тренировке по безопасности после обеда не появлялась.

Молли поговорила в замешательстве:

— Последние несколько ночей она провела у Уитни. Ей требовался перерыв, чтобы снова почувствовать себя подростком. Она собиралась отмечаться, но я подумала, что Квинн в безопасности. Она была с тобой.

— Нет, — повторил Джонас, все еще озадаченный. — Последний раз я видел ее четыре дня назад, когда мы копали туалет для Чилсонов на Третьей улице.

Выражение лица Молли стало жестким, но глаза выдавали ее растущее беспокойство.

— Простите за мой французский, пастор Бишоп, но где, черт возьми, Квинн?

Все уставились друг на друга в ошеломленном молчании.

— Она могла сбежать? — спросил Тревис.

Молли решительно покачала головой.

— Нет. Ни за что. Только не моя Квинн.

Долгое время никто ничего не говорил.

— Что если... что если кто-то ее похитил? — проговорила Эвелин.

Перес поставила стакан с водой на журнальный столик, вскочила на ноги и потянулась за своим пистолетом.

— Флинн и его люди. Они сделали это.

Ханна побледнела.

— Что? Нет. Нет, они бы не стали.

Дейв сжал руки на коленях.

— Флинн угрожал возмездием. Он угрожал насилием. Что, если это они?

Молли уставилась на них, встревоженная.

— Вы хотите сказать, что кто-то похитил мою внучку?

Напряжение высасывало кислород из комнаты.

— Они бы не стали, — произнесла Ханна, на этот раз менее уверенно. — Это за гранью их возможностей. Они бы не сделали ничего подобного.

— Я не знаю, — сказал Рейносо. — Мы не можем быть уверены. Мы должны...

Перес уже вскочившая на ноги, шагала по гостиной, ее лицо окрасилось в пурпурный цвет.

— Конечно, это они! Они потеряли людей; они обвиняют нас. Они идут на обострение, и если мы не прекратим это сейчас, у нас будет еще одна война. Пришло время покончить с их дурацким Общественным Альянсом, раз и навсегда.

— Погодите... — начала Ханна.

— Мы не должны действовать поспешно, — отчеканил Бишоп. — Мы не знаем наверняка...

Лиам устал от разговоров. Он не собирался вступать в бой с оружием, но и стоять и разводиться руками он тоже не желал.

— Есть только один способ узнать это.

— Всем нужно успокоиться. — Бишоп широко раскинул свои огромные руки, жестом призывая друзей сохранять спокойствие. — Если вы отправитесь туда прямо сейчас, с разгоряченными головами, кто знает, что может случиться.

— Думаю, нам придется разбираться по ходу дела. — Перес стояла у двери, накидывая куртку, Рейносо шел за ней по пятам.

Молли опиралась на трость, все ее тело дрожало от гнева и страха.

— Если они причинят вред моей внучке, вечное проклятие не будет достаточным наказанием, когда я с ними разберусь!

— Даже если они ее забрали, она станет разменной монетой, — предположила Аннет. — Они не причинят ей вреда.

— Ты не можешь знать этого наверняка, — возразила Перес. — Эти люди злые, озлобленные и отчаявшиеся. Мы видели, на что способны отчаявшиеся люди. Не думайте, что у них есть честь, только потому, что она есть у нас.

Ханна кивнула.

— Мы не будем никого недооценивать, но нам нужно успокоиться и немного подумать.

Перес нахмурилась.

— О чем тут думать? Где еще она может находиться? Кто еще мог ее похитить? Они — единственная угроза. И они ясно дали понять о своих намерениях. «Возможно, вам нужно почувствовать ту же боль, что и нам». — Она повернулась к Дейву. — Разве не этим угрожал Флинн?

Дейв прочистил горло.

— Он так сказал. Да.

— Тогда поехали! — воскликнула Перес.

— Лиам, — проговорил Рейносо. — Что скажешь?

Все взгляды в комнате обратились к нему. Джонас стоял в дверях с испуганным видом. Эвелин и Тревис смотрели на него, широко раскрыв глаза. ЭлДжей заснул на груди Тревиса.

Эвелин покачивала Шарлотту на коленях.

Майло сидел за кухонным столом, сторбив плечи, сцепив руки на коленях, и не произносил ни слова. Он уставился в стол, его взгляд был расфокусирован.

Ханна тоже это заметила. Она оглянулась на него, в ее глазах читалась озабоченность.

Лиам поднял руку.

— Подождите.

Перес вздохнула от нетерпения, но Рейносо бросил на нее предупреждающий взгляд. Они ждали.

Лиам хотел дотронуться до руки Ханны, но воздержался. Но не сводил глаз с ее лица.

— В чем дело?

Прикусив нижнюю губу, Ханна повернулась к сыну.

— Майло?

Майло покачал головой, черные кудри упали ему на лицо, и не поднял глаз.

В комнате воцарилась тишина. Ханна опустилась на колени перед сыном и взяла его маленькие руки в свои.

— Что-то случилось.

Майло колебался.

— Все в порядке, сынок.

Он снова покачал головой.

— Ты можешь что-нибудь рассказать нам о Квинн? Что-нибудь, что могло бы ей помочь?

Наконец, Майло заговорил.

— Она просила меня не рассказывать.

Глава 51

Лиам

День сто первый

Ледяной ужас скользнул между ребрами Лиама.

— Если Квинн в опасности, ты должен сказать нам, — произнесла Ханна. — Ты можешь помочь ей, помогая нам.

Майло поднял голову и встретил взгляд Ханны. Лиам увидел в нем упрямство и решимость, свойственные его матери.

— Я не могу ее подвести. Она рассердится на меня.

Молли резко вдохнула.

Ханна сжала его пальцы. Ее голос стал мягким и нежным.

— Я понимаю, милый. Ты хороший друг. Но хорошие друзья помогают друг другу, если друг в беде. Особенно если в беде.

Его глубокие темные глаза наполнились слезами.

— Ты думаешь, она в опасности?

— Да, похоже. И я думаю, ты можешь помочь нам ее спасти.

— Там была группа, — прошептал Майло. — На Дне торговли. В лесу.

Молли нахмурилась и начала что-то говорить, но Лиам покачал головой. Майло открылся Ханне, больше никому. Если они нарушат связь, он может замолчать.

— Что случилось? — спросила Ханна.

— Когда на нас напали злые собаки, Квинн заставила меня залезть на дерево. Она и

Призрак сдерживали собак, но их было много. Они напали на Призрака. Они ранили его. Я так испугался за него и Квинн, но не знал, что делать, поэтому остался на дереве, как она мне велела.

Услышав свое имя, Призрак с любопытством поднял голову и фыркнул, стуча хвост по полу.

Ханна напряглась.

— Это разумная мысль.

— Потом появились эти люди. Они держали в руках странные старомодные ножи, дубинки и прочее. Они отпугнули собак и спасли Призрака. Я хотел спуститься с дерева, но не стал. Если бы это было безопасно, Квинн позвала бы меня. Но она этого не сделала, и я понял, что Квинн хотела, чтобы я продолжал прятаться. Я сидел очень тихо все это время.

Ханна закрыла глаза, склонила голову, сжимая руки сына.

— Это очень смело. Я так горжусь тобой, милый.

— Ты думаешь, она может быть с ними сейчас? — спросил Лиам.

Майло кивнул.

— Квинн немного поговорила с ними. Один из них предложил ее пойти с ними. — Он посмотрел на Ханну обеспокоенными глазами. — Сначала я не понял, плохие они парни или хорошие. Мне так жаль.

Молли зарычала, как животное, попавшее в капкан. Лиам никогда не видел в Молли ничего, кроме спокойствия и собранности. Сейчас она выглядела совсем иначе. Страх искажил каждую черточку ее морщинистого лица.

Ханна обняла Майло.

— Ты молодец, милый. Ты молодец.

Через плечо матери Майло встретился взглядом с Лиамом.

— С Квинн все будет в порядке? Они не причинят ей вред?

Вопрос какое-то время оставался без ответа.

— Нет, конечно, нет, — наконец проговорила Эвелин успокаивающим голосом.

Глаза Майло не отрывались от Лиама, испуганные, умоляющие, настоятельные.

По правде говоря, он не знал ответа. Он не думал, что Общественный альянс способен на похищение, но сомневался, что они причинят вред девочке-подростку.

Однако эта группа была совершенно неизвестна. Именно неизвестность пугала Лиама.

Дом Молли внезапно стал тесным, стены сдвигались, в груди нарастало огромное давление. Он и так потерял слишком много времени. Прошло три дня.

Квинн могла быть где угодно; Лиам ощущал, что она уже ускользает от него.

Почувствовав их беду, Призрак поднялся на ноги и рысью побежал на кухню. Он направился к Ханне и Майло, просунул свою большую голову между ними и устроил морду на коленях Майло.

Лиам хотел утешить мальчика, пообещать ему, что все будет хорошо. Но он не мог этого сделать, ведь Квинн где-то там, потерянная.

— Ты знаешь, где они? — спросил Лиам.

Майло покачал головой.

Ханна откинула кудри с его лба.

— Не торопись.

— Они оставили вам какие-нибудь подсказки? Хоть что-нибудь? — спросил Лиам.

— Они вроде говорили о том, что остановились на складе. И по иронии судьбы там так

много электронных вещей, которые больше не работают.

Лиам и Бишоп обменялись настороженными взглядами. Совсем много. В соседних городах существовало несколько производственных районов. Чтобы обыскать их все, потребовались бы недели, и это при наличии достаточного количества людей.

У Квинн могло не быть столько времени.

Майло сосредоточенно морщил нос, потирая уши Призрака.

— Их главный пошутил насчет кухонной техники. Что-то о посудомоечных машинах, которых больше, чем он мог сосчитать.

— «Вортекс», — проговорила Ханна.

Всемирная штаб-квартира компании «Вортекс» находилась в Сент-Джозефе, штат Мичиган, менее чем в двадцати милях от Фолл-Крика. Они производили бытовую технику, и их предприятия включали в себя разросшийся лабиринт офисов, производственный завод и склады.

Скорее всего, это место давно заброшено. Его чертовски трудно оборонять и не менее сложно проникнуть внутрь.

Лицо Молли потеряло цвет. Ее глаза смотрели безумно, покрытые пятнами руки дрожали, когда она сжимала трость, словно ноги могли подкоситься. В одно мгновение она постарела на два десятилетия.

Перед его глазами мелькнул образ Квинн — ее выцветшие голубые волосы, сверкающие пирсинги, рот, искривленный в саркастической ухмылке.

Как каждый раз, когда он сбивал ее с ног, она снова поднималась. Каждый раз, черт возьми.

Лиам видел, как взрослые мужчины плачут от мучений, причиняемых им на тренировках. Но не она. Такая юная, но яростная, в ее взгляде отчаянная свирепость, которая затронула что-то внутри него.

Она умоляла его обучить ее несколько недель назад. По собственной слабости он отказался. Если бы он сделал это, она бы гораздо лучше подготовилась к любым угрозам. Это теперь на его совести.

Квинн нуждалась в нем. Он не подведет ее снова.

Молли смотрела на Лиам потухшими глазами, безмолвно умоляя его спасти ее внучку, единственную, кого она любила больше всего на свете. Ей не требовалось произносить слова вслух — он знал.

Лиам уже двигался к входной двери.

— Я ее найду.

— Ты не в том состоянии, чтобы драться, Лиам, — сказала Эвелин. — Ты можешь пострадать. Тебя могут убить.

— Тебя ранили только на прошлой неделе, — поддержала ее Аннет. — Тебе нужно отдохнуть.

— Я в порядке. — Его огнестрельная рана заживала благодаря медицинскому опыту Эвелин, и в нее даже не попала инфекция. Его позвоночник чувствовал себя лучше с помощью Ханны. Он и раньше сражался с ранениями. Черт, он жил с сильной болью каждый день своей жизни. Это ничем не отличалось. — Я в порядке.

— Лиам, — предупредил Бишоп.

Лиам колебался, искал Ханну и встретил ее взгляд. Он чувствовал себя растерянным, соперничающие желания разрывали его сердце.

Он заботился о Квинн, чувствовал ответственность за нее. И он любил Ханну, жаждал защитить ее, остаться рядом с ней, несмотря ни на что. Однажды он уже ее оставил. Это чуть его не убило.

Одно ее слово, и он останется.

Она видела это в его глазах. Слабый намек на улыбку украсил ее губы. Улыбка боли, но и надежды. Она кивнула, давая разрешение.

Ханна знала, кто он — овчарка, защитник.

— Давай я пойду вместо тебя, — предложил Бишоп.

— Нет! — возразил Лиам. — Я лучше всех подготовлен. Это должен быть я.

— Тогда возьми меня с собой.

Лиам доверял Бишопу настолько, насколько вообще доверял любому человеку — правда, его доверие к людям не слишком сильно. Но с Бишопом в команде, он мог не переживать за свою спину.

Но Лиаму не хотелось снова оставлять Ханну. Ему нужно знать, что она в безопасности; без этой уверенности он не мог сосредоточиться на выполнении задания.

Бишоп представлял для него большую ценность дома.

— Оставайся здесь. — Он встретил взгляд Бишопы. — Защищай людей, которых я люблю.

Мрачно, но Бишоп кивнул.

— Вы тоже, — обратился он к Перес и Рейносо. — Обеспечьте дополнительное дежурство. Все в состоянии повышенной готовности. Никому не входить и не выходить, пока я не вернусь.

Что бы там ни было, это не один объект. Если они столкнулись с многочисленными угрозами, безопасность города имела первостепенное значение. Лиам знал это. Они знали это.

— Не дай им причинить ей вред, — прошептал Майло.

— Не дам. — У двери Лиам приостановился. Что-то зашевелилось в глубине его сознания. Он обернулся к Майло. — Почему сначала?

— Что?

— Ты сказал, что не смог решить, были ли они плохими парнями «сначала». Что-то изменило твое мнение. Что это было?

Все взгляды обратились к мальчику. Ханна крепче обняла его, ее лицо побелело. Призрак тихонько заскулил.

Майло прикусил нижнюю губу.

— Я увидел кое-кого, а потом узнал. Одного из мужчин в группе. Это был Саттер. Маттиас Саттер был с ними.

Глава 52

Квинн

День сто первый

Квинн вляпалась по уши.

Теперь она это понимала.

Запах горящего пластика забивал ей ноздри, душил горло. Остальных это, похоже, не беспокоило. Десятки молодых людей толпились вокруг костра, который развели в центре огромного четырехэтажного склада.

Они притащили с фабрики всякую всячину — передние части посудомоечной машин, полки холодильников, внутренности плит, ноутбуки, компьютеры и телефоны, которые выгребли из офисов, — и сложили все это в огромный костер десяти футов в поперечнике. Они добавили столы, книжные шкафы и старую гниющую рождественскую елку.

Каждый раз, когда кто-то бросал в костер ноутбук, микроволновку или печатную плату, раздавалось еще больше насмешек и улюлюканья.

Они танцевали и ликовали, высоко поднимая кулаки, размахивая оружием, прыгая вокруг костра, как дикари из какого-то дурацкого фильма.

Они раздобыли где-то выпивку. Большинство напились, может быть, и под кайфом.

Квинн понятия не имела, где они это достали. Наверное, так же, как получили спальные мешки прошлой ночью — взяли все, что хотели, и убили всех, кто протестовал.

Прошлой ночью она осталась с Далией и парой девушек в одном из фургонов, которые они пригнали на огромную погрузочную площадку.

В фургоне воняло потом, травой и немывтыми телами. Ее собственные волосы были жирными, одежда помятой, кожа зудящей и противной. Никто, кроме нее, этого не замечал.

Квинн не спала, уставившись в потемневший потолок, в животе у нее образовалась глыба льда, тело мерзло и дрожало, разум оцепенел. Прижав карамбит обеими руками к груди, она напрягала уши в поисках любого звука — скользящего шага, дыхания на щеке.

Отвращение бурлило в ней. Кислая тошнота когтями впилась в горло. Она не могла выбросить из головы крики того мужчины.

Какие бы чувства жалости и товарищества она ни испытывала к Ксандеру, прошлой ночью они исчезли.

Он считал себя отступником, радикальным вольнодумцем-революционером, кем-то необычным. Но это не так.

Ксандер Торн был таким же отморозком, как и все остальные. Ничтожный бандит с манией величия.

Каждая частичка ее существа стремилась убраться отсюда, вернуться домой.

Еще нет. Не раньше, чем она закончит то, что собиралась сделать.

Она провела сегодняшний день, пытаясь и не сумев подобраться к Саттеру. Ксандер держал ее при себе, неся свою культовую чушь о пороках капитализма, работающего на электричестве, и уничтожая все, что попадалось ему под руку.

Но теперь Саттер остался один. Или настолько один, насколько это вообще возможно.

Он сидел на картонной коробке напротив костра, в стороне от остальных. Он пил. Шесть или семь пустых пивных бутылок валялись у его ног.

Откинувшись назад, Саттер опирался на предплечья, ноги расставлены, глаза остекленели, на его отрешенном лице застыло потрясенное, почти зачарованное выражение. Он слишком занят разглядыванием танцующих девушек, чтобы беспокоиться об обеспечении безопасности или оглядываться назад.

Может быть, он забыл о ней. Может думать, что девочка-подросток не представляет угрозы для такого человека, как он.

Он — опытный убийца. Она же никто.

Квинн наблюдала за ним, его громадная фигура мелькала в фокусе и расплывалась между телами, толпившимися и корчившимися между ними. Пламя плясало все выше и выше. Группа кричала все громче и громче.

Все были заняты. Даже Ксандер. После того как она отказалась танцевать с ним,

сославшись на боль в животе, он занялся Далией.

Квинн неуверенно поднялась на ноги и начала танцевать. Так близко к огню ее обдавало жаром, но она не решалась снять куртку, ее карамбит все еще оставался под свитером.

Покачиваясь, она кружилась вокруг костра, все ближе и ближе к Саттеру.

На нее натыкались тела. Пламя лижало одежду. Тени дрожали на дальних стенах. Она просунула руку под футболку, обхватила рукоятку и просунула пальцы в предохранительное кольцо.

Вот и все. Время покончить с ним. Время убивать.

Голова гудела, в ушах стоял жуткий рев, ярость заполняла все пространство в голове, барабанила в венах, в крови.

Страшный рёв перекрыл все звуки, все чувства, все ощущения, кроме её гнева. Темный, черный и яростный. Квинн достала карамбит, прижала его к бедру.

Всего в нескольких футах от нее. Она так близко, все, что ей нужно сделать, это...

— Какого черта? — раздался голос за ее спиной.

Кто-то схватил ее за руку. Квинн попыталась вырваться, но на нее налетел другой человек, и она зашаталась, потеряв равновесие.

Сильные руки сомкнулись на ее бицепсах и ее подняли на ноги.

Джетт и Рокко крепко держали ее по бокам. Страх застрял в горле Квинн как камень.

— Отпустите меня!

Ксандер стремительно приближался к ней, на его лице застыла ярость.

— Что происходит?

Танцы мгновенно прекратились. Как один, несколько десятков тел замерли и повернулись к ней, глаза сузились, руки потянулись к оружию.

— Я же говорила! — Далия подошла к Ксандеру. — От этой девчонки одни неприятности!

— Это правда. — Саттер поднялся, покачиваясь, на ноги, свет костра мерцал на его плоских чертах, когда он навис над ней. Он ткнул толстым пальцем ей в грудь. — Она только что пыталась меня прикончить.

— Я не пыталась! — воскликнула Квинн.

Далия скрестила руки на груди.

— Она самозванка, Ксандер!

Ксандер нахмурился, переводя взгляд с Далии на Квинн.

— Это правда?

— Нет.

— А как насчет ножа, который ты все это время прятала под свитером? — спросила Далия со сладостью, капающей ядом. — Ты чуть не зарезала им Тедди.

Все взгляды обратились к ножу в ее руке. Лицо Квинн вспыхнуло.

— Я могу объяснить...

Рокко вырвал лезвие из ее пальцев и передал его Ксандеру.

— У нее было это.

Лицо Ксандера потемнело.

— Никто не убивает наших людей.

— Он не один из твоих людей! Он не тот, за кого ты его принимаешь.

— Как и она, — заявил Саттер.

Ее разум гудел. Паника мешала думать.

— Его зовут Маггиас Саттер. Он возглавлял группу боевиков, которые убили кучу моих людей. Он убийца!

— Значит, вы все-таки знакомы, — отметил Рокко.

— Она хочет отомстить, — ровно произнес Саттер.

— И зачем ей это нужно? — спросил Ксандер.

Саттер улыбнулся.

— Вариантов масса. Может быть, потому что я убил ее никчемную мать-наркоманку.

Квинн изо всех сил боролась с держащими ее руками.

— Ты не имеешь права говорить о ней!

Саттер бесстрастно пожал плечами и перевел свой жесткий взгляд на Ксандера.

— Она притворилась, что присоединилась к вам, чтобы убить меня. Это был ее план с самого начала. Она никогда не верила в ваше дело. Просто уловка.

Ксандер моргнул.

— Это ранит меня. Это действительно больно.

Квинн попыталась освободиться, но Джетт и Рокко вцепились в нее так сильно, что пальцы затекли, а руки лишились кровообращения.

Далия смотрела на Квинн с ухмылкой, как будто Квинн была жуком, которого она хотела раздавить своими армейскими ботинками.

Ксандер смотрел на Квинн обиженно и сердито.

— Мне казалось, ты утверждала, что разделяешь наши идеалы.

— Да!

Он уставился на нее, не мигая. Его глаза стали жесткими. Мягкость, которую он демонстрировал ранее, исчезла.

— Нет, нет, я не думаю, что это так.

— Послушай, Ксандер...

— Заткнись!

Квинн поникла, потерпев поражение. Игра окончена. Притворство ей больше не поможет.

— Саттер — лжец. Не верь ему.

— Тедди до сих пор оставался честен. А ты, похоже все это время врала.

— Нет, неправда! — закричала Квинн, хватаясь за соломинку. — Он сказал тебе, что мы знакомы? Он тоже солгал! Что он тебе обещал? У тебя уже есть это? Он просто манипулирует тобой. Он тоже не верит в ваше дело! Он просто хочет отомстить, потому что мы его победили!

Саттер оскалил зубы.

— Она сумасшедшая.

— Прекрати! — Ксандер выхватил меч и направил его на Саттера, затем замахнулся на Квинн.

— Вы оба, заткнитесь! С меня хватит!

Квинн застыла на месте, во рту у нее появился привкус страха, металлический и медный.

— У нас тут не так много правил. — Он окинул взглядом свою группу. — Но некоторые все же есть. Никто не уходит. Никто не лжет. И никто не предает нас. Особенно. Не. Ты. — Он остановился перед ней, ярость, смешанная с печалью, пересекла его лицо. — Я думал, мы

друзья, Квинн.

— Тогда отпусти меня!

— Я не могу этого сделать. И не хочу.

— Мои люди придут за мной! Не стоит с ними связываться. Они найдут меня. Тебе это не сойдет с рук!

Ксандер бросил на нее еще один взгляд, полный отвращения.

— Опять ложь.

— Я думаю, мы должны сделать с ней что-то особенное, — заявил Джетт. — Примерно наказать.

Из толпы, окружавшей их, послышался шелест согласия. Квинн разглядела жаждущие, голодные лица, улыбки как у барракуд.

— Например? — спросила Далия, как будто ей только что пообещали торт на ужин.

— Мы что-нибудь придумаем. — Ксандер обратился к Джетту. — А пока я не хочу ее видеть.

Саттер отступил назад, выходя из круга, который смыкался все теснее и теснее. Его лицо оставалось спокойным и пустым, лишенным эмоций. Только глаза выдавали его восторг.

Пять дюжин приспешников Ксандера толпились внутри. Ликование на их лицах, огонь, сверкающий в их безумных глазах, их острые ножи, копья и топоры.

Они смотрели на Квинн так, словно она десерт, что-то, что нужно смаковать.

Квинн задрожала, вспотела, сопротивляясь уколу жидкого страха, от которого покалывало кожу головы. Ее кишечник свело, сердце бешено заколотилось.

Далия ударила ее кулаком в живот. Боль взорвалась под ребрами и разлилась по всему телу.

Рокко сбил Квинн с ног. С другой стороны Джетт обрушил на нее удар по затылку. Почувствовав головокружение, она упала на колени.

Задыхаясь, она попыталась подняться на ноги, но их слишком много. Она нанесла несколько ударов, ее кулак попал кому-то в нос, хрустнул хрящ. Квинн выдрала у Далии прядь волос из головы. Та отшатнулась назад и завизжала как поросенок.

На нее обрушился ливень ударов ногами и руками. Две дюжины стальных ботинок врезались в ее ребра, спину, грудь.

Она пиналась, царапалась и кричала. Что-то ударило ее по лицу. Ее зубы зашатались в своих гнездах.

Еще несколько ударов повалили Квинн на спину. Она ударилась головой о бетон, и все вокруг потемнело и расплылось. Боль ослепила ее.

Инстинктивно она свернулась калачиком, пытаясь защитить голову и шею руками, подтянув колени к животу.

Сквозь шум она смутно слышала, как они что-то напевали, пиная ее. Нанося удары. Избивая. Уничтожали, ломая тело Квинн с каждым ударом, перемалывая ее кости в пыль под своими каблуками.

— Смерть власти! Смерть власти! Смерть власти!

Глава 53

Квинн

День сто первый

Квинн открыла глаза от мучительной боли.

Сначала она не понимала, где находится и как долго. Единственным ее спутником оставалась боль. Боль в каждой клетке, излучаемая костями и мышцами, боль, пылающая красным жаром за ее ноющими глазными яблоками.

А потом, медленно, медленно, все вернулось к ней. Склад. Костер, жестокое избиение. Ксандер и Саттер стоят там и смотрят.

Банда Ксандера изрядно повеселилась. Квинн не помнила, как ее притащили в эту комнату. Она не помнила, как стяжки врезались в ее запястья.

Сначала вокруг была только крошечная тьма, но постепенно сквозь прорези ее опухших глаз пробился слабый серый свет.

Узкое окно высоко вверху. Холодный плиточный пол под ней. Четыре квадратных стены, комната десять на десять. Мусор по углам. Полка вдоль задней стены, лишенная запасов. Возможно, кладовка.

Осторожно она осмотрела свои раны. Один глаз распух и наполовину закрылся, другой опух и слезился. Щеки исцарапаны, губа рассечена и кровоточит в трех местах.

Ее внутренности представляли собой кашу, как мешок с картошкой, избитый свинцовыми трубами. Хотя Квинн не могла их видеть, представляла себе синяки, расцветающие на ее спине, плечах, руках, бедрах, все они мучительно ныли.

И ее вырвало на себя. Ее свитер стал жестким и липким, от кислой вони слезились глаза.

Когда она попыталась пошевелиться, кинжалы боли пронзили ее позвоночник. Ребра горели, несколько из них, вероятно, треснули. От головокружения ее крутило, как белье в стиральной машине.

Со стоном Квинн свернулась в клубок на полу, отчаяние грозило ее захлестнуть целиком.

Они собирались ее убить. Сейчас лишь отсрочка, пока они придумывали какой-нибудь грандиозный, и зрелищный способ выставить ее труп напоказ.

В голове промелькнули жуткие образы. Мрачное тело, висящее на дереве, медленно вращающееся на ветру. И мужчина на пристани, его неистовые крики, когда толпа набросилась на него.

Ксандер увлекся ею на мгновение, как ребенок, играющий с новой блестящей игрушкой, но отбрасывающий ее, как только появляется что-то лучшее.

Квинн потерпела неудачу, полный крах.

В какую бы игру она не рассчитывала сыграть, думая, что сможет выиграть, в итоге оказалась именно той, кого переиграли.

И вот она здесь, запертая в комнате, захваченная бандой обезумевших социопатов, ожидающая казни — мечом, булавой, копьем, неважно.

Может быть, безумный бред Ксандера все-таки правда.

Ничто не имело значения.

Какой смысл бороться, выбиваться из сил? В днях, неделях и месяцах изнурительного труда, только чтобы положить немного еды в голодный живот, только чтобы прожить еще один день, пока все, кого ты любил, либо умерли, либо предали тебя?

Дедушка, любимый дедушка — умер. Октавия, дрянная мать — умерла. Юнипер и Хлоя, ее ответственность — мертвы. И Ноа, ее друг, ее герой... и человек, который предал, смотря ей в глаза, когда выбирал врага — мертв, мертв, мертв.

Все так абсурдно, тщетно и бессмысленно. Так, чертовски глупо.

Черная пустота разверзлась под ней, поглощая ее ярость, ее ненависть, угрожая засосать в бессмысленное забвение.

Она может провалиться.

Она уже так близко, боль завладела Квинн полностью. Просто закрыть глаза, просто сдаться.

Это все, что нужно. Закрыть глаза.

— Выпустите меня, — прохрипела Квинн. Она облизала губы, ее горло пересохло и потрескалось, и чувствовался вкус медной крови. — Выпустите меня.

Глава 54

Генерал

День сто первый

Генерал стоял и осматривал свои владения в учебном центре форта Кастер в Огасте, штат Мичиган, недалеко от Батл-Крика.

Построенный в 1917 году для военной подготовки во время Первой мировой войны, Форт Кастер служил Национальной гвардии штата Мичиган, ФБР, полиции штата и различным правоохранительным органам.

На погрузочной площадке мужчины и женщины в форме сновали туда-сюда, занимаясь различными делами, готовясь к отправке. Пятьсот национальных гвардейцев. Двадцать бронированных «Хамви», оснащенных пулеметами М2 Браунинг 50-го калибра. Ящики с РПГ и автоматическим оружием.

И самое лучшее — два вертолета УН-60 «Черный Ястреб» по его требованию.

Будет ли этого достаточно, чтобы уничтожить Синдикат По, еще предстоит выяснить, хотя имелись и другие местные ресурсы, которые он мог задействовать для этой миссии.

В своем крайнем ужасе перед По губернатор Даффилд передал Генералу полный контроль над операцией. С авторитетом и силой правительства штата за спиной, Байрон Синклер снова оказался на коне.

Вскоре он вернет себе место за столом переговоров — не только на уровне штата, но и на национальной арене.

Если Америка хочет выжить, ей нужно больше таких мужчин и женщин, как он, у руля. Те немногие души, что достаточно безжалостны, чтобы довести дело до конца.

— Сэр? Вы вызывали меня.

Генерал повернулся и посмотрел на опытного воина. На именной ленте значилось «Гиббс». Он не один из людей губернатора, а был человеком генерала.

Генерал обнаружил, что предпочитает поддерживать контакты с военными, с которыми общался все эти годы, — солдатами, уволенными с позором за различные неблагоприятные проступки. Хотя «морские котики» и рейнджеры обладали более высокой квалификацией, они, как правило, упрямо придерживались устаревших этических норм.

Развращенные и морально несостоятельные люди помогали Генералу в его работе.

Улыбаясь, он достал из кармана брюк листок бумаги и протянул его Гиббсу.

— Вот координаты GPS. В районе склада остановилась банда из ста необученных нигилистов. Уничтожьте их всех.

Гиббс кивнул.

— Понял.

— Отправляйтесь немедленно. Мы будем на день или два позади вас.

Подготовка небольшой армии, логистика и снабжение требовали времени. Его военизированная команда отправится быстро и незаметно и прибудет к месту назначения сегодня ночью.

Завтра в Мичигане станет на одну угрозу меньше. И Генерал станет на один шаг ближе к своей конечной цели.

Генерал намеревался въехать в крошечный городок Фолл-Крик, штат Мичиган, как герой, приветствуемый всеми после уничтожения угрозы нигилистов. Переполненные благодарностью, они примут Генерала и его армию с распростертыми объятиями.

Такую тактику он уже не раз применял с успехом.

Люди — бараны; они редко понимают, что их атакуют с нескольких фронтов и сразу несколько врагов.

Угроза, которую они не видели, самая опасная.

Конечно, всегда оставался шанс, что он встретит сопротивление. Если они не впустят его в свои ворота, что ж, всегда оставался план Б.

И ему нужно проверить достоверность слухов, которые рассказал ему Саттер. Если все как сказал Маттиас, то это заинтересовало Генерала. Очень сильно заинтересовало.

— О, еще кое-что, — сказал он.

Гиббс остановился и повернулся к нему, в его глазах застыл вопрос.

— Сэр?

— С ними человек по имени Маттиас Саттер.

— Сэр?

— Приведите его ко мне. Живым.

Генерал еще не решил судьбу Саттера. Он презирал слабости своего младшего брата, а Саттер сделан из того же теста.

Саттер позволил дочери Генерала умереть во время своей службы.

За это Генерал его не простил. Но как бы сильно он ни ненавидел эту идею, Саттер ему нужен. У Саттера имелись ценные, жизненно важные сведения. Он представлял собой необходимый элемент плана. Пока что.

Как только нигилисты будут уничтожены, и он возьмет под контроль Фолл-Крик, Генерал поселит своих людей в «Винтер Хейвене», который станет перевалочным пунктом для следующей фазы его плана — работы с По.

Но сначала у него есть еще одно дело.

Генерал убьет всех и каждого, кто виновен в смерти его дочери.

Глава 55

Лиам

День сто второй

За Лиамом следили.

Он чувствовал это последние четверть мили или около того. Он присел возле кирпичной стены, держа в руке пистолет НК45 с глушителем, делая размеренные вдохи, замедляя пульс и направляя адреналин в нужное русло.

Лиам находился в центре города Сент-Джо, недалеко от реки, в нескольких кварталах к северу от пляжа. Его окружали трех и четырехэтажные офисные здания, несколько современных фасадов из стекла и стали, многие из них сохранили кирпичную отделку, как и

сто пятьдесят лет назад.

Город выглядел жутко и неподвижно. Светофоры и уличные фонари не горели, нигде не наблюдалось искусственного освещения. До Лиам донесся запах чего-то горящего — прелая, пластиковая вонь, от которой у него перехватило желудок.

Перед тем как покинуть Фолл-Крик, он взял с собой М4, запасные магазины, «Глок» и тактический нож, а также рацию, которая сейчас не работала.

Нагрудное снаряжение и бронежилет дополняли снаряжение, включая очки ночного видения, надвинутые на глаза и отбрасывающие зеленоватое свечение в темноте.

В сотый раз он жаждал материально-технической поддержки для введения, эвакуации и прикрытия с воздуха. Когда-то ему предоставляли данные разведки, полученные с помощью беспилотников, спутниковых снимков и человеческой разведки.

Теперь у него нет ничего, кроме собственного мастерства и сообразительности.

Он завершил первую разведывательную петлю вокруг цели, когда обнаружил интервента.

«Вортекс» представлял собой матрицу зданий, занимавшую пару городских кварталов. Насколько Лиам мог судить, главное здание представляло собой длинный прямоугольник из стекла и стали, служивший штаб-квартирой, наполненное конференц-залами и кабинетами для обслуживания клиентов.

По обе стороны находились производственный цех и склад для хранения и отгрузки продукции. Оба здания представляли собой огромные многоэтажные стальные конструкции. Все три здания содержали десятки точек входа и выхода. Закончив разведку, он запланировал проникновение на крышу.

Но за ним следили. Возможно, за ним охотятся.

Находясь в квартале от штаб-квартиры «Вортекс», он отступил за кирпичное офисное здание и обогнул своего преследователя. Тот, кто преследовал его, не принадлежал к числу опытных агентов. Он действовал шумно, нерешительно, неумело; он выдал себя десятком разных способов.

Лиам осторожничал. Все еще восстанавливаясь, он не мог допустить ошибки. Никаких ошибок. Никаких сюрпризов.

Смирившись с болью в позвоночнике и боку, он прислушался: шаги удалялись все дальше, преследователь приближался к дальней стороне здания, направляясь в ту сторону, где несколько минут назад стоял Лиам.

Лиам проверял, нет ли снайперов в окнах и на крышах, сканировал затемненные дверные проемы и пространства между зданиями. Множество выбитых окон. Мусор валяется на обочинах и тротуарах.

Ни одного человека в поле зрения. Ничего не движется. Все вокруг хранило безмолвие, за исключением шагов впереди него. Если люди и присутствовали, то они хорошо прятались.

Осторожно ступая, он обогнул угол, держа пистолет наготове, и увидел фигуру, которая собиралась обогнуть следующий угол в сотне футов впереди него.

Мужчина, лохматые светлые волосы, рост сто восемьдесят восемь — сто девяносто сантиметров, худой и жилистый, в плохо сидящей куртке и со знакомым камуфляжным рюкзаком. В одной руке он держал монтировку, но в остальном был без оружия.

Лиам бесшумно двигался позади него, переступая с пятки на носок, преследуя свою добычу бесшумно и смертельно опасно как пантера.

Он подошел к мужчине на расстояние шести футов, и тот ничего не заподозрил. Лиам

мог застрелить его или перерезать горло, прежде чем его мозг успеет зафиксировать присутствие Лиама.

Он этого не сделал, хотя и хотел. От следующих тридцати секунд зависело, будет ли он убирать эту конкретную цель.

Нацелив пистолет в заднюю часть черепа мужчины, он сказал:

— На колени!

Мужчина вздрогнул, но упал на асфальт, подняв обе руки вверх, все еще сжимая монтировку.

— Не стреляй!

Нахмурившись, Лиам обогнул пленника, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Серьезно?

— Ох, черт. — Джеймс Лютер смотрел на него с равной смесью страха и ненависти. — Не то чтобы я счастлив тебя видеть.

Лиам не опустил НК45.

— Встань. Брось монтировку и покажи мне обе руки. Повернись по кругу, медленно и аккуратно.

Лютер встал, его колени подкашивались.

— Ты забрал мое оружие, помнишь? Я безоружен.

— Не думай, что я на это поведусь. — Лиам похлопал его по плечу, вытащил кухонный нож из-за пояса Лютера и молоток, прикрепленный к ремню. И с грохотом отбросил их в сторону.

— Это не считается.

— Почему ты преследуешь меня?

— Я не преследую.

— Чушь.

Лютер невозмутимо пожал плечами.

— Я наблюдал за объектами. Потом появился ты.

— И какого черта ты ошиваешься возле штаб-квартиры «Вортекса»?

Лицо Лютера покраснело.

— Мне некуда было идти.

— Ханна предупреждала, что мы убьем тебя, если ты вернешься. Ты помнишь эту маленькую деталь?

Он вспыхнул, не отрывая взгляда от дула пистолета в трех футах от его лица.

— Я не возвращался в Фолл-Крик! Клянусь. Я блуждал. Без цели. Без всякого смысла. Вынужденный скрываться от воров, налетчиков, головорезов, банд. Я пытаюсь понять, с чем имею дело, кто мои враги, как, черт возьми, мне выжить. Я... я не хотел слишком далеко отходить от своего отца, ясно? Я не мог этого сделать. — Его взгляд метнулся в сторону, уклончивый, возможно, немного виноватый. — А потом я увидел ее.

Лиам напрягся.

— Кого?

— Ту, которая меня ненавидит.

— Мы все тебя ненавидим.

— Я в курсе. — Он скорчил гримасу. — Девчонка с голубыми волосами.

— Ее зовут Квинн.

Пара крыс выскочила из переполненного мусорного бака и скрылась за разбитой

входной дверью офиса.

Лиам снова осмотрел окрестности, прислушиваясь и приглядываясь в поисках звука или движения, чего-нибудь необычного. Они находились в тени между трехэтажных зданий, позади них пустая парковка.

— Продолжай.

— Я не знаю, почему пошел за ней. Знакомое лицо, наверное. Скука, может быть. Я просто наткнулся на нее. Случайность, стечение обстоятельств. В наши дни мало кто гуляет по улицам — такие люди привлекают внимание. А потом она встретила с этой сумасшедшей бандой. — Он снова пожал плечами. — Несколько дней я наблюдал за ней издалека с помощью бинокля, который нашел в пустом доме.

Лиам сузил глаза.

— Гладко рассказываешь, как по мне.

Лютер встретил его взгляд, не моргая.

— Хочешь верь, хочешь нет. Дело твое.

— Тогда какого черта тебе надо?

— Я же сказал, что наблюдаю за тем как они приходят и уходят уже несколько дней. Я знаю, какие двери они используют, где они паркуют свои грузовики и кемперы. А еще я знаю, что прошлой ночью произошло что-то серьезное — много криков и воплей. Я подумал, что ты захочешь узнать эту информацию.

— Я мог бы установить то же самое с помощью наблюдения.

— Конечно, но это отнимет у тебя драгоценное время, которого нет. Сделка. Это все, о чем прошу, и скажу то, что ты хочешь знать прямо сейчас.

Лиам с отвращением посмотрел на Лютера.

— Ты хочешь вернуться в «Винтер Хейвен».

— Хочу. Я помогу тебе спасти Квинн, и ты вернешь мне мое место. Позволь мне заботиться об отце, пока он не умрет; потом я уйду навсегда.

— Горожане убьют тебя.

— Не убьют, потому что ты им не позволишь.

Лиам посмотрел на него, сдерживая гнев.

— Я мог бы пытать тебя, чтобы получить информацию.

— Ты не будешь. И у тебя нет времени.

— Почему нет?

Лютер колебался, работая челюстью, словно взвешивая, сколько информации предоставить бесплатно. Наконец, он решился.

— Потому что мы здесь не одни.

Лиам напрягся.

— О чем, черт возьми, ты говоришь?

— Восемь человек в черном, вооруженные штурмовыми винтовками, появились на бронированных машинах. Они выглядели опытными как профессионалы.

Его вены заледенели.

— Когда?

— Около пятнадцати минут назад. Они уже внутри.

Адреналин рванул через край. Мысли Лиамы закружились, его мозг перебирал возможные варианты, и ни один из них не казался хорошим.

Ему нужно действовать, сейчас же. Он собирался нарушить дюжину правил проведения

операции, поскольку не провел разведку местности заранее и не имел снайперской команды, обеспечивающей наблюдение.

Лиам один и время поджимало.

— И Коулман, — добавил Лютер. — Я почти уверен, что они собираются убить всех, кто находится внутри, включая Квинн.

Глава 56

Квинн

День сто второй

Дверь открылась.

Квинн разлепила одно опухшее веко. Она лежала на полу в углу комнаты, неподвижная и замерзшая.

Воздух был затхлым, промозглым и пах медной кровью. Холодный бетон вытягивал тепло из ее избитого, покалеченного тела. Она с трудом подняла голову.

Яркий свет ударил ей в лицо. Вскрикнув, она зажмурила глаза. Это не помогло. Резкие блики пробивались сквозь закрытые веки прямо в сетчатку глаза. В ее мозгу вспыхнули красные и белые звезды.

— Посторонись! — крикнул кто-то.

Ворчание, проклятие и звук чего-то тяжелого, волочащегося и падающего на бетонный пол. Стук, как будто ботинок соединился с плотью. Кто-то застонал.

Дверь снова захлопнулась. Щелчок замка. Звонящий звук, как от удара металла о металл.

Затем тишина.

Свет померк в ее глазах.

Шаркающий, скребущий звук. Низкое хриплое дыхание.

Здесь кто-то был. Она не одна.

Раздался резкий смех.

— У него извращенное чувство юмора, надо отдать ему должное.

Страх пронзил Квинн, пересилив боль. Она знала этот голос. Ненавидела его обладателя.

— Саттер.

— Во плоти.

Сместив вес, она подтянула под себя ногу и уперлась в пол, пока не приподнялась на заднице, боль пронзила ее ребра.

Задышавшись, Квинн прислонилась к стене и взглядела в серый полумрак своей камеры. Опухоль немного спала, и она могла видеть немного лучше.

Неясная фигура проступила в темноте.

В десяти футах напротив нее сидел Маттиас Саттер. Его ноги были подтянуты, руки лежали на коленях, кисти связаны на запястьях, как и у нее.

Его лицо оставалось в тени, но глаза блестели в лунном свете, как зрачки хищника, рассматривающего добычу.

Он улыбнулся — сверкнули острые белые зубы.

Невольно, Квинн вздрогнула.

Саттер мрачно усмехнулся и взмахнул связанными руками.

— Боишься, девочка? А стоило бы. Я могу убить тебя одним мизинцем.

— Не боюсь, — пробормотала она разбитыми губами, свежая струйка крови просочилась между зубами.

Она лгала, и они оба это знали. Без оружия Квинн не ровня такому человеку, как Саттер, который вдвое больше ее и к тому же опытен в бою.

Даже с оружием это лишь несбыточная мечта.

Теперь она это поняла. Свою абсолютную глупость. Абсурдную бессмысленность всего задуманного.

Квинн очутилась в камере с хладнокровным убийцей. И она сама навлекла это на себя.

— Почему? — выдавила она сквозь зубы.

Саттер хмыкнул.

— Почему я здесь? Хороший вопрос. Видимо, твой друг Ксандер стал немного параноиком. Решил, что не может мне доверять после твоих обвинений в мой адрес. Он заставил своих головорезов использовать меня как грушу для битья и бросил сюда. Может, он надеется, что мы убьем друг друга. Но скорее он хочет помучить тебя перед тем, как убить.

Он сделал паузу, еще раз сверкнув зубами.

— Это работает?

Квинн пыталась заставить свой мозг думать, чтобы понять его слова. Ее ладони стали влажными, во рту пересохло. Горячая паника билась в ее груди, ревела в ушах.

— Я собираюсь убить тебя.

— Давай.

— Ты заслуживаешь тысячу смертей. пытки тысячью порезов.

Он фыркнул.

— Я бы хотел посмотреть, как ты попытаешься. Это могло бы послужить развлечением на целый вечер.

— Пошел ты.

— Это не было личным, детка. Просто работа. Розамонд привела меня в город, чтобы взять его под контроль, и мы сделали это. Если бы ты просто подчинилась, ничего бы этого не случилось.

Квинн выплюнула кровь через рот и облизала губы.

— Хватит болтать.

— Я ничего не имею против тебя. По правде говоря, меня даже позабавило, когда ты присоединилась к нам, как будто какой-то супершпион, который собирается внедриться в террористическую группу и уничтожить ее.

— Ксандер и тебя убьет. Это то, что они делают.

— Он думает, что убьет, но у него не будет шанса.

— Да, неважно.

— У тебя не хватает ума. Ты понятия не имеешь, что происходит.

— В любом случае, ты застрял здесь так же, как и я, поэтому это шутка и над тобой.

Он хихикнул, уродливый скрипучий звук, как гвозди на меловой доске.

— Они не убьют меня. Пока нет. Кроме того, Ксандер Торн и его чокнутая банда психов не продержатся и недели.

Квинн представила, как выцарапывает ему глаза ногтями. Отрезает язык. Пронзает ножом грудную клетку, пока в ней не останется ни унции крови.

— Да какая разница. Ты собираешься убить их всех отсюда? Со связанными руками и

без оружия? Удачи тебе.

Снова эта острая улыбка.

— Думаешь, банда сумасшедших Ксандера — единственная угроза? Ты понятия не имеешь, что нас ждет. Ни одной чертовой подказки. Это почти смешно, насколько ты глупа и заблуждаешься.

Она подняла голову и прижалась к стене. В ее груди зазвучал низкий гул как предупреждение. Квинн не хотела его слушать, ненавидела его слова, сверлящие ее барабанные перепонки, вонзающие свои когти внутрь нее, грязные и ядовитые.

— Розамонд позвонила кое-кому перед смертью.

— И что?

— Ты когда-нибудь слышал о Генерале? Нет? Наверное, нет. Он невероятно влиятельный человек, но свою лучшую работу он делает за кулисами, в тени. Если он чего-то хочет, то добивается. Ходят слухи, что за ним теперь стоит целая армия. Это не тот человек, с которым вы захотите пересечься.

— Мне плевать на какого-то тупого генерала.

— А зря.

Она заглотила наживку.

— Почему?

— Даже Розамонд его боялась. Я тоже, когда был ребенком. Она его ненавидела. Честно говоря, я удивился, когда узнал, что она с ним связалась. Думаю, она знала что-то, чего не знал я.

Саттер снова засмеялся. Мрачно, горько.

— Каждый готов заключить сделку с дьяволом, если очень сильно хочет получить то, что он предлагает.

Струйка ледяного ужаса пронзила ее позвоночник.

— Не каждый.

— Вот и посмотрим, да?

— Кто этот тип, если он так влиятелен?

После некоторого молчания Саттер ответил:

— Генерал. Он отец Розамонд.

Глава 57

Квинн

День сто второй

Квинн ошеломленно уставилась на Саттера.

— Они враждовали, но это не так важно, когда один из них мертв, а? — спросил Саттер.

Она не ответила. Не смогла ответить.

— Он знает обо всех вас. Он знает, что случилось в Фолл-Крике, как вы ополчились на Розамонд, как хладнокровно ее убили. Я все рассказал Генералу. Все о вашем суперсолдате, Коулмане, и о той шлюхе, которая убила Гэвина Пайка, его внука. Не говоря уже о безвременной кончине Джулиана Синклера.

— Всю сохранившуюся семью генерала убили в Фолл-Крике. Как думаешь, что он чувствует по этому поводу? Что, по-твоему, он собирается делать, когда придет? А он придет. Он придет со всей своей армией.

Долгое мгновение Квинн сидела, застыв от ужасного откровения. Отец Розамонд

Синклер идет мстить, идет на Фолл-Крик.

— Все кончено. Игра уже закончена, просто твои люди еще не знают об этом. Он перебьет их всех.

— Нет. — Ужас наполнил ее. Ханна и Лиам. Майло. Шарлотта и ЭлДжей, Бишоп
БАБУШКА. — Нет, нет, нет!

— Когда он придет, то пошлет своих людей за мной. Мне нужно только подождать несколько дней. И когда Генерал прибудет в Фолл-Крик, я буду рядом с ним. Я буду наблюдать за этим. И скажу тебе, это будет чертовски невероятное ощущение.

Он сделал паузу, злорадствуя, наслаждаясь каждым словом, зная, как они разрывают ее на кусочки.

— На самом деле, думаю, я сам буду приводить казни в исполнение. Особенно приятно будет увидеть Лиама Коулмана на коленях. Слышать, как жена Шеридана умоляет о пощаде.

Он наклонился вперед, белки его глаз блестели.

— Прямо перед зданием суда. Как и раньше. Уверен, ты помнишь.

В ее сознании промелькнуло мертвое тело матери. Конечно, она помнила.

По всему телу Квинн пробежал жар, затем холод. Давление нарастало в груди, за глазами.

Все, кого она любила. Все, о ком она заботилась. Они не знали, что их ждет; огненный дождь вот-вот обрушится на их головы.

Они не будут готовы к этому — если только кто-то их не предупредит.

Холодное осознание врезалось в ее кости. Другого человека просто не будет. Ни героического рыцаря, ни супергероя, пришедшего на помощь в последний момент.

Квинн единственная, кто стоял между Фолл-Крик и полным уничтожением. Но она заперта в камере с человеком, ради убийства которого пришла сюда.

Нет, не в камере. Не в тюрьме. В комнате. В кладовке на огромном складе.

Должен найтись способ сбежать.

Она поступила ошеломляюще глупо и совершила адскую ошибку. За это и получила хорошую взбучку. Но она еще не умерла.

Либо она уберется отсюда и предупредит своих людей, либо все, кого она любила, умрут.

Другого выхода нет. Нет другого выхода, кроме как пройти через это.

«Что бы ты ни делала, сохраняй трезвую голову». Голос Лиама эхом отдавался в ее голове. Она заставила себя сосредоточиться, очищая мысли от паники. Пора перестать жалеть себя и браться за дело.

Решимость наполнила ее, подстегивая. Стиснув зубы, Квинн подняла левую ногу, затем правую. Она осторожно потянулась, проверяя свои конечности, свое избитое тело.

Квинн покрутила лодыжками. По голени пробежали иголки боли. Левая нога, возможно, повреждена, но ничего не сломано.

— Что ты делаешь? — спросил Саттер.

Она проигнорировала его. Отключилась от него. Отгородилась от боли.

Это оказалось намного сложнее, чем представлялось.

Со стоном Квинн поднялась на руки и колени и замерла, задыхаясь, втягивая затхлый воздух, приспособившись к новой вспышке боли.

«Помести ее в коробку». Так сказал Лиам. Он знал. Если он смог это сделать, значит, это возможно. Если это возможно, она тоже могла это сделать. Сделает. Засунет боль в

коробку.

Используя стену как опору, она смогла встать.

Ковыляя, Квинн подошла к двери и попробовала ее. Руки все еще оставались связанными, пластик впивался в запястья, она изо всех сил дергала ручку двери, ее ушибленные бицепсы болели в знак протеста.

Дверь заперта. Скорее, всего на замок.

Она сделала шаг назад, покачиваясь на ногах, и заставила себя подумать. Что она может сделать? Что может использовать? Через секунду она похлопала себя по карману.

На ней по-прежнему остались куртка, свитер и нижняя футболка, джинсы с кожаным ремнем, боевые ботинки, зашнурованные паракордом. «Беретту», рогатку и карамбит отобрали, Ксандер забрал изогнутый клинок себе.

Она осталась без оружия. Без защиты.

Нет, не совсем. Квинн нащупала пальцами маленький жесткий футляр, засунутый в карман куртки. Тот, кто обыскивал ее, не стал с ним возиться.

В конце концов, какой вред может причинить пара солнцезащитных очков? В самом деле, какой?

Впервые в ее груди вспыхнула искра надежды.

— Что, черт возьми, ты задумала? — спросил Саттер позади нее. — Тебе некуда идти. Ты ничего не можешь сделать.

Квинн улыбнулась в темноте.

— Смотри внимательно.

Глава 58

Квинн

День сто второй

Квинн повернула мультитул и открутила последние винты петли.

Отступив назад, она сунула инструмент в карман и взялась за дверную ручку. Ее ребра закричали в знак протеста, когда она толкнула дверь в сторону и прислонила ее к стене.

Темный коридор манил.

— Святой ад, — вздохнул Саттер.

Бум! Бум! Бум! Вдалеке раздавались выстрелы. Приглушенные крики и вопли едва доносились до них.

Квинн вздрогнула.

— Что это такое?

— Похоже на разборки. Или, может быть, война за территорию между бандами. В любом случае это возможность.

Саттеру не было нужды говорить ей об этом. Ее сердце билось о ребра, адреналин подстегивал пульс. Боль немного притупилась.

Она использовала маленький складной нож, чтобы разрезать стяжки, стягивающие ее запястья. Теперь Квинн держала его в обеих руках, глядя на сверкающее в лунном свете лезвие. Четырехдюймовое лезвие.

Немного, но все же оружие.

Медленно, она повернулась к Саттеру.

Он перевел взгляд с ножа на ее лицо и обратно.

— Эй, ну-ка. Что ты задумала?

— То, что обещала. Я собираюсь тебя прикончить.

В его голосе мелькнуло сомнение.

— Ты не хочешь этого делать. Ты не можешь этого сделать.

— Могу и сделаю.

Снова раздались выстрелы. На этот раз ближе. Треск автоматных очередей. Крики разрывали ночь.

Квинн отогнала боль, панику, страх. Ее сердце сковало холодом, чернотой.

Он здесь. Саттер прямо перед ней, он ждал ее, как индейка в клетке.

Это ее шанс все исправить. Перевернуть эту маленькую часть ее мира в нужную сторону. Исправить все, что с ней не так, раз и навсегда.

— Я безоружен! — Саттер поднял связанные руки перед грудью. — Я пленник!

Она сжала нож и сделала шаг к нему. Темнота дышала ей в затылок. В ушах стоял ужасный рев, ярость заполняла все пространство в ее голове, барабанила в венах, в крови.

Саттер поднялся на ноги — медленно, отрывистыми движениями, словно они причиняли ему боль, — и отступил к стене, подальше от нее.

Как будто он понял, что она может представлять угрозу. Как будто он боялся Квинн.

— Ты не хочешь этого делать.

— Хочу.

— Если ты прикончишь меня сейчас, это будет убийство!

— Мне все равно.

— Ты станешь убийцей!

— Я уже стала.

— А как же твои друзья? — фыркнул он. — Ты думаешь, я быстро или легко сдамся, даже избитый и связанный? Даже если ты попытаешься меня убить, сколько это займет у тебя сил? Я успею сделать один хороший удар, и тебе конец. И ты это знаешь.

Слова дошли до Квинн. Она колебалась, смотрела на крошечный нож в своей руке, на Саттера, снова на нож. Она дрожала и нервничала.

— Может быть, тебе удастся убить меня. Но я заберу тебя с собой. Ты тоже умрешь.

— Мне все равно, — прошептала она, но это на самом деле ложь.

— Что тогда будет с твоими близкими?

Как бы Квинн ни ненавидела это, как бы ни ненавидела Маттиаса Саттера, он прав. Люди, которых она любила больше всего на свете, в опасности.

Любовь победила.

С рычанием она отпрянула от него и зашагала к открытой двери.

— Там темно, — сказал он у нее за спиной. — Это место — лабиринт. Одно только это здание занимает двести тысяч квадратных футов. Ты хоть знаешь, куда тебе идти? Как отсюда выбраться?

— Я разберусь.

— В центре перестрелки? С убийцей за каждым углом? Я нужен тебе, чтобы выбраться. Их сотня, а ты одна. Я нужен тебе.

Кислота впиалась когтями в ее горло.

— Ты мне не нужен. Ты убийца!

— Чтобы выбраться отсюда, тебе придется убивать.

Паника прорвалась сквозь ее гнев. Квинн повернулась, ее ребра раскалились до бела, и направила на него нож.

— Не указывай мне, что делать!

— Послушай, я не психопат. Я не такой, как Пайк или этот придурок Ксандер Торн, эти сумасшедшие. Я убиваю только тогда, когда требуется.

Он развел кисти в стороны, вытянув ладони в примирительном жесте.

— Сейчас в наших интересах работать вместе.

— Когда ад замерзнет.

— Например, я знаю, что в конце коридора стоят два вооруженных охранника. Ты знала об этом? Или ты бы пошла прямо в эту ловушку?

Квинн замешкалась на долю секунды, сомнения взяли верх. Ей было больно, страшно, она дезориентирована, у нее треснуло ребро и сотрясение мозга в придачу.

Безоружна, кроме маленького хлипкого ножа.

«Которым ты умеешь пользоваться», — прошептал голос Лиама у нее в голове.

Она ни за что на свете не объединилась бы с Саттером. Он бы задушил ее без раздумий. Разбил бы ее череп о стену или пол. Один удар в грудь остановил бы ее сердце.

И все же. Сотня вооруженных, безумных головорезов тоже хотели ее смерти. Она застряла внутри огромного комплекса, похожего на военный, и не знала, как выбраться.

Шансы складывались не в ее пользу.

Приглушенные крики отдавались эхом. Снова раздались выстрелы, на этот раз ближе. Бум! Бум! Бум!

— Враг моего врага — мой друг, — проговорил Саттер, маяча в темноте.

— Со всей искренностью, иди к черту.

Ей нужно бежать, рискнуть и надеяться...

Сквозь грохот за пределами их тесной комнаты до них донесся звук приближающихся шагов. Два человека, по крайней мере, бежали прямо к ним.

Квинн замерла.

— Они идут, — шипел Саттер, отталкиваясь от стены. — Они идут, чтобы убить нас.

— Ты вроде сказал, что они не причинят тебе вреда...

— Я ошибался! — В его голосе сквозила паника. Настоящий страх. — Они собираются убить нас обоих прямо сейчас. Ты согласна или нет?

У нее не осталось вариантов. Время уходило. Окно возможностей стремительно закрывалось.

Слова как осколки стекла в ее рту.

— Я согласна.

Глава 59

Квинн

День сто второй

Квинн прижалась позвоночником к шлакоблочной стене рядом с открытым дверным проемом, втиснув тело в щель между стеной и открытой дверью, за которой она спряталась.

Хотя не могла его видеть, она знала, что Саттер — это громоздкая черная фигура, скрючившаяся по другую сторону. Даже со связанными руками он грозный противник.

Это одновременно пугало и успокаивало. Квинн не могла до конца осознать абсурдность и полную глупость этой затеи. Времени все равно нет.

Выстрелы разорвали ночь. Крики и вопли. Она напрягла слух в поисках приближающихся шагов, прикидывая время, когда два охранника войдут в комнату.

— Что за...? — сказал один из них, удивленный отсутствием двери, которую нужно отпереть.

Квинн оттолкнулась от стены и сделала выпад, со всей силы толкнув дверь. Та врезалась в две фигуры, отбросив их в сторону, прямо на Саттера.

С грохотом дверь упала назад. Первый охранник зашатался под ней и упал на спину. По полу зазвенел какой-то предмет — топор.

Саттер схватил второго охранника за горло связанными руками и швырнул его в стену. Влажный стук сменился звуками быстрой жестокой борьбы.

Секунды спустя громила лежал на полу, не шевелясь.

Первый охранник попытался перевести винтовку в положение для выстрела, но Квинн оказалась быстрее. Она упала на него сверху, с ножом в руке.

Он блокировал ее винтовкой, держа ее сбоку на груди, и оттолкнул Квинн назад. Пятно рук и ног в темноте, локти и кулаки, когти на плоти, волосы, удары по всему, до чего она могла дотянуться.

Появился просвет, и она вонзила нож ему в живот.

Крик боли. Не ее. Вот что имело значение. Не ее.

Квинн выдернула нож, пальцы стали скользкими, все вокруг стало скользким, и вонзала его снова и снова. Бешеные горячие слезы застилали глаза, лезвие резало пальцы, но она не чувствовала этого.

Человек под ней обмяк.

Пошатнувшись, она поднялась на ноги, тяжело дыша, с рук капала кровь, черная как масло. В животе у нее бурлило.

Она так и не увидела его лица. Не знала, кто он, кого она только что убила.

— Отличная работа. — Саттер присел на корточки над вторым телом, обшаривая его в поисках оружия, движения затруднялись стянутыми запястьями. — Ты злая. Так и надо.

— Надеюсь, ты подавишься собственными внутренностями.

Он хмыкнул.

— Возьми оружие. Поищи запасные магазины.

Вздвогнув, Квинн вытерла руки о штаны и осторожно провела пальцами по телу — женскому — в поисках чего-нибудь полезного, стараясь при этом не сплевать.

Она прищурилась и разглядела в тени лицо трупа, заметив пару косичек и тонкие черты, искаженные в мучительной гримасе.

Далия. Далия вызвалась пойти сюда и всадить пулю в череп Квинн. Без всякой причины, кроме злобы.

Ее грудь сжалась, внутренности стали водянистыми. На это нет времени. Нет времени ни на что, кроме как убираться к черту.

Она подняла винтовку, положила запасной магазин в карман куртки и извлекла магазин, обнаружив, что он полностью заряжен.

Это была AR-15, та самая винтовка, с которой она совершила свое первое убийство в ночь битвы с ополченцами. В ту ночь, когда она убила Розамонд, а Саттер сбежал.

Прикусив язык так сильно, что пошла кровь, Квинн поднялась на ноги.

— Ты не против? — спросил Саттер.

Она уставилась на его тень в темноте, уловив быстрый оскал зубов. Он протянул руки.

— Стяжки.

— Ни за что на свете.

— У нас нет времени! — прорычал он. — Застать того парня врасплох — это одно. Я не могу так драться, не могу стрелять. Ты хочешь жить или умереть? Выбирай, девочка!

Жить. Она отчаянно хотела жить.

Долгое напряженное мгновение они смотрели друг на друга. Враги. Между ними нет ничего, кроме вражды, ненависти и холодного расчета.

Она хотела проткнуть Саттера ржавой ложкой. Он тоже хотел ее убить. Она видела, как мерцают его глаза. Голодный взгляд хищника, высматривающего свою жертву.

Каждая клеточка ее тела кричала, чтобы она заколола его, пока еще есть возможность. Как только она потеряет бдительность, ей конец.

По правде говоря, ему тоже нужна она, чтобы выбраться отсюда, как и ей нужен он. Двое лучше, чем один, особенно с AR-15.

Саттер был безжалостен, но не безумен. Он тоже хотел жить.

А значит, он не убьет ее, пока она ему нужна.

В ту секунду, когда реальность утратит свою силу, Квинн будет мертва.

Если только она не доберется до него первой.

— Договорились? — спросил он снова, с ухмылкой в голосе, как будто знал, о чем она думает и почему.

С тоскливым чувством она наклонилась, срезала пластиковую стяжку с его запястий и отскочила назад из его зоны досягаемости, с готовым выпрыгнуть из груди сердцем.

Саттер нагнулся над телом у своих ног и поднял винтовку и запасной магазин. Ругаясь, он отшвырнул булаву в сторону.

Вторым убийцей был Джетт. Джетт пользовался булавой.

Треск выстрелов снаружи звучал громче, ближе, взрываясь как фейерверк.

Саттер остановился в дверном проеме.

— Я беру правую сторону, ты — левую. Я — высоко, ты — низко. Следуй за мной, прикрывай меня, стреляй во все, что движется. Сделаешь это, и выберешься отсюда живой.

Квинн беззвучно кивнула.

Они бросились в осиное гнездо.

Глава 60

Квинн

День сто второй

Вперед по длинному узкому коридору, гулкие звуки шагов, пульс Квинн грохочет в ушах, всплеск адреналина — единственное, что помогает ей оставаться на ногах, притупляет боль, толкает ее вперед.

Выбраться, выбраться, выбраться.

Квинн и Саттер дошли до конца коридора. Вспышки дул освещали темноту, лучи фонариков метались. Валяющиеся на полу фонари отбрасывали на стены извивающиеся тени.

Перед ними возвышались ряды кухонной техники, завернутой в пластик и сложенной на высоких поддонах. Справа — гладкие холодильники из нержавеющей стали, впереди — плиты и печи, слева — стиральные и сушильные машины.

Среди лабиринта бытовой техники десятки бойцов вступили в жестокую перестрелку. В проходах лежали тела. Квинн не могла понять, кто с кем сражается.

Саттер выскочил из-за угла и выстрелил. Вокруг них по коридору пронесся водоворот

ответного огня.

В десяти ярдах слева несколько отморозков повернулись в их сторону. Борясь с паникой, Квинн стреляла вслепую, прячась за стеной коридора.

Саттер быстро развернулся и выстрелил в троих людей Ксандера, сгрудившихся у поддона с упакованными микроволновками.

С оглушительным грохотом пули впились в их тела. Они упали как подкошенные.

Саттер прикрыл ее огнем и приказал бежать направо, к длинному ряду холодильников. На противоположной стороне, в самом низу стены, брошенный на пол фонарик высвечивал пару двойных дверей.

Сердце заколотилось в горле, Квинн, пошатываясь, пересекла складское помещение, ее ноги подкашивались от боли, оружие поднято и перемещается туда-сюда, выискивая следующую угрозу, которая может выскочить из тени и наброситься на нее.

Стены усеяны пулевыми отверстиями. В воздухе повисла дымка, сгущающаяся как туман. Металлический, сернистый привкус раздражает горло.

В дальнем конце склада, примерно в сорока ярдах, несколько темных фигур бродили в тени.

Они были одеты в черное обмундирование, в боевой экипировке и шлемах с очками ночного видения. Их высокотехнологичное оружие злобно сверкало.

Они двигались как профессионалы, настоящие солдаты или близко к этому. Они сливались с темнотой как призраки.

Бум! Бум! Бум! Снаряды разорвали металлический стеллаж над ее головой.

Квинн нырнула и укрылась за матово-черным холодильником, боль пронзила ее, пуля отскочила от поверхности в дюйме от ее левой ноги.

Один из парней Ксандера возле посудомоечных машин прижался к полу. Он замахнулся своим оружием в сторону Квинн. Прежде чем она успела среагировать, он сделал два выстрела. Оба прошли мимо.

В нескольких метрах позади нее Саттер выстрелил дважды. Он не промахнулся.

Другой бандит затаился за экстравагантной плитой размером с паровоз, стреляя в Саттера, который присел поперек прохода. Дуло AR выглядывало над верхушкой плиты.

Квинн встала на колени, заглянула за край холодильника и сделала три выстрела. Ни один из них не попал в цель. Ее руки дрожали.

Проклятье! Она уперла приклад в плечо, прижала щеку и успокоилась. Тщательно прицелилась, выдохнула и нажала на курок.

На этот раз в верхней части плиты сверкнула искра, когда пуля прошла в дюйме от лица парня; он и ствол исчезли.

Она держала прицел на плите, когда Саттер выскочил из укрытия и побежал по бетону по своему открытому проходу. Он пригнулся рядом с ней, когда голова бандита снова появилась.

На этот раз она была готова и убила его.

— Вперед! Вперед! Вперед! — Саттер схватил ее за руку и поднял на ноги.

Он указал на дверь, толкнул ее в спину, и они рванули вперед. Саттер смотрел направо, Квинн — налево.

Она пробиралась зигзагами через проход за проходом, приседая, чтобы не высовываться. Квинн шла слишком медленно, слишком долго. Выстрелы и крики позади нее, впереди нее, со всех сторон.

Внутри ее головы словно ударили в колокол, звон отдавался в костях. Ее череп превратился в плотный, набитый тряпками шар.

Вспышка выстрела слева от нее. Она крутанулась и выстрелила, не зная, попала ли она во что-нибудь, но слишком напуганная, чтобы замедлить скорость еще больше. Отстрелянные гильзы упали и покатались к ее ногам.

Люди в черном появлялись и исчезали как призраки. Вспышка выстрела — и бандит упал. Еще одна вспышка — и раздался крик агонии.

Она не знала, кто они, но явно опытные и опасные. Гораздо хуже, чем группа отщепенцев Ксандера. Лучше вообще их избегать.

Они добрались до металлических дверей. Саттер распахнул их. Они проскочили внутрь, Квинн следовала за ним по пятам.

Впереди их ждал пустой коридор длиной во все здание, с несколькими коридорами, ответвляющимися в обе стороны.

Саттер побежал направо. У нее не оставалось выбора, кроме как последовать за ним, двигаясь через офисный комплекс. Едкий запах аммиака и мочи ударил ей в лицо.

Она ковыляла по коридору, скрепя ботинками по ковру, когда проходила мимо нескольких застекленных угловых офисов, где стекла были разбиты, а мебель разломана на куски.

А потом больше открытых пространств с кабинетами, ноутбуками, кружками, папками, ручками и рамками для фотографий, разбросанными по полу.

— Смени магазин, — прошипел Саттер, уже делая тактическую перезарядку, пока бежал впереди нее.

Она не настолько опытна, и ей пришлось остановиться, сердце колотилось, пальцы неловко сжимались, когда Квинн меняла израсходованный магазин на новый.

Она все время смотрела на Саттера, отвлекаясь, с ужасом ощущая свинцовый шар в животе.

Скоро они выйдут из лабиринта.

В любую секунду он может обратиться против нее. А у Квинн нет плана.

Глава 61

Квинн

День сто второй

Квинн снова двинулась вперед, проскользнув мимо ниши лифта. Затем они прошли через другую дверь, спустились по лестнице и вышли на открытый воздух.

Лунный свет освещал кирпичную дорожку, усаженную деревьями, небольшие офисные здания слева от нее и производственный комплекс, возвышающийся перед ними.

Саттер повернула налево, к огромной парковке в конце аллеи.

Ее охватило облегчение. Они выбрались? Они добрались...

Раздался шквал выстрелов. Пули выбили куски из стены позади них.

Саттер крутанулся и открыл ответный огонь. Со стороны парковки две темные фигуры упали и не встали.

Раздались новые выстрелы. Фигуры приседали за припаркованными машинами, блеск оружия приближался от угла здания.

Паника скрутила ее внутренности. Они не выбрались. Еще нет.

— Сюда! — Саттер указал на боковую дверь в производственный цех в нескольких

ярдах от них.

Квинн крепче сжала винтовку, руки все еще оставались липкими от крови Далии, и выстрелила несколько раз, чтобы прикрыть Саттера, когда он открывал боковую дверь. Они бросились внутрь в кромешную тьму.

Никакого света. Ни окон. Только ощущение огромности, зияющего простора, потолка, парящего высоко над головой, и стен, таких далеких, что казалось, будто она балансирует на краю обрыва и вот-вот упадет.

Раздались выстрелы. Зазубренные вспышки автоматных очередей. Дым клубился, в нос ударил резкий запах пороха, полетели стреляные гильзы.

Лица не различимы. Она не могла видеть врага, вообще ничего не могла видеть.

Она едва не выстрелила в сторону вспышек, но выстрел выдал бы ее собственное положение. Квинн побежала.

Она неслась в кромешной тьме, с оружием наперевес, размахивая туда-сюда, молясь, как бы не натолкнуться на врагов — головорезов Ксандера или опасных солдат в черном.

Вместо этого она врезалась во что-то холодное и твердое. Боль вспыхнула ярким пламенем в глазах и разлилась по ее избитому и покрытому синяками телу.

Оступившись, Квинн поняла, что налетела прямо на мамонтообразную опорную колонну.

Во вспышках дульного огня она разглядела большие нависающие объекты — огромные механические конструкции с металлическими частями, торчащими, как руки осьминога, как гигантские роботы, застывшие на месте.

В темноте производственный цех напоминал аляповатый дом с привидениями, смертельный лабиринт из машин.

Квинн охватил ужас. Ей хотелось отступить к свету, но это означало, что там будет еще больше людей с оружием.

Единственный путь вел вперед.

Пригибаясь и двигаясь на полу согнутых ногах, она пробиралась вглубь здания, теперь уже медленнее, помня обо всех способах, которыми может столкнуться со смертью.

В нескольких футах от нее сверкнула вспышка выстрела. Адреналин подскочил, она шарахнулась в сторону и врезалась во что-то большое и металлическое.

Вторая вспышка, и над ней возвышается массивная машина, смутно напоминающая дракона, механическое чудовище, готовое нанести удар.

Вздвогнув, Квинн отвернулась и зашагала дальше. Она надеялась, что идет в правильном направлении и не нарвется на ствол вражеского АК-47.

Она не могла видеть Саттера. Не знала, где он и что делает.

Это пугало ее больше всего на свете.

Все это напоминало ужасную игру в музыкальные стулья, круг за кругом, смертельный поединок в тот момент, когда музыка останавливается.

Только она не видела стульев и не слышала музыки.

— Там! — крикнул Саттер слева от нее.

В следующий миг Квинн увидела ее. Дверь.

Дважды едва не споткнувшись, она врезалась в еще один жесткий острый агрегат, после чего отпрянула в сторону и стала вслепую шарить по стене в поисках двери свободной рукой, ее бицепс горел от неловкого хвата на AR-15.

Еще один коридор, тускло освещенный с одной стороны окном, которого она не могла

разглядеть. Вдоль потолка тянулись пучки труб. Присутствие Саттера как чудовище, притаившееся за ее открытой спиной.

Она ничего не могла с этим поделать, просто продолжала бежать. Ее ребра горели, легкие пылали. В ушах стоял звон. Продолжать бежать.

Наконец, они выскочили с черного хода в переулок между зданиями.

Саттер захлопнул дверь. Звуки выстрелов стихли.

Тяжело дыша, они отступили в тень за переполненный мусорный контейнер. Ее ботинки шлепали по дождевым лужам, воздух был прохладным и влажным. Вонь мокрого мусора обжигала ноздри.

В состоянии повышенной готовности, в нервном напряжении, она обшарила глазами обе стороны переулка, заглядывая в затененные углы, прощупывая темноту.

Ничто не двигалось. Никто не выскочил, чтобы напасть на них.

— Не своди глаз с этой двери, — приказал Саттер, двигаясь к мусорному контейнеру. — Я осмотрю переулок.

Страх больше, чем когда-либо. Она ощутила это: внезапное снижение температуры, прохлада на затылке.

Шепот, как будто призрак ходит над ее могилой.

А потом Квинн поняла.

Глава 62

Квинн

День сто второй

Ситуация изменилась, клетка захлопнулась.

Охотник, на которого охотятся.

Саттер ушел из зоны ее видимости, проверяя противоположную сторону от мусорного контейнера, чтобы очистить территорию. Каждый волосок на теле Квинн встал дыбом.

Пока она действовала первой, он оставался добычей.

Она напряглась, пульс подскочил, Квинн крепче сжала AR-15, чтобы направить оружие на него, убить его и убраться к черту...

Внезапно Саттер появился с противоположной стороны мусорного контейнера, делая выпад в ее сторону. В пяти ярдах от нее, винтовка поднята, нацелена ей в грудь.

Инстинкт взял верх. Она упала на землю.

Бум! Пуля пронеслась над ее головой, достаточно близко, чтобы вздыбить тонкие волоски на коже головы.

Бум! Цементная шрапнель разорвалась в нескольких дюймах от ее лица. Осколки пронзили ее щеку и лоб, жаля как огонь.

Квинн перекатилась на спину, гравий уколол ее позвоночник, когда она извивалась, пытаясь нажать на спусковой крючок. Время замедлилось.

Она выстрелила в ответ. Промахнулась.

Пот и слезы на ее глазах. Сердце бешено колотится.

Она выстрелила снова.

Саттер продолжал приближаться.

Ужас пронзил ее насквозь. Ее мысли метались, все происходило рывками и в замедленном темпе.

Квинн попятилась назад на локтях, пробираясь по грязным лужам и заплесневелому

мусору, затем ударила о стену. Нажала на спусковой крючок раз, два.

Его тело дернулось. Она прострелила ему плечо. Он рванул вперед, как будто даже не почувствовал этого.

Она выстрелила снова. Щелчок затвора.

Пусто. Патроны кончились. Вот и все.

Ствол его винтовки заполнил ее зрение.

Саттер остановился в десяти футах от Квинн. Он навис над ней, грозный и смертоносный. Непобедимый гигант, высеченный из гранита.

Ее сердце замерло.

Он нажал на спусковой крючок. Щелчок.

— Похоже, мы оба в полете. — Он отбросил винтовку и одарил ее безжалостной улыбкой. — Я надеялся застать тебя врасплох. Менее болезненно для тебя. Полагаю, теперь придется повозиться.

Квинн отбросила бесполезное оружие и достала из куртки, забрызганной грязью, складной нож, щелкнула им.

— Как будто тебя волнует, сколько боли ты причиняешь.

Опираясь на стену, она с трудом поднялась на ноги, скрючившись и задыхаясь, оскалив зубы, как загнанный в угол зверь.

— Убери этот маленький ножик, и я обещаю, что сделаю все быстро.

Ее сердце колотилось так сильно, что в виски ломило от ударов пульса. Пот покрыл ее лоб, ладони стали липкими.

У чистого ужаса имелся привкус, медный и леденящий, как будто им можно захлебнуться.

— Нет? Тогда я буду вынужден использовать это. — Из-под куртки он достал знакомый изогнутый клинок. — Узнаешь? Я позаимствовал его у нашего общего друга.

Квинн уставилась на карамбит. Она не видела, как Саттер убил Ксандера. Не видела тело парня. В темноте и хаосе она не заметила этого.

Она не испытывала радости по поводу смерти Ксандера. И печали тоже. Только холодную пустоту, расширяющуюся в ее ребрах — низкий пульсирующий ужас.

— Я подумал, это будет уместно, — продолжал Саттер. — Клинок Себастьяна Десото. Разве он не пытался выпотрошить тебя им?

— Лиам проткнул ему горло. Пригвоздил его как бабочку.

Саттер нахмурился.

— Как жаль, что Коулман сейчас не здесь, чтобы спасти тебя, да? Видимо, Супермен не может быть везде и сразу.

От прилива тошноты у Квинн закружилась голова. Ноги тряслись и стали резиновыми. Она не знала, как долго сможет продержаться.

— Я убью тебя сама.

Он двинулся к ней, прижимая свободную руку к левому плечу. Оно окрасилось в красный цвет.

— А ты в самом деле попала в меня, маленькая...

Дальше она не слышала, в ушах стоял звон, громкий, как товарный поезд.

— Я передумал. — Рот Саттера искривился в усмешке, непристойная гримаса в лунном свете. — Никакой пощады для тебя.

— Взаимно, ублюдок.

— Ты знала, что изогнутое лезвие карамбита устроено как коготь хищника? Оно создано для того, чтобы рвать, резать и разрывать. Я собираюсь использовать его, чтобы выпотрошить тебя. Я вытряхну твои кишки на землю и дам тебе посмотреть.

Короткое изогнутое лезвие резало туда-сюда. Саттер не спешил, медленно продвигаясь вперед, позволяя лезвию карамбита делать свою работу, вселяя ужас, панику, превращая Квинн в дрожащую лужу отчаяния.

Бежать уже сил не осталось. Она едва могла идти, не говоря уже о беге. Он настиг бы ее в двадцати ярдах.

Драться тоже не вариант. Саттер крепко стоял на ногах и превосходил ее в весе на сто пятьдесят фунтов.

Один взмах клинка, и свет погаснет навсегда.

Но все-таки никогда не стоит недооценивать элемент неожиданности.

Волна огня пронзила ее ребра. Слабость охватила Квинн, высасывая силы из конечностей. Она прижалась спиной к стене.

Действие побеждает реакцию. Каждый раз.

Если она умрет здесь, Саттер победит. Он использует генерала, чтобы отомстить людям, которых она любила. Этого. Не может. Случиться.

Единственный путь к победе — это готовность к насильственным действиям, и готовность в полной мере.

Ярость зажгла где-то глубоко внутри нее пламя, отчаянную энергию. Оно заставило Квинн выпрямиться, побудило двигаться вперед. Еще немного. Еще чуть-чуть.

Собрав все свои силы, собрав всю оставшуюся смелость, Квинн расставила ноги, низко пригнулась и бросилась на Саттера.

Синапсы Саттера не могли достаточно быстро отреагировать на новый вызов. Он все еще заканчивал широкую дугу, предназначенную для запугивания и устрашения, а не для нападения.

Она врезалась в Саттера ниже его зоны поражения. Сильно ударила его по верхней части бедра ниже паха. Короткий, свирепый удар. Злобный, вся ее сила, воля и ярость.

Квинн рычала, кричала, плакала, хотя не слышала себя, не могла думать, в сознании ничего кроме ослепляющего отчаяния. Руки, мокрые от крови, его и ее собственной, пальцы как когти вцепились в скользкую рукоятку. Удар. Удар. Удар.

Все произошло так быстро, что мозг Саттера еще не успел осознать, что его жертва больше не трусит, прежде чем понял, что Квинн ударила его ножом — и не один раз.

С изумленным ворчанием он попятился. Попытался сделать выпад в ее сторону, но Квинн пронеслась мимо него, под взмахом его руки.

Затем она оказалась у Саттера за спиной, кружась, чтобы нанести удар в заднюю часть его колена. Она пробила штанину его брюк до подколенной артерии, неустанно нанося удары своим маленьким ножом.

Он снова бросился на нее, пытаясь вывернуться.

Квинн откатилась в сторону, ее плечи ударились о тротуар. Грязь забрызгала лицо. Щебень попал ей в волосы, в рот.

Саттер двинулся на нее, изогнутое лезвие разрежало пустой воздух.

Она с трудом встала на четвереньки, отступая, пробираясь по бетону, влажным сорнякам и мокрому мусору, ее ладони жгло.

Квинн ударилась о край мусорного контейнера. Прижалась спиной к стене. Выхода нет.

Нависнув над ней, Саттер снова поднял карамбит. Но только наполовину. Вся его рука дрожала. Он шатался на ногах, как марионетка, у которой перерезали ниточки.

Внезапно его правая нога подкосилась.

С громким стоном Саттер упал на колени. Темно-красная жидкость хлынула из многочисленных резаных и колотых ран.

На его каменном лице появилось ошеломленное выражение. Он просчитался. Саттер загнал в угол зверя, более злого и опасного, чем он сам.

Квинн поднялась. Шатаясь, покачиваясь и испытывая головокружение, она кружила рядом с ним на расстоянии вытянутой руки. Ее волосы прилипли к голове, кровь сочилась из разбитой губы и порезов на руках. Ее челюсть распухла, ребра были в синяках, но она встала. Она была на ногах.

— Не делай этого! — задыхался он. — Ты не должна...

Квинн оскалилась. И вогнала свой клинок в шею Саттера.

Глава 63

Квинн

День сто второй

Адреналиновый выброс обрушился на нее, как удар грузовика.

Квинн рухнула на колени, мир возвращался к ней по крупицам. Ночь окутана тьмой, луна светится за пеленой облаков.

Ржавый мусорный контейнер перед ней, вонь прогорклых отбросов в ноздрях, кирпичные стены зданий по обе стороны.

Треск выстрелов замедлился. Только единичные выстрелы раздавались то тут, то там, как хлопки петард.

Ее ладони пульсировали. Она порезалась. Она не знала, насколько сильно, и слишком устала, чтобы проверить.

Дрожащими пальцами Квинн закрыла окровавленный складной нож и убрала его в карман, не уронив.

Стоя на коленях над трупом Саттера, она нащупала изогнутый клинок в его ослабевшей руке. Он словно уменьшился в размерах. Тело, казалось, рассыпалось от смерти.

Она провела большим пальцем по предохранительному кольцу.

— Это мое, мерзкий урод.

Человек, казнивший ее мать, мертв. Мертвее мертвого.

Всё оказалось не таким, как Квинн ожидала.

Не возникло ни чувства победы, ни злорадства, ни удовлетворения. Только пустота в груди. Лишь опустошающая завершенность.

Все сделано. Все закончилось.

Подняться на ноги стоило Квинн огромного усилия воли.

Ее руки висели по бокам, карамбит болтался в слабых, перепачканных кровью пальцах. Хриплое дыхание словно вырывалось из легких. Ребра горели, каждый синяк пульсировал собственной болью.

Еще выстрелы. С юга. Приближаются...

Она не услышала приближения угрозы.

Тень упала на нее сзади.

Прежде чем Квинн успела среагировать, мощные руки обхватили ее и выбили нож из

руки. Он улетел в темноту.

Она боролась, извиваясь и махая руками, собирая все, что у нее осталось, но сил уже не было. Она полностью исчерпала себя. Закончилась. В ее избитом теле ничего не осталось.

Квинн застряла как муха в паутине.

Она погибла. Она знала, что мертва.

И все же она боролась. Кричала, царапалась окровавленными пальцами.

Крепкая рука закрыла ей рот. Затем голос зашипел ей в ухо:

— Ради всего святого, прекрати пытаться ударить меня по яйцам! Это я. Это Лиам!

Глава 64

Лиам

День сто второй

Лиам с изумлением посмотрел на тело у ног Квинн. Саттер лежал мертвый.

Проклятье, но эта девчонка что-то невероятное. Она смогла справиться с человеком вдвое больше ее и гораздо опытнее, и осталась жива, чтобы рассказать об этом.

Вдалеке раздались выстрелы.

Он похвалит ее позже. Сейчас они все еще находились в логове льва, окруженные хищниками.

По его подсчетам, по крайней мере четыре или пять бойцов военизированной группировки оставались на свободе. Он чувствовал их, они рыскали, как волки, за пределами его прямой видимости, кружась, обходя.

Они почувствовали запах крови и приближались.

Квинн уставилась на него пустым взглядом, белки ее глаз сделались огромными. Она обхватила руками ребра, как будто боялась двигаться слишком быстро, чтобы не сломаться. А она как раз могла.

Лиам подхватил ее на руки, как ребенка. Квинн слабо ударила его в грудь, оставив на ней кровавые пятна.

— Опустите меня.

— Ты ранена.

— Какой была твоя первая мысль, Шерлок? — Она оскалилась на него, ее зубы покрылись кровью. — Поставь меня на землю.

По крайней мере, она сохранила свою язвительность. Это сулило хорошие шансы на выживание.

— О том, как ты себя чувствуешь?

— О том, как я выгляжу.

Квинн была в ужасном состоянии. Даже в темноте он мог видеть, что ее лицо покрыто фиолетово-черными синяками. Одежда порванная, грязная и испачканная брызгами крови. А ее ладони порезаны и обильно кровоточат.

Возможно, у нее сломан нос, и кто-то вырвал кольцо из ее губы и Лиам решил, что сейчас не самое подходящее время упоминать об этом факте.

Его беспокоили те повреждения, которые он не мог видеть.

— Ты выглядишь неплохо, — солгал он.

Она фыркнула, затем поморщилась.

— Прибереги свою лесть для Ханны. — Квинн повернула голову и сплюнула сгусток мокроты и крови. — Опустите меня.

— Ты не в состоянии идти.

— А ты собираешься нести меня под градом пуль, не отстреливаясь? Героям такое сходит с рук только в кино. Я проделала этот путь не для того, чтобы трагически умереть в твоих объятиях, Росомаха.

Его грудь сжалась при упоминании этого прозвища. Как он мог спорить с ней?

— Хорошо.

— Я могу идти. Я могу это сделать.

Лиам аккуратно поставил ее между мусорным контейнером и стеной, чтобы защитить их обоих от возможного обстрела, и достал из нагрудной сумки индивидуальный набор первой помощи.

— Нам нужно идти, — сказала Квинн, дрожа. — Они вернутся. Они найдут нас.

— У тебя кровь. Обмотай это вокруг рук, и мы пойдем. — Лиам протянул ей два бинта со средством для свертывания крови и опустил свои очки, осматривая окрестности, пока она занималась делами.

Стрельба продолжалась, хотя становилась все более редкой по мере того, как уменьшалось количество бойцов в игре. Холодный туман стелился между зданиями, скрывая все, что находилось на расстоянии более ста футов. По крайней мере, у него есть ночное зрение.

Придется искать другой путь отхода. Лиам планировал уходить тем же путем, что и пришел, проникнув через люк в крыше склада после уничтожения охранников по периметру.

На крыше не оказалось снайперов с ночным видением, поэтому он занял возвышенность и спустился вниз, уничтожая цели на ходу.

Он словно опустился в недра огромного корабля. Ему с трудом удалось обнаружить Квинн, несмотря на подсказки Лютера. В данном случае несовершенство разведывательной информации не было его виной. Квинн сбежала от своих похитителей и сделала большую часть сложной работы сама.

В своих поисках Лиам наткнулся на двух военных. Обученные, с ними справиться оказалось сложнее, но он сделал это. Они не ожидали, что им придется иметь дело с бывшим спецназом во время их маленькой ночной вылазки.

Крыша оставалась самым безопасным и простым путем к спрятанному квадроциклу, но один взгляд на Квинн сказал Лиаму, что она не собирается в ближайшее время лазить по вентиляционным трубам.

Им придется пробиваться наружу.

Квинн зашевелилась, а потом оказалась рядом с ним, возясь со своим свитером и курткой, пока цепляла лезвие карамбита к поясу.

Она протянула забинтованную руку.

— Мне нужно оружие.

— Просто сосредоточься на том, чтобы держаться рядом со мной...

— Я могу помочь! — Она вызывающе подняла подбородок, глядя на него сквозь прорези опухших глаз. — Позволь мне помочь.

Она стояла здесь, избитая, полумертвая, все еще слишком безрассудная и упрямая даже для своего собственного блага. Впрочем, не так уж и плохо.

Ему нужно помочь ей дойти. Она качалась на ногах.

Лиам произвел тактическую перезарядку М4 и «Глока», оставив М4 на перевязи и взяв «Глок» себе для большей точности стрельбы одной рукой.

Сняв с предохранителя НК45, он передал его Квинн.

— Магазин полон, десять патронов. Наводи и стреляй.

Шквал высококалиберных боеприпасов разорвал кирпичную стену на юге. Снаряды ударили вокруг них, разбрасывая куски каменной кладки и пыль. Еще несколько выстрелов попали в мусорный контейнер.

Лиам повернулся, замахнувшись оружием, и увидел вспышку дула в конце тротуара в тридцати ярдах от них. Он выстрелил и уничтожил угрозу.

Снова стрельба на юге, в том направлении, куда им нужно двигаться. Зеленые фигуры сгрудились за углами двух зданий, собираясь начать атаку. Не меньше полудюжины. Возможно, больше.

Слишком много для него. Страх сковал внутренности Лиама. На лбу выступил холодный пот.

Это далеко не лучший выбор, но поскольку Квинн не могла бежать, им придется искать убежище в массивном офисном здании в пять этажей между ними и парковкой. В сорока ярдах к северу он разглядел множество разбитых стеклянных дверей.

Пройдя через здание, они попадут в центр Сент-Джо и смогут оторваться или уничтожить преследователей.

Это звучало достаточно просто. Но на деле все иначе.

Глава 65

Лиам

День сто второй

Они направились к зданию. Лиам наполовину тащил Квинн, одна рука у нее под плечом, другой он стрелял в любого врага, который осмелится выставить себя напоказ.

Квинн выстрелила несколько раз, промахнулась, но заставила нескольких из них укрыться за стеной, дав Лиаму драгоценные секунды, чтобы провести их через двойные стеклянные двери и вывести с линии огня.

Перед ними открылся огромный атриум со стеклянными окнами, разделенный на различные офисы, конференц-залы и уборные. Вдоль одной стены они прошли мимо ряда торговых автоматов, все они были разграблены.

Их ботинки хрустели по осколкам стекла на полу из выбитых окон. В воздухе пахло сыростью, затхлостью.

Квинн споткнулась и чуть не упала, но Лиам подтянул ее к себе. Его поясницу жгла раскаленная боль, бок болел от напряжения, но он не мог позволить себе отступить.

Шум в коридоре. Глухой стук шагов. Звук доносился из одного из кабинетов.

Лиам остановился. Квинн подавила приглушенный крик, когда он опустил руку с ее плеча и двинулся вперед, затем заглянул за угол, держа наготове «Глок».

Враг застыл посреди большого конференц-зала. Маленький и безликий в темноте, очерченный зеленым цветом через очки Лиама. Он стоял без пистолета, но дрожащими руками сжимал старомодный боевой топор.

Враг увидел, что Лиам идет за ним — громадный и опасный, в крови его друзей, призраки ярости и мести.

С испуганным криком он повернулся и побежал к двери на противоположной стене.

Лиам не стал его преследовать и тратить патроны. Он махнул Квинн, и та, оттолкнувшись от стола, поковыляла к нему.

Несмотря на все ее усилия, она замедляла их обоих.

Он стиснул зубы, сожалея, что здесь нет Бишопа, чтобы прикрыть ему спину. Нет, важнее защитить Ханну и остальных в Фолл-Крике.

Он мог сделать это. Он был создан для этого.

Резкая боль в боку заставила Лиама вздрогнуть. Бинты намокли. Кровь пропитала и его куртку. Проклятье!

Им обоим больно, оба ранены.

Не говоря ни слова, он вернулся к Квинн, и они продолжили путь. По коридорам, через двери, мимо пустого кафетерия, где не осталось стульев и столов, еще одного офиса и комнаты, похожей на какую-то лабораторию. Кабели змеились по ковровому покрытию, разобранные печатные платы валялись на столешницах, стопки серверов, которые раньше гудели и мерцали, теперь пустовали и хранили молчание.

Через две напряженные, пропитанные адреналином минуты они подошли к боковому входу. Окна выходили на парковку. На одной стороне стены висела кривая картина, на другой находилось окно с неровным стеклом.

Лиам прислонил Квинн к кожаному креслу и поднес палец к губам, жестом показывая, чтобы она опустилась и не вставала. Она кивнула, ее дыхание сделалось неглубоким и судорожным.

Заняв неприметную позицию, Лиам убрал «Глок» в кобуру и взялся за М4. Он двинулся вдоль кирпичной стены, поводя оружием, пульс гулко отдавался в ушах.

С опаской он заглянул через сломанную раму двери и выглянул на парковку.

Среди темных фигур брошенных универсалов, внедорожников и компактных автомобилей виднелось движение. Несколько врагов притаились за различными автомобилями.

Лиам присел на корточки, сместился, нашел цель через прицел и обнаружил врага, бегущего сзади белого хэтчбека «Хонда», вооруженного М4, и выстрелил в него.

Пули разорвали свинцовую молнию от промежности врага через грудную клетку до головы. Кровь и внутренности забрызгали бок «Хонды».

Еще двое появились с востока. Вспышки выстрелов на западе. Раздался ответный выстрел, пули отскочили от стального фасада здания. Еще трое врагов.

Из окна Квинн стреляла по нападавшим, подкрадывавшимся к ним с востока. Из-за темноты она не могла видеть. Каждый выстрел мимо.

Лиам повернул на запад, выстрелил, промахнулся, выстрелил снова, дважды попал в грудь мужчине в черной одежде и добавил выстрел в голову, когда тот падал на спину.

Вспышка огня отбросила его назад, куски каменной кладки и стекла взорвались.

Квинн в испуге вскрикнула. Лиам не мог позволить себе взглянуть на нее, но чувствовал ее взгляд, ее отчаяние и ужас.

Их слишком много. Они приближались.

В ушах зазвенело, горло сжалось, страх запульсировал в груди. Он не мог подвести Квинн. Он обещал вернуть ее домой. Он обещал.

Лиам стоял на коленях, его позвоночник пронзала электрическая боль, вновь открывшаяся рана как нож в боку, но он стрелял снова и снова. Патроны подходили к концу.

Когда патроны иссякнут, он заберет у Квинн НК45, хотя у нее оставалось в лучшем случае несколько патронов. Затем достанет свой «Гербер» и будет драться до тех пор, пока не потеряет силы...

Бум! Бум! Бум!

Зеленая фигура, спрятанная за внедорожником справа от него, упала как камень. Еще выстрелы, и вторая фигура рухнула. Третья с визгом, как поросенок, выскочила из-за темного «Шевроле Импала».

Винтовка выскользнула из рук подстреленного врага, когда он скрючился, зажимая раненую ногу. Его крики сотрясали прохладный воздух.

Лиам всадил патрон в его череп, чтобы добить.

Лютер, понял Лиам, когда его тряхнуло, как провод под напряжением. Лютер находился на крыше склада, примыкающего к стоянке, и вел огонь по врагам сверху. С его позиции это все равно что стрелять по рыбе в бочке.

Вопреки здравому смыслу, Лиам оставил ему оружие после того, как Лютер пообещал обеспечить прикрытие. Он и вправду помог.

Несколько резких тресков разорвали воздух. Еще один враг упал. Остальные обернулись, судорожно ища новую угрозу, но уже слишком поздно.

Они уже обречены, независимо от того, знали они об этом или нет.

С новыми силами Лиам присоединился к зачистке. Через минуту все враги были уничтожены. Ничто не двигалось. Одиннадцать тел лежали на парковке.

Долгую минуту он оставался в полной боевой готовности, ожидая, что вот-вот появится еще одна ловушка. Этого не произошло. Лиам напрягся, чтобы расслышать сквозь звон в ушах, запах кордита неприятно резал ноздри.

Эхо выстрелов затихло в тишине раннего утра. Сражение закончилось. Они прорвались.

— Теперь мы можем идти домой? — спросила Квинн.

Лиам обернулся и протянул руку.

— Да, пойдём.

Глава 66

Ханна

День сто второй

Ханна шла через лес вдоль берега реки. Туман призрачными пальцами просачивался сквозь ветви. Ее фонарик напоминал мутную воронку в предрассветном мраке.

Призрак рысил впереди нее, его пушистый хвост развевался в тумане как флаг.

Майло и Шарлотта в безопасности, с Бруксами. Ханне не спалось, хотелось подумать. Она нуждалась в нескольких минутах одиночества. Призрак, должно быть, чувствовал то же самое, потому что он заскулил у двери еще до того, как она опустила ноги в носках на пол.

Лес затих, словно прислушиваясь, ожидая чего-то с затаенным дыханием. Ни улюлюканья сов, ни шорохов, ни стрекота насекомых.

Ханна прикоснулась ладонями к ближайшей сосне, ощутила шершавую кору, вдохнула сладкий аромат соснового сока, липкий на пальцах.

Не так давно она бежала через такой же лес, ели и сосны облеплял снег, сугробы намело до пояса, лютый холод наступал на пятки. Чудовище у нее за спиной, и ничего, кроме собственной ловкости и решимости, не помогало ей выжить.

До Лиама. Машинально Ханна сунула руку в карман и нащупала маленькую вязаную шапочку, которую одолжила у Шарлотты. Шапочка успокаивала ее, словно в ней находилась частичка его жизни.

Пока она шла, и голые ветви образовывали навес высоко над головой, Ханна молилась.

Не в первый раз и не в последний. Она молилась за Лиама, за Квинн, за свою маленькую семью.

За то, что у них здесь есть, что они строят, за что борются. За доверие и веру. За преданность и любовь. За общину.

Люди, о которых она заботилась, были важны, они многое меняли. Некоторые вещи стоили борьбы, боли, жертв. Некоторые вещи — некоторые люди — стоили всего этого.

Она обхватила себя руками и задрожала: ботинки хлюпали по влажным листьям и снегу, дыхание вырывалось белыми струйками. Влажный туман прижимался к ее коже.

Лиам снова где-то там, спасает Квинн, делает то, что умеет лучше всего. Герой, но и раненый воин. Человек, несовершенный, сложный, страдающий.

Она молилась за их с Квинн благополучное возвращение, волновалась за него, скучала по нему. По его теплоте, его уму и вдумчивости, по тому, как одно его присутствие успокаивало ее так, как ничто другое.

Ханна скучала по его кривой улыбке, серо-голубым глазам, похожим на море перед бурей, по этой притягательной смеси силы и уязвимости, которая разрушила ее барьеры, расшатала ее защиту и полностью ее уничтожила.

Теперь ее сердце — поврежденное, дикое, такое же искалеченное, как ее искореженная рука, жаждало того, чего она одновременно боялась и отчаянно желала.

Ханна пробралась сквозь строй деревьев и остановилась на краю обрыва, с которого открывался вид на реку Сент-Джо. Солнце поднялось над горизонтом, его яркие лучи сжигали ленты тумана, клубящегося над рекой.

Река была неспешной, коричневато-серого цвета, как расплавленное железо. С высоты Ханна могла видеть ледяные плиты, вздымающиеся в воздух, скрежещущие друг о друга, как миниатюрные айсберги, трескающиеся и лопающиеся, когда вода в реке внизу поднималась от таяния снега.

Земля под снегом все еще оставалась коричневой и бесплодной. Но ненадолго. Не навсегда.

Какой бы мрачной и холодной она ни казалась, зима не вечна. Река потечет, цветы распустятся, урожай вырастет.

Весну невозможно остановить.

И любовь тоже.

Ханна все ждала, когда страх рассеется. Но он не исчезал. Может быть, никогда и не уйдет.

Может быть, единственные вещи, которые стоит делать или иметь в этом мире, — это те самые вещи, что пугают тебя до смерти.

Она посмотрела на свою руку, на искалеченный большой палец, на скрюченные пальцы, которые она так старалась сделать пригодными для использования, вернуть украденное, восстановить разрушенное.

Ее искалеченная рука теперь часть ее самой, часть ее истории. Стыд больше не разгорался в ее груди при виде нее. Что-то другое сияло ярко, жестко и яростно. Настолько ослепительно, что Ханна до сих пор не верила, что может смотреть на это открыто.

Она сломана, но сломанность не означает уродство. Сломанность не равна безнадежности.

Может быть, просто может быть, сломанное может быть даже красивым.

Как и этот разбитый мир, который они спасали, кусочек за кусочком. Выковыывая

радость, любовь и смысл из трудностей и страданий. Собирая что-то новое из старого.

Призрак радостно залаял, и Ханна подняла голову, когда он выскочил на поляну, его хромота стала едва заметна. Он бросился к ней, просунул свою большую лохматую белую голову под ее пальцы и прислонил свое туловище к ее ноге так сильно, что Ханна чуть не упала. Почти, но не упала.

Она зарылась своими узловатыми пальцами в его шерсть, ее сердце бухало в груди.

— Я люблю тебя, ты знаешь это?

Призрак поднял на нее глаза, язык болтался, карие глаза веселились, как бы говоря:

«Конечно. Я никогда не сомневался в этом. Никогда не сомневался в тебе».

Как и она никогда не сомневалась в нем. Ни на секунду.

Она боялась любить. Однако она научилась бороться. Выживать в любой ситуации. Теперь она могла научиться любить точно так же. Несмотря на страх, любить всеми фибрами своего существа, всем, чем она была и когда-либо будет.

Ханна в последний раз взглянула на извилистую реку, на высокие неподвижные деревья, на солнце, ярко светившее ей в глаза.

И стала ждать Лиама.

Глава 67

Квинн

День сто второй

Квинн едва помнила побег из штаб-квартиры «Вортекса».

Все происходило как в тумане: выстрелы и темнота, страх и боль. Стреляя во все, что двигалось, она пошатываясь едва могла идти. Звук стал далеким и звонким, сердце колотилось так сильно, что казалось, оно может сломать ребра.

Но потом они вышли. Выстрелы прекратились. Никто их не преследовал.

Наконец, она снова смогла дышать.

Улицы хранили полное безмолвие, если не считать гулких шагов. Небо окрасилось в серый цвет, звезды померкли — рассвет приближался.

Лиам не позволил им сделать паузу или отдохнуть, пока они не оказались в четверти мили от делового района.

Они пробирались по задворкам жилого квартала, состоящего из отреставрированных викторианских домов и прибрежных коттеджей, пока не добрались до темно-синего дома с белой отделкой и черепичным сайдингом. В гараже этого дома стоял спрятанный Лиамом двухместный квадроцикл.

Гараж выглядел темным и затхлым, в нем все еще ощущались запахи моторного масла, выхлопных газов и автомобильного воска. А может, ей это только показалось. Он напомнил Квинн дедушкину мастерскую.

От этой мысли ей захотелось плакать.

— Ты в порядке настолько, чтобы ехать? — спросил ее Лиам. — Ты просто должна держаться.

Ей казалось, что она держалась несколько дней. Годами. Все болело. Она так невероятно устала. Ей потребовалось три попытки, но, наконец, она кивнула.

Кто-то вышел из тени.

Внезапная ярость пронзила ее, как укол героина. Вся растерянность, обида и беспомощность, завязались в нити ослепляющей ярости.

С придушенным криком Квинн вырвалась из объятий Лиам и бросилась на Лютера.

Лезвие карамбита прижалось к горлу Лютера прежде, чем он успел осознать, что произошло.

Он привалился спиной к стене, увешанной инструментами на крючках, лопатами и граблями. Его глаза расширились и побелели, руки раскрылись, ладони вытянулись в знак сдачи.

Квинн двигалась вместе с ним, кренясь, но ей удалось удержать кончик ножа у его адамова яблока. Боль отдавалась в каждой косточке и мышце ее тела, голова гудела.

— Ты! — прошипела она сквозь разбитые губы.

Лютер напрягся.

— Прости меня! Я сожалею о том, что случилось в Фолл-Крике. Ты не обязана мне верить, но мне правда жаль.

— Я убью тебя!

— Я только что помог тебя спасти! Как думаешь, кто прибил тех парней на парковке?

Она едва уловила его слова.

— Ты должен умереть!

— Хватит! — вмешался Лиам. — Достаточно.

Тьма захлестнула Квинн изнутри, всепоглощающая ненависть затмила все мысли и чувства, даже невероятную боль.

— Он убийца! Он должен умереть за то, что сделал!

— Нет, — произнес Лиам у нее за спиной. — Этого не случится. Все кончено.

— Ничего не закончено, пока он тоже не умрет!

— Его убийство ни черта не исправит. Оно ничего не решит. Поверь мне.

Она колебалась, дрожала, ее взгляд застыл на лезвии, приставленном к бледно-белому горлу Лютера. Капля темной крови скатилась по его адамову яблоку.

— Это тебя не исцелит, — с болью в голосе проговорил Лиам.

Квинн вздрогнула, красные пятна поплыли у нее перед глазами, а в голове раздался истошный вой. Она презирала уродство внутри себя. Ненавидела чувствовать себя такой. Горечь, как едкий рак, разъедала ее внутренности, ее душу. Как отчаянно она хотела, чтобы это закончилось.

Убийство Саттера должно было поставить точку. Он умер, но это не положило конец тому, что творилось внутри нее. Лиам прав. Это не исцелило ее.

— Все закончилось, — сказал Лиам. — На сегодня достаточно убийств.

Квинн почувствовала, как обмякает, как что-то сдувается внутри нее

Карамбит выскользнул из ее пальцев и с грохотом упал на испачканный маслом бетон.

Слезы ошпарили ей глаза, ужасный всхлип зародился глубоко внутри нее, пульсируя в сердце, ребрах, туловище. А потом она зарыдала, грудь вздымалась, ее била сильная дрожь.

— Квинн, — позвал Лиам.

Он стоял позади нее, положив руку ей на плечо, осторожно, но успокаивающе.

Последние стены рухнули. Она повернулась к нему с животным рыком, криком отчаяния и гнева, такого сильного гнева.

Она била в его грудь окровавленными кулаками, отчаянно и яростно, била изо всех сил. Лиам не останавливал ее, просто принимал, позволяя ей выплеснуть всю боль. Все уродство, страх, ужас и панику, горе и потерю.

Квинн не могла сказать ему, почему рыдает, но не могла остановиться, не могла

контролировать цунами печали, накатывающее на нее волна за волной. Бессвязно и безутешно она продолжала реветь, сопли и слезы заливали ее лицо.

Обхватив Квинн сильными руками, Лиам притянул ее к себе, окутывая теплом и безопасностью. Его объятия не давали ей распасться, удерживая осколки, чтобы она не разбилась вдребезги.

Квинн прильнула к нему, с разбитым сердцем. Она не боролась с ним, не могла бороться. У нее не осталось сил бороться.

Лиам обнимал ее. Он держал ее и не отпускал.

Время шло. Квинн не знала, сколько. Минута или час. Лютер так и остался стоять у стены, но с тем же успехом он мог быть призраком.

В гараже постепенно светлело, бледный утренний свет заливал горизонт. Прохладный рассветный воздух охлаждал ее кожу. На ее руках, лице, волосах засохшая кровь. Часть из них принадлежала ей, часть нет.

Медленно икающие рыдания стихли.

Затем Квинн вспомнила.

— Лиам. — Она отпрянула назад, ее щеки залиты слезами, лицо опухло и покрылось синяками, сердце пылало. — Он идет.

Лиам посмотрел на нее. Его брови беспокойно сдвинулись.

— Кто?

— Генерал. Отец Розамонд Синклер. Он придет за всеми нами.

Конец шестой книги.